Марина и Сергей

ДЯЧЕНКО

ЗОЛОТОЙ ФОНД ФЭНТЕЗИ

МЕТАМОРФОЗЫ

ТЕТРАЛОГИЯ

Гиганты фантастики

Марина и Сергей Дяченко

Метаморфозы. Тетралогия

«Эксмо»

2007, 2021, 2009, 2010

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус))6-44

Дяченко М.

Метаморфозы. Тетралогия / М. Дяченко — «Эксмо», 2007, 2021, 2009, 2010 — (Гиганты фантастики)

ISBN 978-5-04-176790-7

Культовая дилогия «Vita Nostra» и два отдельных романа «Цифровой, или Brevis Est» и «Мигрант, или Brevi Finietur». Их объединяют метаморфозы, через которые проходят герои. Каждому придется начать новую жизнь, пройти тяжелые испытания, повзрослеть и стать мудрее. Эмоциональная насыщенность произведений Дяченко запредельна, они требуют от читателя такого самоотождествления с персонажем, что это можно сравнить только с острой влюбленностью… – Журнал «Питерbook» Философский трактат о взрослении и природе реальности – Booklist Лучшие фантасты Европы, по версии «Еврокон-2005»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус))6-44

ISBN 978-5-04-176790-7

© Дяченко М., 2007, 2021, 2009, 2010
© Эксмо, 2007, 2021, 2009, 2010

Содержание

Vita Nostra 6
Часть I 6
Часть II 110
Конец ознакомительного фрагмента. 198

Марина и Сергей Дяченко
Метаморфозы. Тетралогия
(Цикл «Метаморфозы» в одном томе)

© Дяченко М.Ю., Дяченко С.С., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Vita Nostra

Часть I

…Цены, цены, это просто ужас! В конце концов мама сняла комнатушку в пятиэтажном доме, минутах в двадцати от моря, окнами на запад. В другой такой же комнатушке (квартира-то двухкомнатная!) жили парень с девушкой. Кухня, ванная, туалет – все, получается, общее.

– Они ведь целыми днями на пляже, – успокоила хозяйка. – Много ли молодым надо? Море, вон оно, из окна почти что видно. Рай.

Хозяйка ушла, оставив два ключа: от входной двери и от комнаты. Сашка нашла на дне чемодана прошлогодний, чуть полинявший купальник и торопливо переоделась в ванной, где сохли на батарее чужие трусики. Ее охватил праздничный счастливый зуд: еще немножко, и в море. Волны, соль на губах, глубокая вода цвета хаки – все забылось за долгую зиму. Пальцы в прозрачной волне цветом похожи на белую черешню. Плывешь в горизонт, чувствуешь, как море омывает живот и спину, потом ныряешь и видишь камни на дне, водоросли и зеленоватую пеструю рыбешку…

– Может, сначала поедим? – спросила мама.

Она очень устала. Дорога в душном плацкартном вагоне, беготня по квартирам и бесконечные споры с хозяйками – работа не из легких.

– Ма, мы ведь на море приехали…

Мама прилегла на диван, подложив под голову стопку свежего постельного белья.

– Хочешь, за пирожками сбегаю? – покладисто предложила Сашка.

– Что мы тут, пирожками питаться будем? Есть же кухня…

– Ну ма! Хотя бы окунуться…

– Иди, – мама закрыла глаза. – Заодно купи яиц и кефира на обратном пути. Да, еще хлеба и сливочного масла.

Сашка натянула поверх купальника сарафан, сунула ноги в босоножки и, прихватив с собой хозяйкино полотенце, выскочила во двор, на солнышко.

Во дворе цвели деревья, названия которых Сашка не знала и звала про себя «павлиновыми». За цепочкой неровно подстриженных кустов начиналась улица, ведущая к морю. «Улица, Ведущая к Морю» – так Сашка и решила ее про себя называть. Таблички с подлинным названием улицы, простым и невзрачным, ничего не значили. Бывает ведь, что прекрасным вещам дают дурацкие названия – и наоборот…

Помахивая сумкой, она пошла – побежала – вниз.

Люди шли густой толпой, кто с надувным матрасом, кто с большим зонтиком, кто с одной только пляжной сумкой. Дети, как водится, обливались талым мороженым, и матери, бранясь, затирали пятна скомканными носовыми платками. Солнце давно перевалило зенит и теперь висело над далекими горами, будто выбирая место для посадки. Сашка, улыбаясь во весь рот, шла к морю, чувствуя горячий асфальт даже сквозь подошвы босоножек.

Они выбрались.

Несмотря на безденежье, несмотря на мамины проблемы на работе. Несмотря ни на что, они приехали на море, и через пятнадцать минут… десять… Сашка нырнет.

Улица повернула. Тротуар почти полностью прегражден был щитами мелкой туристической конторы – вот «Ласточкино гнездо», Массандра, Никитский ботанический, Алупкинский дворец… Звенели и гудели игровые автоматы. Железная тумбочка механическим голосом

предлагала предсказать судьбу по линиям руки. Сашка поднялась на цыпочки – и наконец-то увидела море.

Едва удержалась, чтобы не кинуться галопом. Рысцой двинулась вниз по склону, становившемуся все более крутым, туда, где прибой, туда, откуда доносился счастливый детский визг и музыка приморских кафе. Сейчас…

Ближайший пляж оказался платным. Не очень даже расстроившись, Сашка сделала крюк вокруг забора, спрыгнула с невысокой бетонной балюстрадки, и под ногами у нее захрустела галька. Выискав свободное местечко на камнях, сбросила на сумку полотенце, сарафан, рядом оставила босоножки и, морщась, заковыляла по камням к полосе прибоя. Едва добравшись до воды, опустилась на четвереньки, плюхнулась, поплыла…

Вот оно, счастье.

Вода в первую секунду показалась холодной, а во вторую – парной, как молоко. У берега покачивались на волнах водоросли и обрывки полиэтиленовых пакетов, но Сашка плыла дальше и дальше, и вода перед ней очистилась и сменила цвет, позади остались надувные матрасы и дети на ярких кругах, вокруг открылось море, и вспыхнул ярко-красный конический буек – как знак совершенства между двумя голубыми полотнищами.

Сашка нырнула, открыла глаза и увидела целую стаю серых продолговатых рыб.

* * *

Она возвращалась рысцой – мама, наверное, заждалась и будет ругать ее. Дорога в гору показалась неожиданно крутой и длинной. В магазинчике единственная замученная продавщица торговала и хлебом, и яйцами, и картошкой, потому очередь к ней стояла нешуточная. Сашка заручилась поддержкой плотной загорелой женщины («Вы скажете, что я за вами, хорошо?») и по Улице, Ведущей к Морю, побежала во двор с «павлиновыми» деревьями.

Человек стоял возле квартирного бюро – зеленой будки с вечно закрытыми ставнями. Был он, несмотря на жару, одет в темный джинсовый костюм. Его лицо под козырьком синей кепки казалось нездорово-желтым, восковым. Темные очки не пропускали ни лучика и ничего не отражали. И все-таки Сашка поймала его взгляд.

Ей сделалось неприятно.

Отвернувшись и не глядя больше на странного человека, она вошла в подъезд, пропахший поколениями котов и кошек, поднялась на второй этаж и позвонила в черную дерматиновую дверь с жестяным номером «двадцать пять».

* * *

Каждое утро они просыпались в четыре, когда соседи, молодая пара, возвращались с дискотеки. Соседи долго ходили взад-вперед по коридору, пили чай, скрипели кроватью и наконец затихали, тогда Сашка с мамой засыпали снова и в следующий раз просыпались в половине восьмого.

Сашка заваривала растворимый кофе. Они с мамой выпивали по чашечке (кухня полна была грязной посуды, молодые соседи всегда очень извинялись за беспорядок, но тарелок все равно не мыли) и шли на пляж. По дороге покупали йогурт в стаканчиках, или теплую кукурузу, обильно усыпанную кристалликами соли, или пирожки с повидлом. Брали напрокат один пластиковый шезлонг, расстилали на нем полотенце и бежали купаться, оступаясь и шипя от боли на крупной гальке. Плюхались, ныряли и не выходили из воды полчаса, а то и час.

На второй день Сашка «подгорела», и мама на ночь мазала ее плечи кефиром. На четвертый день поехали на морскую прогулку, но море было неспокойное, и обеих немножко укачало. На пятый день разыгрался почти настоящий шторм, по пляжу лениво бродили полу-

голые загорелые спасатели и сообщали в мегафон, что «купаться нельзя, аллигаторов тьма», как переосмыслила их заявления мама. Сашка играла с волной и однажды получила, довольно чувствительно, камнем по ноге. Остался синяк.

Вечерами по всему поселку гремели дискотеки. Группки парней и девчонок, вооруженных сигаретами, стояли у ларьков, у касс, вокруг старых чугунных скамеек и вели светскую жизнь, естественную для молодых млекопитающих. Сашка иногда ловила на себе оценивающие взгляды. Ей неприятны были эти парни с их нахальными накрашенными подругами, и в то же время скребли на душе непрошеные кошки: в шестнадцать лет отдыхать, как маленькая девочка, с мамой нормальной девушке стыдно. Сашке хотелось бы стоять вот так, облокотившись о скамейку, в центре шумной компании и смеяться вместе со всеми, или сидеть в кафе и потягивать джин-колу из баночки, или играть в волейбол на площадке, покрытой растрескавшимся, будто шкура слона, серым асфальтом. Но она проходила мимо, делая вид, что спешит по своим, куда более интересным делам, и проводила вечера, гуляя с мамой по парку и по набережной, рассматривая картины бесконечных пляжных художников, прицениваясь к полированным ракушкам и глиняным подсвечникам, занимаясь, в общем, совсем не скучными и милыми сердцу делами, – но взрывы смеха, доносившиеся от компаний, иногда заставляли ее вздыхать.

Шторм улегся. Муть в воде ушла, море опять стало прозрачным, и Сашка поймала краба – крохотного, как паучок. Поймала и сразу отпустила. Половина срока, отпущенного на отдых, улетела непонятно куда – казалось бы, только приехали, а уже через восемь дней уезжать…

Человек в синей кепке встретился ей на базаре. Сашка шла, прицениваясь к вишне, обогнула торговый ряд и вдруг увидела его в толпе. Человек стоял поодаль, уставив на Сашку темные очки, не пропускавшие ни лучика. И все-таки она была уверена, что он смотрит на нее и только на нее.

Сашка развернулась и направилась к выходу с базара. В конце концов, вишню можно купить на углу – там дороже, но ненамного. Помахивая полиэтиленовым кульком, она вышла на Улицу, Ведущую к Морю, и двинулась вверх, к своей пятиэтажке, стараясь подольше оставаться в тени акаций и лип.

Пройдя полквартала, обернулась. Человек в темном джинсовом костюме шел за ней.

Сашка почему-то была уверена, что он остался на базаре. Вероятность того, что человеку и Сашке просто по пути, оставалась, конечно, но казалась совсем несерьезной. Глядя в черные, непрозрачные стекла очков, Сашка испытала вдруг панический ужас.

Вокруг полно было отдыхающих и пляжников. Дети все так же обливались талым мороженым, ларьки все так же торговали жвачкой, пивом и овощами, с неба жгло послеполуденное солнце, а Сашке сделалось холодно до инея в животе. Сама не зная, откуда страх и почему она так боится темного человека, Сашка рванула вверх по улице так, что только босоножки застучали, а прохожие шарахнулись с пути.

Задыхаясь и не смея оглянуться, она вбежала во двор с «павлиновыми» деревьями. Заскочила в подъезд и позвонила. Мама долго не открывала дверь, внизу, в подъезде, хлопнула створка, послышались шаги по лестнице…

Мама наконец отперла. Сашка вскочила в квартиру, едва не сбив ее с ног. Захлопнула дверь и заперла на замок.

– Ты что?!

Сашка прильнула к глазку. Искаженная, как в кривом зеркале, показалась соседка с кульком алычи, миновала второй этаж, двинулась выше на третий…

Сашка перевела дух.

– Что случилось? – с тревогой спросила мама.

– Да так, – Сашке уже было стыдно. – Привязался тут один…

– Кто?!

Сашка взялась объяснять. История с темным человеком, будучи рассказанной внятно, оказалась не то что не страшной – дурацкой совершенно.

– Вишню ты не купила, – подытожила мама.

Сашка виновато пожала плечами. Надо было взять кулек и вернуться на базар, но при мысли о том, чтобы открыть дверь и выйти опять во двор, жалобно подрагивали поджилки.

– Новые новости, – вздохнула мама.

Взяла у Сашки сумку и деньги и молча ушла на базар.

* * *

На другой день утром по дороге на море Сашка опять увидела темного человека. Он стоял у киоска турфирмы, будто изучая маршруты и цены, а на самом деле наблюдая за Сашкой из-за непрозрачных темных очков.

– Ма… Смотри…

Мама проследила за Сашкиным взглядом. Подняла брови:

– Не понимаю. Стоит себе мужичок. Ну и что?

– Ты в нем ничего особенного не видишь?

Мама шла как ни в чем не бывало, с каждым шагом приближаясь к темному человеку. Сашка замедлила шаг.

– Я на ту сторону перейду.

– Ну перейди… По-моему, тебе солнце голову напекло капитально.

Сашка пересекла полосу мятого асфальта с отпечатками покрышек. Мама прошла мимо темного человека, он даже не глянул на нее. А смотрел на Сашку и только на Сашку. Провожал ее взглядом.

На пляже они взяли шезлонг, поставили на обычном месте, но Сашке впервые не хотелось купаться. Ей хотелось вернуться домой и запереться в квартире… Хотя дверь-то в квартире фанерная, иллюзия, можно сказать, обшитая старым дерматином. Уж лучше здесь, на пляже, где людно и шумно, где покачиваются у берега плавучие матрасы, малыш с надувным кругом на поясе стоит по колено в воде, а круг в виде лебедя с длинной шеей, и ребенок сжимает белое податливое горло…

Мама купила пахлавы у разносчицы в белом фартуке. Сашка долго облизывала сладкие липкие руки, потом пошла к морю – сполоснуть. Вошла в воду, не снимая пластиковых шлепанцев. Красный буек, знак совершенства на полпути к горизонту, едва покачивался на воде, отражал солнце матовым боком. Сашка улыбнулась, сбрасывая тревогу. В самом деле, смешная история. Чего ей бояться? Через неделю она уедет домой, и вообще. Что он ей сделает?

Она вошла поглубже, сняла шлепанцы и забросила на берег, подальше, чтобы не утащило случайной волной. Нырнула, проплыла несколько метров под водой, вынырнула, фыркнула, засмеялась и рванула к буйку – оставляя сзади берег, гомон, торговку пахлавой, страх перед темным человеком…

А днем оказалось, что забыли купить масло и рыбу не на чем жарить.

* * *

Покачивались розовые цветы на «павлиновых» деревьях. Дальше, в кустах, тоже что-то цвело и пахло, привлекая пчел. На скамейке дремала старушка. Мальчишка лет четырех возил мелками по бетонной бровке тротуара. По Улице, Ведущей к Морю, текла обычная пестрая толпа.

Сашка вышла на улицу и опять огляделась. И рысью, чтобы побыстрее управиться, рванула в магазин.

– Женщина, вы последняя? Я за вами буду…

Очередь двигалась не быстро, но и не медленно. До прилавка оставалось три человека, когда Сашка почувствовала взгляд.

Темный человек возник в дверях магазина. Шагнул внутрь. Минуя очередь, подошел к прилавку. Остановился, будто разглядывая ассортимент. Глаза, скрытые очками, сверлили Сашку. Просверливали насквозь.

Она не двинулась с места. Сперва потому, что ноги прилипли к полу. Потом – подумав и осознав, что здесь, в магазине, ей ничего не грозит. Ей вообще ничего не грозит… А все бросать, выбираться из очереди, бежать домой – глупо. В подъезде он ее и настигнет.

Вот разве что покричать маме со двора… Пусть выглянет в окно…

И что?!

– Девушка, вы берете?

Она попросила масло. Расплачиваясь, рассыпала мелочь. Старичок, стоявший за ней, помог собрать монеты. Может быть, попросить у кого-то помощи?

Темный человек стоял у прилавка и смотрел на Сашку. От его взгляда у нее мысли путались в голове. Позор, но все сильнее хотелось в туалет.

Закричать «помогите!»?

Никто ничего не поймет. Никто не знает, почему Сашка испытывает такой ужас перед этим обыкновенным, в общем-то, человеком. Ну, бледное лицо… Ну, темные очки… Что же с ней происходит, когда он вот так смотрит на нее из-под непрозрачных стекол?!

Зажав в кулаке сумку с пакетом сливочного масла и бутылкой подсолнечного, Сашка пошла к выходу из магазина. Человек двинулся за ней, будто не собираясь ничего скрывать. Не притворяясь. Деловито и целенаправленно.

Переступив порог, она сорвалась с места, как спринтер. Взлетели из-под ног серые голуби. Перебежав через дорогу, Сашка кинулась, только ветер в ушах, к дому, к маме, в знакомый двор…

Двор оказался незнакомым. Сашка оглянулась – «павлиновые» деревья цвели, как всегда, и бордюр был размалеван мелками, но вход в подъезд был совсем другой, скамейка стояла не так. Может быть, это другой двор?!

Темный человек не бежал – он просто быстро шел, с каждым шагом приближаясь, кажется, на полтора метра. Сашка, обезумев от страха, кинулась в подъезд… этого ни в коем случае нельзя было делать, Сашка знала – но побежала все равно. Внизу хлопнула створка. Сашка бросилась по ступенькам наверх, но этажей было всего пять. Лестница заканчивалась тупиком запертых дверей. Сашка кинулась звонить в чью-то квартиру, звонок отдавался – дидон – внутри, но никто не открывал. Пусто.

Человек уже стоял рядом. Перегораживая лестницу. Перегораживая путь к отступлению.

– Это сон! – крикнула она первое, что пришло на ум. – Я хочу, чтобы это был сон!

И проснулась на раскладушке, вся в слезах, с отдавленным о подушку ухом.

* * *

– Приснится же такое…

Они вышли из дома, как обычно, около восьми. На углу купили йогурт. Сашка, будто ненароком, выманила маму на другую сторону улицы – противоположную той, где туристическое агентство.

И оказалась права. Темный человек стоял возле большого рекламного плаката с фотографией «Ласточкиного гнезда». Из-под непроницаемых очков следил за Сашкой.

– Я так больше не могу… Это какой-то психоз…

– Да что такое?

– Вон он опять стоит, смотрит…

Сашка не успела удержать маму. Та решительно свернула, и пересекла улицу, и подошла прямо к темному человеку, и о чем-то с ним заговорила; человек отвечал, не сводя глаз с Сашки. Хотя лицо его было повернуто к маме и губы шевелились естественно и даже приветливо… если бывают приветливые губы…

Мама вернулась, одновременно довольная и злая.

– Успокойся, это такой же отдыхающий, как ты. Не понимаю, чего тебе от него надо… Он из Нижневартовска. У него аллергия на солнце.

Сашка промолчала.

В обед, возвращаясь с моря, они зашли на базар, и Сашка сама внимательно проследила, чтобы не пропустить ни одной покупки. Явившись в пустую квартиру, по очереди приняли «душ» из ковшика с тазиком (воды, как обычно днем, не было) и взялись стряпать…

Вот тут и оказалось, что кончилась соль.

* * *

Темный человек сидел на скамейке у выхода со двора. Сашка увидела его, едва выглянув из подъезда.

Вернулась обратно.

Рыжий кот с рваным ухом доедал сметану из кем-то оставленной плошки. Чавкал. Облизывался. Дико смотрел на Сашку желтым глазом и снова вылизывал посудину.

Сашка стояла, не зная, что делать. Возвращаться? Идти как ни в чем не бывало? Психоз…

В подъезде потемнело. Человек в синей кепке стоял у входа, закрывая свет.

– Александра…

Она дернулась, будто ее шандарахнуло током.

– Надо поговорить. Можно, конечно, так бегать до бесконечности, но в этом нет ни радости, ни смысла.

– Вы кто? Откуда меня знаете?

Она тут же вспомнила, что мама много раз называла ее по имени – на улице, на пляже. Ничего удивительного, что он знает ее имя. Захотел – и узнал.

– Давайте сядем на лавочке и поговорим.

– Я не собираюсь ни о чем с вами… Если вы не перестанете ходить за мной, я позову… я обращусь в милицию!

– Саша, я не убийца и не грабитель. У меня к вам серьезный разговор. Определяющий всю вашу жизнь. Лучше будет, если вы меня послушаете.

– Я не собираюсь. Уходите!

Она повернулась и кинулась вверх по лестнице. К черной дерматиновой двери с номером «двадцать пять».

На втором этаже все двери были рыжие. С тусклыми стеклянными табличками, и на них совсем другие номера. Сашка обомлела.

За спиной негромко звучали шаги. Темный человек поднимался по лестнице.

– Я хочу, чтобы это был сон! – крикнула Сашка.

И проснулась.

* * *

– Мама, какое сегодня число?

– Двадцать четвертое. А что?

– Но ведь вчера же было двадцать четвертое!

– Вчера – двадцать третье. Так всегда на отдыхе – числа путаются, дни недели забываются…

Они спустились во двор, в безветренное и белое, будто молоко, душистое утро. «Павлиновые» деревья стояли неподвижно, как две розовых горы с цветущими на них абрикосами. Веселая толпа пляжников текла вниз по Улице, Ведущей к Морю. Сашка шла, почти уверенная, что это снова сон.

У туристического киоска стояли, изучая маршруты и цены, молодые супруги. Их мальчишка – жвачка в зубах, колени в зеленке – примерял очки для подводного плавания. Темного человека не было нигде, но ощущение сна не проходило.

Они купили кукурузы. Сашка держала ее, теплую, пока мама вытаскивала из сарайчика и устанавливала на камнях прокатный шезлонг. Мягкий желтый початок пропитался солью, кукурузные зернышки, не успевшие огрубеть, таяли во рту. Огрызки сложили в полиэтиленовый кулек, и Сашка вынесла его к урне у входа на пляж.

Темный человек стоял далеко, в толпе. Смотрел на Сашку из-под непроницаемых очков.

– Я хочу, чтобы это был сон, – сказала Сашка вслух.

И проснулась на раскладушке.

* * *

– Мама, давай сегодня уедем.

Мама от удивления чуть не выронила тарелку:

– Как? Куда?!

– Домой.

– Ты же так рвалась… Тебе что, здесь не нравится?

– Я хочу домой.

Мама пощупала Сашкин лоб.

– Ты серьезно? Почему?

Сашка неопределенно пожала плечами.

– У нас билеты на второе число, – сказала мама. – Брала за месяц. И то достались боковые. И за квартиру у нас заплачено по второе. Саш, я не понимаю, ты же радовалась…

У нее было такое растерянное, такое огорченное и беспомощное лицо, что Сашке стало стыдно.

– Да ничего, – пробормотала себе под нос. – Это я так.

Они спустились во двор. «Павлиновые» деревья разливали запах над песочницей и скамейками, над чьими-то старыми «Жигулями». Вдоль по Улице, Ведущей к Морю, топали, как на демонстрацию, отдыхающие с надувными матрасами наперевес. И продолжалось спокойное, жаркое, размеренно-курортное утро двадцать четвертого июля.

У туристического киоска не было никого. Рядом, в кафе под чахлыми пальмами, компания ребят пила пиво и громко спорила, куда поехать. Все они были загорелые и длинноногие, и парни, и девушки. Все в шортах. Все с полупустыми рюкзачками на прямых спинах. Сашке захотелось уехать с ними. Нацепить рюкзачок, зашнуровать кроссовки и рвануть по пыльным дорогам Крыма – где автостопом, где пешком…

Они с мамой прошли мимо. Купили пирожков. Установили шезлонг, уселись на него боком с двух сторон. Море чуть-чуть волновалось, красный буек подпрыгивал, в отдалении трещали моторами водные скутеры. Сашка жевала пирожок, не чувствуя вкуса. Может быть, все обойдется, темный человек больше не придет никогда, а завтра наступит наконец двадцать пятое?

После обеда мама прилегла вздремнуть. В комнате было душно, солнце, склоняясь на запад, пробивало навылет закрытые шторы, когда-то зеленые, а теперь выгоревшие до грязно-

салатного оттенка. Явились соседи, весело переговаривались на кухне, лили воду из бака и звенели посудой. Сашка сидела с книгой на коленях, смотрела на серые строчки и ничего не понимала.

Оглушительно тикал железный будильник на тумбочке. Отсчитывал секунды.

* * *

– Так все-таки поговорим, Саша?

Был вечер. Мама стояла, опершись о балюстраду, и живо беседовала с мужчиной лет сорока, светловолосым и белокожим – видно, только что прибывшим на курорт. Мама улыбалась, и на щеках у нее появлялись ямочки. Особенная улыбка. Сашке мама улыбалась по-другому…

Сашка ждала на скамейке под сенью акации. Между ней и художником, пристроившимся на другом конце скамейки, секунду назад уселся темный человек. Даже южные сумерки не заставили его расстаться с непроницаемыми очками. Сашка чувствовала взгляд из-за черных стекол. Из полной темноты.

Можно было, наверное, позвать маму. Или просто закричать: «Помогите!» Или сказать себе – «это сон». И это будет сон. Бесконечный.

– Чего вы… чего вам от меня надо?!

– Я хочу дать вам поручение. Несложное. Я никогда не требую невозможного.

– Какое вы… при чем тут…

– А поручение такое: каждый день, в четыре утра, вы должны быть на пляже. Голышом войти в воду, проплыть сто метров и коснуться буйка. В четыре утра на пляже никого нет, темно и некого стесняться.

Сашка сидела, будто прибитая мешком. Он сумасшедший? Или сумасшедшие они оба?

– А если я не буду? С какой это стати…

Черные очки висели перед ее лицом, как две дыры, ведущие в никуда.

– Вы будете, Саша. Вы будете. Потому что мир вокруг вас очень хрупкий. Каждый день люди падают, ломают кости, гибнут под колесами машин, тонут… Заболевают гепатитом и туберкулезом. Мне очень не хочется вам об этом говорить. Но в ваших интересах просто сделать все, о чем я вас прошу. Это несложно.

Мама у балюстрады смеялась. Обернулась, помахала рукой, что-то сказала собеседнику – видно, разговор у них зашел о ней, о Сашке.

– Вы маньяк? – спросила Сашка с надеждой.

Черные очки качнулись.

– Нет. Давайте сразу отбросим костыли: вы здоровы, я не маньяк. У вас есть выбор: до конца дней болтаться между страшным сном и кошмаром наяву. Или взять себя в руки, спокойно сделать то, о чем вас просят, и жить дальше. Вы можете сказать: «Это сон» – и снова проснуться. И наша встреча повторится опять – с вариациями… Только зачем?

По набережной прогуливались люди. Мама вдруг воскликнула: «Смотрите! Дельфины!» – и махнула рукой по направлению к морю, ее собеседник разразился серией удивленных междометий, прохожие остановились, высматривая что-то на синей простыне, и Сашка тоже разглядела далекие черные фигуры, похожие на опрокинутые скобки, которые то взлетали над морем, то снова исчезали.

– Так мы договорились, Саша?

Мама болтала, глядя на дельфинов, и собеседник внимал ей, кивая. Блестели зубы, горели мамины глаза, Сашка вдруг увидела, какая она молодая. И какая – в этот самый момент – счастливая…

– Завтра утром ваш первый рабочий вылет, – темный человек усмехнулся. – Только запомните: каждый день, в четыре утра. Поставьте будильник. Это очень важно для вас – не проспать и не опоздать. Постарайтесь. Хорошо?

* * *

Сашка лежала без сна. Ворочалась на раскладушке. Шторы были раздвинуты, окно открыто настежь, там, во дворе, пели соловьи и гремела в отдалении дискотека. Замолчала в половине второго.

Прошла по улице шумная компания. Стихли голоса.

Проревели один за другим три мотоцикла. Сработала сигнализация у машины во дворе. Проснулась мама, поворочалась на диване, заснула опять.

В три часа Сашка начала задремывать. В полчетвертого подпрыгнула, будто ее толкнули. Вытащила из-под подушки будильник. Короткая черная стрелка – часовая – минут через десять должна была слиться с желтой стрелкой звонка.

Сашка придавила кнопку. Провернула желтую стрелку назад. Будильник тренькнул пружиной и обмяк.

Сашка встала. Надела купальник, натянула сарафан. Взяла ключи и тихонько, чтобы не разбудить маму, вышла из комнаты. Завернула на пустую кухню, прокралась на балкон, сняла с веревки пляжное, пахнущее морем, еще не просохшее полотенце. И так, с полотенцем в одной руке и ключами в другой, выбралась на лестницу.

Горела лампочка. Снизу поднимались, шикая друг на друга, соседи-влюбленные. Увидев Сашку, уставились на нее в четыре удивленных глаза:

– Что случилось-то?

– Ничего. – Сашку трясло, зуб на зуб не попадал. – Искупаться хочу. На рассвете.

– Во молодец! – восхищенно признал парень.

Сашка дала им пройти. Быстрым шагом вышла из дома. Наверное, сейчас уже без пятнадцати четыре. Она опаздывала.

На пустой улице еще горели фонари. Сашка побежала – бежать вниз оказалось неожиданно легко, она согрелась и больше не тряслась. Темное небо светлело. Рысью проскочив мимо решетки платного пляжа, Сашка выбежала на свой, привычный, совершенно безлюдный. Белели пластиковые стаканчики в куче мусора. Светились окна в ближайшем пансионате – пять или шесть окон на весь фасад. У входа в главный корпус висели часы. Показывали без трех минут четыре.

Сашка сбросила сарафан. Оступаясь на гальке, вошла в прибой. Стоя в воде по шею, расстегнула лифчик, свернула комком. Избавилась от плавок. И, держа купальник в правой руке, поплыла к буйку.

В мутном свете он казался не красным, а серым. Сашка хлопнула ладонью по железному боку. Буек ответил гулким эхом. Сашка оглянулась на берег – там не было никого. Ни одной души.

Она поплыла обратно. От холодной воды вернулся озноб. Едва нащупав ногами камни, встала, балансируя в волне, и поняла, что распутать мокрые тряпочки и веревочки, в которые превратился скомканный купальник, не может.

Тогда, всхлипнув, Сашка швырнула комок выгоревшей ткани на берег, на гальку. Встала на четвереньки и так, то на двух, то на четырех, рванула к полотенцу.

Завернулась в него и огляделась снова.

Никого. Ни души. Море играет брошенным купальником, и с каждой минутой становится все светлее. В парке поют соловьи.

Подобрав купальник, сарафан и босоножки, Сашка проковыляла к синей кабинке для переодевания. Растерлась полотенцем – и неожиданно обрадовалась. Расправила плечи. Кожа горела, наливаясь изнутри, как шкурка спелого яблока. Уже без спешки Сашка оделась, обулась, нащупала ключи в кармане сарафана. Выкрутила купальник, вышла из кабинки и почти сразу согнулась пополам от рвотного спазма.

Упала на четвереньки, и ее вытошнило на гальку. Выплеснулась вода и вместе с ней – желтоватые кругляшки. Звякнули о камень. Сашка откашлялась, продышалась. Рвота ушла так же неожиданно, как началась. На гальке лежали три тусклые золотые денежки.

* * *

Дома, запершись в ванной, она рассмотрела монеты. Три одинаковых кругляша, на одной стороне незнакомый знак, состоящий из округлых переплетающихся линий. Не то лицо. Не то корона. Не то цветок; чем дольше Сашка смотрела – тем объемнее казался значок, будто выступал, приподнимался над плоскостью монеты.

Она протерла глаза. На реверсе имелся гладкий овал – не то О, не то ноль. Пробы, разумеется, не было, а Сашка не была особенным знатоком драгоценных металлов, но в том, что монеты золотые, почему-то сомнений не возникало.

По Улице, Ведущей к Морю, шли первые прохожие. Было около шести утра. Сашка легла на раскладушку, укрылась с головой одеялом и, зажав монеты в руке, снова задумалась.

Немного саднило горло. Тошноты больше не было. Можно, конечно, допустить, что Сашку вывернуло от вчерашней пахлавы, а монеты просто лежали на гальке. А человек в темных очках – маньяк, сложным и странным образом добывающий возможность посмотреть на голую девушку. В полутьме. Рано утром.

Она плотно зажмурила воспаленные глаза. Нет. Нельзя допустить. Сашку вынесло, вымыло из привычного мира в нереальный. Если верить книжкам, это случается с людьми, и даже не очень редко.

Или это все-таки сон?

Она заснула неожиданно для себя. И когда проснулась – было обыкновенное позднее утро двадцать пятого июля. Мама явилась с кухни, вытирая руки полотенцем, поглядела на Сашку с беспокойством:

– Ты что, ходила куда-то?!

– Купалась.

– С ума сошла?

– Почему? – возразила Сашка хрипло. – Знаешь, как здорово? На рассвете. Никого нет…

– Это опасно, – сказала мама. – И почему ты меня не предупредила?

Сашка пожала плечами под одеялом.

– Нам надо идти, – сказала мама. – Уже почти девять. Пошли скорее.

Сашка прерывисто вздохнула.

– Ма… а можно, я… полежу пока? Я плохо спала вообще-то.

– Ты не заболела? – Мама привычно положила ладонь на Сашкин лоб. – Нет, температуры нет… Доиграешься с этими ночными купаниями, весь отдых будет испорчен.

Сашка не ответила. Сжала в кулаке монеты, так что они впились в ладонь.

– Я там яйца сварила, – сказала мама озабоченно. – Возьми майонез в холодильнике… Эти красавцы, соседи, полбаночки нашего майонеза уже схрупали, ну ладно, на здоровье, как говорится.

Она продолжала вытирать полотенцем сухие руки.

– Я договорилась на пляже встретиться с Валентином, неудобно, знаешь, не появиться, я вчера обещала, что мы придем…

Сашка вспомнила вчерашний день. Валентином звали маминого собеседника, светловолосого и белокожего, который так живо наблюдал за далеким парадом дельфинов. Помнится, мама представила ее своему новому знакомому: «Это – Александра». Какая-то особенная значительность была в мамином голосе, но Сашка тогда не обратила внимания. Темный человек поднялся со скамейки и ушел, оставив поручение – и страх. Сашке было холодно посреди теплого, даже душного вечера. Сладко пахли цветы на клумбе… У Валентина был приятный одеколон, тонкий и терпкий. Сашка помнила запах, но не помнила лица.

– Ну иди, – Сашка подтянула одеяло. – Я немного поваляюсь… и тоже к вам приду.

– Будем на прежнем месте, – быстро сказала мама. – Яйца на столе… Ну, я пошла.

И, подхватив уже собранную сумку, поспешила к двери. На пороге обернулась:

– Будешь идти, купальник не забудь! Он на балконе сохнет…

И вышла.

* * *

Когда Сашка проснулась во второй раз, железный будильник показывал половину двенадцатого. На пляже в это время жара, толпа и море кипит от купающихся тел, будто суп с клецками. Поздно идти на море… или рано. Как посмотреть. Вот часика в четыре…

Она поразилась таким простым, таким будничным мыслям. Поднесла к глазам ладонь с монетами. Пока она спала, ладонь не разжималась – кругляши отпечатались на влажной коже. Сашка осторожно переложила их из правой руки в левую.

Что с ними делать? Сохранить, выбросить?

Звонок в дверь заставил ее дернуться. Одна монета соскользнула с ладони и укатилась под раскладушку. Нервничая, Сашка нащупала ее на пыльном ковре, набросила мамин ситцевый халат, вышла в темную прихожую.

– Кто там?

Теоретически это могла быть мама. Или, к примеру, почтальон. Или…

– Это я. Открывайте.

Сашка отпрянула.

Во всей квартире пусто – соседи на пляже. Дверь заперта… тонкая дверь из прессованных опилок, обитых дерматином.

Монеты прилипли к мокрой ладони. Удерживая их в кулаке, Сашка одной рукой отперла дверь – получилось не сразу.

– Добренький денечек. – Человек в непроницаемых очках шагнул через порог. – Я ненадолго. Идемте на кухню.

И прошел по коридору сам, первый, будто много раз бывал в этой квартире, будто был ее хозяином. Впрочем, дом-то типовой, типовее некуда…

Сашка пошла за ним как привязанная.

– Сядьте. – Человек выставил табурет на середину кухни. Сашка села – у нее подкосились ноги. Темный человек уселся напротив. – Монеты?

Сашка разжала кулак. Три золотых кругляшка лежали на красной ладони – влажные, в капельках пота.

– Очень хорошо. Оставьте себе. Сохраните, пожалуйста, все до одной. Все, которые будут. Не надо мучиться с купальником – входить в воду нужно голышом, не страшно, никто не смотрит. Продолжаем купаться без пропусков и опозданий. Завтра. Послезавтра. Через два дня.

– Я второго числа уезжаю, – сказала Сашка и сама поразилась, как тонко и жалобно прозвучал ее голос. – Я… у меня билеты на поезд. Я ведь не здесь живу, я…

Она была совершенно уверена, что темный гость велит ей поселиться в поселке на веки вечные и входить в воду в четыре утра и в январе, и в феврале, и до самой старости.

– Я же сказал, что не потребую ничего невозможного, – он медленно растянул губы, и Сашка с удивлением поняла, что он усмехается. – Второго числа на рассвете искупаетесь. А после завтрака уедете.

– Можно?!

– Можно. – Человек поднялся. – Не проспите.

И зашагал к двери.

– А зачем это вам надо? – шепотом спросила Сашка.

Но ответа не услышала.

* * *

– Ты куда? – Мама приподнялась на локте.

– Купаться.

– С ума сошла? А ну ложись сейчас же!

Сашка перевела дыхание:

– Ма, мне очень нужно. Я закаляю волю.

– Чего?

– Ну, закаляю волю. Тренирую. По утрам… Прости, я опаздываю.

Задыхаясь, она выбежала на пляж. Нервно оглянулась – ни души, даже окна пансионата не светятся. Сбросила сарафан, комкая, стянула белье, кинулась в воду и поплыла кролем, будто пытаясь вырваться из собственной кожи.

Не хватало дыхания. Сашка перешла на «пляжный брасс», сильно загребая ногами, высоко подняв подбородок.

Плыть было приятно. Раньше она никогда не купалась голышом и не предполагала, что это так здорово. Холодная вода покалывала иголочками, согревала и согревалась. Сашка двумя руками ухватилась за буек и замерла, покачиваясь, невидимая с берега.

А может быть, обратно не возвращаться? Рвануть дальше, через все море, в Турцию…

Она перевернулась на спину и, лениво взмахивая руками, поплыла к берегу. Редкие утренние звезды растворялись медленно, как крупицы сахара в холодной воде.

Сашка растерлась полотенцем и оделась в кабинке. Вышла, прислушалась к себе – ничего не происходило. Она зашагала к выходу с пляжа; ее скрутило напротив сарайчика с лежаками, запертого на висячий замок. Закашлявшись и схватившись за горло, Сашка извергла из себя четыре золотые монеты.

* * *

На третье утро купаний ее вырвало уже в квартире, в ванной. Монеты звякнули о чугун. Сашка трясущимися руками собрала их, рассмотрела – точно такие же, с округлым «объемным» значком. Достоинством в ноль копеек… Она криво улыбнулась своему отражению в зеркале. Спрятала монеты в карман халата. Умылась и вышла.

Мама накручивала волосы на бигуди. Смысла в этом не было: все равно в воде завивка разойдется, но теперь мама тратила кучу времени на бигуди, на макияж, на выглаживание юбок и теннисок.

– Ты не против, если мы с Валентином завтра вечером завеемся в кафе? Вдвоем?

Мама задавала вопрос, старательно отводя глаза.

– Ты можешь сходить в кино… Что там идет, в кинотеатре на набережной?

– Не знаю, – Сашка перебирала монеты в кармане. – Идите. Я дома почитаю.

– Вот как быть с ключами? – Сашкина покладистость явно обрадовала маму, у нее будто гора с плеч свалилась. – Если я вернусь поздно… Не хотелось бы тебя будить… Но если забирать ключи – вдруг ты захочешь прогуляться?

– Бери ключи. Я почитаю, – повторила Сашка.

– Но свежий воздух…

– Я сяду на балконе. Возьму настольную лампу.

– Хоть завтра, может быть, ты захочешь на дискотеку?

– Нет.

Днем Валентин повел их обедать в ресторан. Был он приличный дядька, остроумный, обаятельный; Сашка смотрела, как радуется мама, и мысленно считала дни: сегодня двадцать седьмое. Осталось пять дней… Вернее, четыре, на пятый мы уезжаем. И все кончится. Я все забуду. Еще пять раз…

Она искупалась на следующее утро и на следующее, а потом проспала.

* * *

Проснулась от солнца. Солнце било в незакрытое окно, мамина постель была пуста, будильник, вывернувшись из-под подушки, лежал не ковре.

Не веря себе, Сашка взяла его в руки. Желтая стрелка на половине четвертого… Пружина спущена… Почему он не зазвонил?!

– Мама! Ты трогала будильник?!

Мама, добродушная, свежая после душа, принесла в комнату кофе на подносе.

– Не трогала… Он упал, я его не поднимала… Еще хозяйка придерется… Не переживай, ты не высыпалась в последние дни, надо же высыпаться на отдыхе… Да что с тобой?

Сашка сидела на краю раскладушки, опустив плечи и четко осознавая, что случилось ужасное. Непонятное, необъяснимое, неизвестно чем грозящее – и оттого страшное втройне.

* * *

Темный человек стоял у туристического бюро. Разглядывал фотографию «Ласточкиного гнезда». Сашка замедлила шаг. Мама обернулась.

– Ты иди, – сказала Сашка. – Я догоню.

В другой ситуации мама, наверное, взялась бы возражать и расспрашивать. Но Валентин, наверное, уже взял напрокат шезлонги; мама кивнула, сказала: «Не задерживайся» – и зашагала вниз, к пляжу.

Под утренним солнцем размякал асфальт. Покрышки легковушек и грузовиков отпечатывались в лужице черного машинного масла, оставляли на проезжей части фигурные следы.

– У меня будильник не зазвонил, – сказала Сашка, сама не понимая, за что извиняется и перед кем. – Он упал…

Сквозь черные очки не было видно глаз. И в стеклах не отражалось ничего. Как будто они были бархатные. Темный человек молчал.

– У меня будильник не зазвонил!

Сашка вдруг разревелась прямо на улице. От страха, от неизвестности, от нервного напряжения последних дней. Прохожие поворачивали головы, смотрели на рыдающую девушку. Сашке казалось, что она нырнула глубоко в море и сквозь толщу воды видит белесые лица глубоководных рыб.

– Очень плохо, но не ужасно, – наконец сказал человек в черных очках. – В конце концов, даже полезно – научит тебя дисциплине. Второй такой промах обойдется дороже, и не говори, что я не предупреждал.

Он повернулся и пошел прочь, оставив Сашку реветь возле киоска и мотать головой на участливые вопросы прохожих. Забившись на парковую аллею, почти пустую в этот час, и нащупав на дне сумки носовой платок, она наконец-то смогла подобрать сопли, но успокоиться так и не сумела.

Ее собственные темные очки, прошлогодние, с тонкими дужками, скрыли красноту глаз и опухшие веки. Надвинув кепку низко на лоб, Сашка шагала вниз по улице, не глядя на людей, не поднимая глаз. Впереди семенила девочка лет четырех, топала красными сандаликами, держалась за руку матери…

У въезда на пляж стояла «Скорая». Сашка остановилась, влипнув подошвами в мягкий асфальт.

И почти сразу увидела маму. Мама ковыляла по гальке, накинув на плечи полотенце, рядом с носилками, на которых лежал очень бледный человек, в котором трудно было узнать веселого жизнелюба Валентина.

Сашка села на балюстраду.

Носилки погрузили в машину. Врач что-то отрывисто сказал маме, та закивала и что-то спросила. Врач помотал головой и влез в кабину. Машина, просигналив на толпу, отъехала, развернулась на пятачке перед пансионатом, двинулась вверх по Улице, Ведущей к Морю…

«Очень плохо, но не ужасно».

– Что с ним, мама?

Мама обернулась. В глазах ее были горе и паника.

– Больница номер шесть, – проговорила она, как заклинание. – Я сейчас… только переоденусь, и надо ехать… Это инфаркт, Санечка, это инфаркт… Боже мой, боже мой…

И, как слепая, двинулась сквозь толпу заинтригованных пляжников.

* * *

Мама ночевала в городской больнице. Почти все наличные деньги ушли врачам и медсестрам, и мама с почты позвонила сотруднице, чтобы та прислала еще перевод. Сашка провела ночь одна в комнате, без сна. На будильник надежды не было.

В три часа она вышла из дома. Где-то догуливали дискотеки, где-то светились огни кафе. Сашка спустилась к темному морю и села у воды прямо на гальку.

Далеко, почти у самого горизонта, шел теплоход. В палисадниках за Сашкиной спиной визжали цикады. Море полизывало пляж, стягивало с берега мелкие камушки и возвращало снова, шлифовало, натирая друг о друга. У моря было время. И терпения морю не занимать.

Без пятнадцати четыре Сашка стащила с себя одежду и вошла в воду, содрогаясь от холода. Поплыла, то и дело оборачивалась, будто ожидая, что вот-вот из воды поднимет голову неведомое чудовище в темных очках.

Хлопнула по буйку. Посмотрела на небо; там начинался рассвет. Посмотрела под воду – туда уходил еле различимый железный трос якоря.

Вернулась на берег и, едва успев набросить на плечи полотенце, зашлась в приступе рвоты. Пять монет вылетели одна за другой, оставив резь в горле и затихающие судороги в желудке. Раскатились на гальке, прячась в щели между камнями.

* * *

Мама вернулась после полудня, очень усталая и очень сосредоточенная. Валентину стало лучше – инфаркта все-таки не было, помощь подоспела вовремя, а потому никакой опасности пациенту больше не угрожало.

– Все будет хорошо, – повторила мама отрешенно. – Спать я хочу, Сашка, умираю просто… Если хочешь – иди на пляж сама. Я посплю.

– Как он там? – спросила Сашка. – Может, телеграмму каким-нибудь родственникам…

– Уже прилетели родственники, – все так же отрешенно сообщила мама. – Жена к нему прилетела из Москвы. Все будет хорошо… Ну, иди.

Сашка сняла купальник с веревки на балконе и вышла из дома. Идти на пляж ей не хотелось, и она отправилась бродить по парку, скудному, пыльному, но все-таки дававшему тень.

«Очень плохо, но не ужасно». Страх, потрясение, испорченный отдых… Но, с другой стороны, кто такой Валентин? Еще неделю назад – случайный мамин знакомый. Конечно, мама так радовалась, но ведь их отношения с самого начала были обречены. Пляжный роман…

Сашка села на скамейку. Узкая аллея была усыпана черными стручками акаций. Горечь и обида за маму разъедали, как кислота. Курортный роман, какая пошлость, да на что он рассчитывал… И зачем ему мучить приличную женщину, познакомился бы с девицей, каких полно здесь, сережка в пупке, и джинсы обрезаны выше попы…

Лучше бы он умер, подумала Сашка мрачно.

«Очень плохо, но не ужасно». А Сашка ведь поверила, что беда случится с мамой. Таким осязаемым было предчувствие. Страх… С тех пор как она впервые увидела человека в темных очках, страх держит ее в горсти, как она сама держит монеты. Чуть отпустит – и сожмет… «Это научит тебя дисциплине». Да уж, научило. Теперь она безо всякого будильника будет вставать в полчетвертого. Или вообще не будет спать. Потому что был тот момент, была «Скорая» у входа на пляж, было чувство, что все пропало на свете, все-все-все…

Она перевела дыхание. Завтра утром она доплывет до буйка, и послезавтра, перед отъездом, тоже. А потом вернется в город и все забудет. Школа, будни, выпускной класс, репетиторы, поступление…

Она сидела на скамейке, разглядывая пригоршню монет на ладони. Двадцать девять штук – с одинаковым круглым знаком, с цифрой «ноль». Тяжелые и маленькие – диаметром как старые советские копейки.

* * *

В поезде монеты рассыпались.

Сашка лежала на верхней боковой полке и смотрела в окно напротив. Карман джинсовых шортов оказался расстегнутым, монеты высыпались и раскатились с веселым стуком чуть не по всему плацкартному вагону. Сашка слетела с полки в одно мгновение.

– Ой! – сказала маленькая девочка, соседка из купе напротив. – Денежки!

Сашка, присев на корточки, собирала золотые кругляшки, выковыривала из-под чьих-то чемоданов, чуть не сбила с ног проводницу, разносившую чай.

– Поосторожнее, девушка!

Девочка подняла монетку и теперь с интересом разглядывала.

– Мама, это золото?

– Нет, – сказала ее мать, не отрываясь от книги. – Это такой сплав… Отдай.

Сашка уже стояла рядом с протянутой рукой. Девочка с неохотой вернула игрушку. Отвернувшись к окну, Сашка пересчитала монеты; их должно было быть тридцать семь, но насчитывалось тридцать шесть.

– Простите, вы монетку не видели?

В соседних купе покачали головами. Сашка метнулась по вагону – вперед-назад, снова чуть не врезалась в проводницу; на крайнем боковом месте, у выхода в тамбур, мужчина в

сине-красном спортивном костюме задумчиво рассматривал округлый знак на аверсе. Если на него долго смотреть – он кажется объемным.

– Это моя. – Сашка протянула руку. – Я уронила.

Мужчина поднял голову. Глянул на Сашку оценивающе. Снова посмотрел на монету:

– Что это?

– Сувенир. Отдайте, пожалуйста.

– Интересно, – мужчина не торопился выполнять ее просьбу. – Где взяла?

– Подарили.

Мужчина хмыкнул.

– Слушай, я ее куплю у тебя. Десять долларов хватит?

– Нет. Она не продается.

– Двадцать долларов?

Сашка нервничала. К разговору прислушивалась женщина, сидевшая на соседнем боковом месте, за столиком напротив.

– Это моя монета, – сказала Сашка твердо. – Отдайте ее мне, пожалуйста.

– Был у меня знакомый, – мужчина перевел взгляд с Сашки на монету и обратно. – Черный археолог, двадцать лет ему. Тоже все копался в Крыму в каких-то ямах… Зарабатывал, помню. А потом его зарезали. Куда-то он сунулся, понимаешь, куда не следовало.

– Я ни в каких ямах не копалась, – Сашка смотрела на его ладонь. – Это мне подарили. Это мое.

Их взгляды встретились. Мужчина хотел что-то сказать, по-прежнему неторопливо и снисходительно, но осекся. Сашка готова была в этот момент драться за монету, кричать, рыдать, скандалить, царапать ему лицо; наверное, эта ее готовность прочиталась во взгляде.

– Как хочешь.

Золотая кругляшка упала в протянутую Сашкину ладонь. Сашка судорожно сжала пальцы и так, задержав дыхание, вернулась к маме.

Та сидела на своем месте, безучастно глядя в окно и ничего вокруг не замечая.

* * *

Осень наступила в октябре, сразу и надолго. Красные кленовые листья прилипли к мокрому асфальту, как плоские морские звезды. Сашка жила между школой и курсами при университете: задавали очень много – конспекты, сочинения, контрольные. Ни на что другое не оставалось времени, занятыми оказались даже воскресенья, и это Сашку устраивало. Она обнаружила, что загруженный работой мозг наотрез отказывается верить в таинственных незнакомцев с их заданиями, в золотые монеты, являющиеся на свет из желудка. Даже море, доброе летнее море с красным буйком на волнах, казалось нереальным, а уже все связанное с ним – и подавно.

И мама ожила. С окончанием лета закончилась и депрессия, тем более что работы в их конторе было, как всегда, невпроворот. Обе они, запертые в ежедневной круговерти, запретили себе думать о несбыточном – каждая о своем. И до поры до времени это замечательно удавалось.

Потом пришло письмо из Москвы. Мама вытащила его из почтового ящика, долго вертела в руках, прежде чем открыть, потом все-таки распечатала и прочитала.

– Валик развелся с женой, – сказала, обращаясь к включенному телевизору.

– Ну и что? – грубовато спросила Сашка.

Мама сложила письмо обратно в конверт и ушла к себе в комнату. Сашка выключила телевизор и засела за учебник, по десять раз перечитывала параграф по истории – и не пони-

мала ни слова. Поляне, древляне… Их проходили-то, кажется, в пятом классе, а вот поди ж ты – в программе есть…

А может быть, все обойдется? Мало ли какие отношения бывают у людей. Конечно, плохо, что он развелся с женой… И еще хуже, что пишет об этом…

Зазвонил телефон. Пытаясь думать о полянах и древлянах, Сашка взяла трубку.

– Алло?

– Добрый вечер, Саша. Это я.

Светила настольная лампа. Лил дождь за окном. Лежал раскрытый учебник. И все такое реальное, будничное. И – этот голос в трубке.

– Нет, – тихо сказала Сашка. – Вас…

У нее чуть было не вырвалось «Вас не бывает». Но она прикусила язык.

– Сколько монет?

– Тридцать семь.

– А сколько было?

– И было тридцать семь. Честное слово.

– Я жду внизу возле подъезда. Спустись на минутку.

И – короткие гудки в трубке.

Монеты хранились в старом кошельке, в глубине ящика стола за стопкой книг и конспектов. Сашка открыла старую железную «молнию», высыпала содержимое на стол. Обмирая, пересчитала. По-прежнему тридцать семь.

Она положила кошелек в карман плаща. Сунула босые ноги в сапоги. Набросила плащ прямо поверх халата. Взяла зонтик, не успевший просохнуть. Сняла с вешалки ключи.

Дверь в мамину комнату оставалась закрытой.

– Я сейчас, – сказала Сашка в пространство. – Я… за почтой схожу.

Спустилась вниз по лестнице, не дожидаясь лифта. Сосед с пятого этажа входил в подъезд, весь мокрый, с огромной мокрой собакой на поводке.

– Здрасте, – сказала Сашка.

Сосед кивнул. Собака тряхнула мокрой гривой, рассыпая брызги.

Сашка вышла под дождь. Было уже темно, светились окна в соседних домах, кленовые листья лежали на черном глянцевом асфальте, будто цветные заплаты.

На мокрой скамейке сидел человек в темно-синем, как у Сашки, блестящем от дождя плаще. Черные очки он сменил на дымчатые, но темнота осеннего вечера делала их совершенно непроницаемыми.

– Привет, Саша. Испугалась?

Она не ждала такой ироничной, приятельской интонации. Сглотнула. Холодный ветер, пробравшись под наспех наброшенную одежду, лизнул голые колени.

– Давай деньги.

Она протянула ему монеты вместе с кошельком. Он взвесил мешочек на ладони, кивнул, спрятал.

– Хорошо. У меня есть для тебя задание.

Сашка разинула рот.

– Простое задание. Очень простое. Каждое утро, в пять утра, ты должна выходить в парк на пробежку. Беги, сколько сможешь – два круга по аллеям, три круга. Когда набегаешься, заберись в кусты погуще и помочись на землю. Лучше заранее напиться воды, чтобы не столкнуться с нежданной проблемой… Только без пропусков. Каждое утро, в пять.

– Зачем? – шепотом спросила Сашка. – Зачем вам это надо?

Дождь катился по ее щекам, смешиваясь со слезами. Темный человек не ответил. На стеклах его очков лежали капли, отражали далекий свет фонарей, казалось, что глаза у незнакомца фасеточные.

– Раз в месяц тебе предоставляется отпуск на регулярные женские дни. Четыре дня… четырех дней хватит?

Сашка молчала.

– Следи за будильником. Если пропустишь или опоздаешь хоть раз, будет очень плохо. Последовательность действий нельзя нарушать: планируй заранее, пей воду.

– Всю жизнь? – вырвалось у Сашки.

– Что?

– Мне так… делать… бегать… всю жизнь?

– Нет, – кажется, человек удивился. – Я скажу, когда хватит. Ну, иди в дом, ты же замерзла.

Сашку трясло.

– Иди-иди, – сказал ее собеседник мягче. – Все будет хорошо… если ты, конечно, проявишь себя дисциплинированным человеком.

* * *

У входа в парк горел единственный фонарь. Под чугунным столбом, на котором когда-то висели часы, маячил старик-собачник – первый и единственный в это время прохожий. Посмотрел на Сашку равнодушно.

Она бежала сквозь льющую с неба воду. В центре парка была круглая клумба, дорожки вились вокруг нее кольцами, Сашка побежала по самой короткой. Не разбирая дороги, то и дело влетала в лужи: холодная вода взмывала из-под кроссовок, окатывала спортивные штаны до колен и выше. Сашка бежала, стиснув зубы. В животе у нее булькало почти так же, как под ногами: без малого литр воды был выпит перед выходом из дома. Сашка едва терпела. Один круг… Второй.

Она замедлила шаг. Остановилась. Во всем парке не было ни души. Сквозь наполовину голые ветки отсвечивал далекий фонарь. Ступая по мокрым листьям, Сашка забралась в кусты, осыпавшие ее градом капель, и, проклиная все на свете, исполнила последнюю часть ритуала. Горько сравнила себя с собакой, которую вывели на прогулку.

Поход в кусты принес ей облегчение – закономерное, учитывая количество жидкости, которое Сашка ухитрилась в себя влить. Отчаяние улеглось, и даже слезы высохли. В половине шестого утра она отперла дверь квартиры своим ключом, в мокрых носках прокралась в ванную, спрятала костюм и раскисшие кроссовки в тайник под раковиной и встала под горячий душ.

Через минуту ее стошнило. Монеты вылетели на дно ванны, желтые кругляшки на белой эмали. Сашка умылась, перевела дыхание, собрала их на ладонь. Четыре монетки, с округлым знаком на аверсе и нулем на реверсе. С виду очень старые, как будто пролежали годы и годы в запертых сундуках, в неведомых кладах…

Через пятнадцать минут Сашка заснула в своей кровати, крепко и безмятежно, как давно не спала. И когда через час с небольшим мама пришла будить ее в школу, сказалась больной и не стала подниматься.

* * *

…Да и зачем ей ходить в школу?

Днем позвонила репетиторша. Сашка соврала, что заболела. Репетиторша строго попросила впредь предупреждать заранее.

Вечером планировались курсы в универе. Сашка не пошла. Лежала, забросив учебники, и думала.

Зачем все?

Мир устроен совсем не так, как она думала раньше. Видимая связь событий – закономерности, случайности, события и будни – не более чем ширма для другой жизни, невидимой и необъяснимой. Если существует на свете – действительно существует – человек в темных очках, если в его руках сон, явь, несчастные случаи… Зачем тогда ходить в школу, зачем поступать в институт? Если в один момент все может исчезнуть, разрушиться только потому, что у нее, у Сашки, не зазвонит вовремя будильник?

Вернулась с работы мама. Обеспокоенно о чем-то расспрашивала, мерила Сашке температуру, качала головой.

– Переучилась? Рановато, октябрь на дворе, учебный год только начинается. Я же говорила тебе: пойди погуляй в воскресенье! Сходи в кино… Позвони одноклассницам, с кем-то ведь ты общаешься?

– Не волнуйся, – отвечала Сашка механически, как магнитофон. – Все будет хорошо.

И добавляла про себя: «Если я, конечно, проявлю себя дисциплинированным человеком».

Вечером она завела три будильника: свой, мамин электронный и еще один, старый, еще бабушкин. Целую ночь то засыпала, то просыпалась в холодном поту, смотрела на циферблаты – час ночи, без четверти два, полтретьего…

В половине пятого она испытала почти радость от того, что можно уже вставать.

* * *

В ноябре погода вдруг исправилась. Вернулось нежданное, условно-осеннее, но вполне ощутимое тепло. Каждый день выходило солнце – пусть ненадолго, зато от души. Листья высохли и шуршали под ногами. И пахли свежо и терпко, печально, но не без надежды.

Сашка просыпалась в половине пятого – за минуту до переклички будильников. Обезвреживала их один за другим, как мины. Натягивала теплый костюм, надевала куртку и шла в парк; за месяц пробежек она изучила дорогу в мельчайших деталях. Она знала, где выщерблен асфальт, где обычно собираются лужи, где склон, где ровное место. Бегая по сухим аллеям, прыгая через кучи листьев, собранных дворниками, она успевала мысленно повторить английские диалоги и тексты, составить план на день или молча спеть песню, услышанную вчера по радио. Наматывая третий, четвертый круг вокруг клумбы, она знала наверняка, что ничего плохого ни с ней, ни с мамой сегодня не случится. В этом была горькая, отрешенная, осенняя радость.

«Отпускные» дни, проведенные без пробежек, неожиданно оказались самыми тяжелыми за последние недели. Сашка все равно просыпалась в половине пятого, лежала без сна до семи, слушала, как оживает дом, как грохочет баками мусоровоз, как работает лифт и переругиваются под окнами дворники. Ритуал был нарушен; Сашке казалось, что ее судьба натягивается, как нитка, трескается, высыхает и может вот-вот порваться. С каждым днем все более нервная, она едва дождалась того утра, когда можно было натянуть кроссовки и выйти, оставляя следы на заиндевелой траве, в ноябрьское утро.

Потом приехал Валентин.

Сашка вернулась из школы – на минуту, забросить сумку, перекусить и бежать к репетиторше. Незнакомый человек сидел на скамейке у подъезда. Сашка сначала поздоровалась (на всякий случай она всегда здоровалась со всеми, кто здесь сидел) и только потом узнала белокожего, еще больше похудевшего знакомца.

– Привет, – сказал Валентин. – Я смотрю, у вас никого нет дома…

– Мама будет к шести, – сказала растерянная Сашка. – А я… это…

– Я подожду.

Было половина третьего. Сашка мельком глянула на часы. Потом на Валентина.

Надежды, что он уйдет, не было никакой. Надежды, что мама его прогонит… тоже, честно говоря, не было. Да и кто Сашка такая, чтобы решать мамину судьбу на свое усмотрение?

– Ей можно позвонить на работу, – сказала сухо. И добавила запоздало: – Как здоровье?

* * *

Она проснулась в двадцать девять минут пятого. Выключила будильники. Прошлепала на кухню, выпила чая из термоса. Оделась. Вышла в коридор, заперла дверь.

Вчера вечером мама и Валентин сидели на кухне, о чем-то еле слышно переговариваясь. Сашка легла рано (теперь она всегда ложилась рано, сбивал с ног недосып), сунула голову под подушку, чтобы не услышать ни слова, даже случайно, зажмурила глаза и приготовилась провалиться в сон. Но сон не приходил. Сашка думала о жизни как о коллекции одинаковых дней. Бытие состоит из дней, и каждый из них – как закольцованная лента, как велосипедная цепь, ровно бегущая по шестеренкам. Щелк – переключили скорость, дни стали немножко другими, но снова текут, снова повторяются, и в этой монотонности и заключается смысл…

Наверное, она засыпала. Никогда прежде такие мысли – наяву – к ней не приходили.

Давным-давно, когда Сашка была маленькой, ей хотелось найти себе папу. Не того, который ушел и живет где-то там, ни о чем не заботясь. Настоящего, который поселился бы с ними в одной квартире. Сашка беззастенчиво «сватала» маму за всех более-менее симпатичных дяденек, и «жизнь при папе» представлялась ей сплошным праздником.

С тех пор прошли годы. У Сашки ныло сердце, когда она думала о маме и Валентине. Он обманул ее один раз – может обманывать и дальше. Мама это понимает. Но все равно говорит с ним на кухне за чашкой остывшего чая, они сидят, почти соприкасаясь головами, и говорят, хотя миновала уже полночь…

Ночью был мороз. Лужицы поблескивали; сквозь теплые носки, сквозь подошвы кроссовок Сашка чувствовала, какой холодной сделалась земля. Бежалось легко – давали себя знать каждодневные тренировки. У входа в парк горел один фонарь, маячил старик-собачник, Сашка кивнула ему, как давнему знакомому…

В парке кто-то был. Стоял на дорожке, переминаясь с ноги на ногу – в спортивном костюме и ветровке, в кроссовках, как и Сашка. Ей пришлось подойти почти вплотную, чтобы узнать его.

Это был Конь. Ванька Конев, ее одноклассник.

– Привет. Побежали?

Сашка ничего не сказала. Конь пристроился рядом, почти дотрагиваясь рукавом до ее рукава. Когда ткань их курток все-таки соприкасалась, получался резкий шелестящий звук: вжик-вжик.

Сашка бежала, привычно огибая лужи. Иван два раза поскользнулся, один раз проломил тонкий лед и вляпался в воду. Но не отставал.

– Ты каждый день бегаешь? – спросил, задыхаясь, на бегу. – У меня дед, ну, у него бессонница, он собаку выгуливает, говорит: девчонка из вашего класса каждый день гоняет как сумасшедшая в пять утра… Ой!

Он споткнулся о выступающий корень и чуть не упал.

– Ты спортом занялась? Что-то я не замечал за тобой… Или волю тренируешь?

– Тренирую.

– Я так и подумал почему-то… – Они пробежали всего два круга, но Иван уже запыхался.

– А ты? – соизволила спросить Сашка. – Ты что тренируешь?

– Тоже волю, – серьезно ответил Конь. – Лежал бы сейчас в постельке, дрыхнул бы…

Он замедлил шаг.

– Может, хватит?

Сашка остановилась.

Небо было усыпано звездами, яркими, как подсвеченные прожектором стразы. Иван раскраснелся, тяжело дышал, смотрел нахально и весело.

– Странная ты, Самохина. Вещь в себе. Человек в футляре. Теперь еще бегаешь. Дед говорит – каждый день, в пять утра… Может, ты закодированная принцесса?

Он говорил, чуть усмехаясь, нервничал и боялся показаться смешным. Он сам был «вещь в себе», мальчик, нацеленный на успех. Победитель олимпиад и пожиратель фантастики, скуластый, с темными вьющимися волосами, в рубашках, всегда тщательно выглаженных матерью и сестрой, щеголь, в шестнадцать лет умеющий повязывать галстук тремя способами…

Сашка смотрела на него и думала только об одном: сейчас ей надо пойти в кусты. Немедленно. Иначе ритуал будет нарушен, да и до дома она, если честно, уже не дойдет.

– Конь, подожди меня у входа.

Он не понял. Продолжал говорить, лукаво улыбаясь в полумраке, нес ерунду про закодированную принцессу и о том, что ее необходимо раскодировать.

– Конь, иди и подожди меня! Я сейчас приду!

Он не понимал. Идиот. Самодовольный болтун. Время шло, пробежка закончилась, но ритуал не был завершен.

– Мне надо в кустики! – выкрикнула Сашка. – Пописать мне надо, понял?

Когда Сашка вышла из парка, у входа никого не было. Ни старичка с собакой, ни Конева. Только цепочки следов тянулись по заиндевелой траве.

* * *

Валентин уехал. Сашка понадеялась – навсегда, но не тут-то было. Новый год они встречали втроем – в семейной атмосфере, с шампанским, с елочкой, которую мама наряжала сама и Сашку даже не подпускала.

Всю ночь во дворе бахали петарды. В половине пятого утра, когда мама и Валентин все еще смотрели по тридесятому местному каналу «Иронию судьбы», Сашка надела сапоги (бегать по снегу в кроссовках она не решалась) и намотала шарф поверх куртки.

– Ты все-таки идешь? – спросил из комнаты Валентин. – Ну и характер у тебя, Александра, завидую…

Сашка вышла, ничего не ответив. Снег перед домом был усыпан конфетти, кое-где из подтаявшего снега торчали огарки бенгальских огней. Сашка пустилась рысцой.

Светились окна. Бродили веселые пьяные компании. В парке в сугробах валялись бутылки из-под шампанского. Сашка бежала, слушая, как похрустывает снег, чувствуя, как морозом прихватывает влажные ноздри, глядя, как тает в воздухе облачко дыхания. «Ну и характер у тебя, Александра, завидую». Тут у кого хочешь выработается характер. И хотя неочевидна и недоказуема связь между Сашкиным утренним сном и предынфарктным состоянием у чужого, в общем-то, человека… Хотя уже на тот момент – не чужого, нет… Что-то случилось с мамой, что-то изменилось, она еще молодая, но ведь она не будет вечно молодой…

Так вот. Хоть и недоказуема такая связь – она есть, Сашка точно знает и обмануться не имеет права. Вот и замкнулся первый круг.

Сашка бежала теперь уже по своим следам. Старалась попадать ровненько, след в след. Сперва неосознанно. А потом – с интересом. По кругу. След в след. Давно не видно было Ванькиного деда с его шавкой. Избавился от бессонницы? Или заболел, не выходит? С тех пор как романтическое утреннее свидание закончилось так постыдно и пошло, Сашка и Конь почти не разговаривали. Держались как обычно, сдержанно, равнодушно. Как будто ничего не случилось. Не вышло принцессу раскодировать.

Сашка опомнилась. Какой это круг: восьмой? Десятый? Многократно повторенные следы на снегу сделались большими и глубокими, как будто здесь пробежал снежный человек в огромных валенках.

С темного неба повалил снег. Где-то проехала, вопя сиреной, «Скорая помощь». Не к нам, подумала Сашка с мрачным удовлетворением. Не про нас. С нами-то ничего не может случится.

Справлять естественные надобности на морозе – удовольствие маленькое. Сашка выбралась из кустов, тщательно застегиваясь, отряхивая снег, нападавший с веток. Было бы здорово, если бы эти проклятые монеты никто, кроме нее, не видел. Но ведь видят… Позавчера мама спросила, случайно наткнувшись на «дневную выручку»: «Что это у тебя опять?» Сашка соврала, что это латунный сплав, фишки для игры… Какое там казино, ты что! Игра вроде шашек, мы в школе играем…

Мама поверила. Ведь раньше Сашка никогда ей не лгала. Ну, почти никогда.

Она вошла в квартиру. Дверь в мамину комнату была закрыта. Стояла плотная тишина, только снег шелестел, ударяясь о жестяные козырьки окон.

Сашка прошла в ванную. Включила горячую воду и долго смотрела на бегущую струю.

А потом ее вырвало деньгами. И сразу – парадоксально – сделалось легче.

* * *

Горка монет росла. Сашка складывала их в старый носок и хранила в нижнем ящике письменного стола, под горкой черновиков. Неизвестно, что сказала бы мама, однажды наткнувшись на этот клад, но у мамы в последнее время было много других забот.

На полочке в ванной утвердились помазок и бритва, в стакане с зубными щетками появилась чужая, и Сашка больше не смела бродить по дому в трусах и майке. Запах мужского одеколона перебивал все прочие, привычные запахи. И мама, всегда на Сашкиной памяти принадлежавшая ей и только ей, теперь делила свое внимание между дочерью и Валентином – причем последнему, как новенькому, доставалась львиная доля.

Очевидно, в планы Валентина входило «наладить контакт» с Сашкой. Он заводил с ней длинные разговоры за ужином, и деликатность мешала Сашке сразу же уйти. Ее ждали учебники, много непрочитанных глав и недописанных рефератов, на границе ночи и утра ей предстояла пробежка, унизительный поход в кусты и звон денег о раковину. А Валентин обстоятельно расспрашивал о ее жизни, о планах на будущее, докапывался, почему же она так хочет стать филологом, и не думала ли она о литературных переводах с английского, и что в некоторых коммерческих вузах есть даже стипендии и всякие стимулирующие программы для отличников. Сашка принимала эти разговоры, как рыбий жир с ложечки, потом уходила в свою комнату и сидела там за письменным столом, бездумно водя ручкой по тетрадному листу.

Валентин занимался медицинской техникой, не то разрабатывал, не то тестировал, не то продавал, а может, все вместе. Из его подробных рассказов о себе Сашка не запоминала почти ничего. У него были дети, не то два мальчика, не то мальчик и девочка, о них он говорил много и охотно, подчеркивал, что любит их. Сашка, удивляясь про себя такому лицемерию, уносила в комнату чашку с остывающим чаем и садилась пролистывать программу для поступающих в вузы. Слипались глаза. Глубокой зимой, темными-темными днями Сашка жестоко страдала от недосыпа.

* * *

В начале февраля случилась оттепель, а потом – за одну ночь – все опять подморозило. Сашка вышла на пробежку, полностью исполнила ритуал и, возвращаясь домой, у самого подъезда поскользнулась, упала и сломала руку.

Сидела, терпя боль, пока не проснулась мама. Увидев Сашкино предплечье, перепугалась и стала звонить в «Скорую». Вышел Валентин, вызвался ехать вместе с Сашкой, хмурился, сочувствовал, говорил какую-то ерунду вроде «Терпи, казак, атаманом будешь», и от его прибауток Сашке было стократ хуже. «Скорая», недолго думая, отвезла ее в больничный травмопункт, где старый хирург, серый от бессонной ночи и табачного дыма, молча закатал Сашку в гипс.

– Как груши, – сказал медсестре. – Падают и падают. Сегодня будет у нас урожай… А ты, – кивнул Сашке, – пойдешь в поликлинику по месту жительства. И не переживай: дело житейское. На молодых заживает, как на собаках.

Валентин отвез Сашку домой на такси. Боль почти прошла. Валентин рассуждал: как удачно, что рука пострадала левая, а значит, Сашка спокойно может ходить в школу и на курсы, писать свои конспекты, правая-то рука в порядке! Сашке казалось, что ее голова, перестав быть круглой, превратилась в аэродинамическую трубу и слова Валентина, втянутые в одно ухо, со свистом и ревом выносятся из другого.

Звонила с работы мама, волновалась, спрашивала, как дела. Сашка успокоила ее мертвым голосом, пошла к себе и легла, не снимая свитера, на диван.

Как теперь быть с одеждой? На улице минус десять… Как натягивать рукав на гипс? Как самой одеваться и раздеваться?

Три будильника стояли в ряд. Два тикали, один мигал электронным табло. Каждый день, каждый день, а Сашке в гипсе ходить полтора месяца…

«…Люди падают, ломают кости, гибнут под колесами…» Но ведь Сашка честно выполняла все условия! Почему же с ней все-таки это случилось?

Не переживай, сказал старый хирург. Дело житейское. В самом деле, будь Сашке лет семьдесят – тогда беда. А так – неудобство, неприятность, плохо, но не трагично…

Плохо, но не трагично. Если бы Валентина не хватил сердечный приступ на пляже – как развивались бы их с мамой отношения? Или никак?

Сашка пробралась на кухню. Накапала себе маминой валерьянки, выпила залпом – какая гадость! – и, забившись под одеяло, заснула.

* * *

В двадцать девять минут пятого ее подбросило, будто трамплином. Сашка села, ничего спросонья не соображая, попробовала выпрямить руку и дернулась от неожиданной боли.

Вспомнила все. Тряхнула головой; выходит, она проспала почти сутки?!

Во рту было сухо. Сашка встала, напилась воды из чайника, кое-как натянула спортивные штаны, влезла в сапоги. Сунула правую руку в рукав, кряхтя, набросила куртку на левое плечо. С лыжной шапочкой в руках вышла из дома.

Небо опять очистилось. Горели звезды. Лед во дворе был кое-где сколот, кое-где обильно посыпан песком и солью. Гипс на руке остывал – непривычное, неприятное ощущение. До пяти часов оставалось всего несколько минут, Сашка шла все быстрее. Спустилась в подземный переход, придерживаясь здоровой рукой за поручень. В полутемной трубе отдавались от стен ее торопливые шаги. Счет шел уже на секунды.

Перед входом в парк горел фонарь. И стоял, привалившись к столбу, человек.

Сашка прошла мимо, целеустремленная, как пуля. И только оказавшись на заснеженной дорожке, вздрогнула и оглянулась.

Свет фонаря отражался в стеклах дымчатых очков. Две горящие желтые точки.

– Иди домой, – сказал человек под фонарем. – Отдыхай. С этого дня можешь больше не бегать.

* * *

В марте сняли гипс. Мама предположила, что теперь-то наконец Сашкины нервы придут в равновесие и ее «выбрыки» прекратятся.

Ей на удивление тяжело дался отказ от утренних пробежек. Казалось, жизнь потеряла смысл. Присутствие Валентина раздражало все больше. Однажды он даже ушел жить в гостиницу, и мама не разговаривала с Сашкой несколько дней. Оставшись совсем одна, Сашка бродила по улицам, презрев и школу, и курсы. Репетиторша в конце концов отказалась с ней заниматься.

Валентин уговаривал маму потерпеть. Уверял, что все дело в переломе, в анальгетиках, которые Сашка пила чуть ли не пригоршнями. Он был по-своему прав.

И мама оказалась права. Сбросив гипс, снова ощутив свою руку, Сашка успокоилась почти сразу. Цепь жизни вернулась на привычные шестеренки, и они завертелись, отсчитывая дни. Утро. Школа. Курсы. Уроки. Вечер. Ночь…

Набор одинаковых дней. Устоявшийся ритм. Сашка научилась не вздрагивать при виде прохожих в темных очках: наступила весна, и таких людей становилось на улицах все больше. В школе собирали деньги на выпускной вечер, долго спорили на родительском собрании и едва не разругались: кто-то, как Сашкина мама, предлагал праздновать скромнее, кто-то желал обязательно дорогие подарки всем учителям и круиз на пароходе по реке…

Сашка написала пробное сочинение на курсах и получила, к своему разочарованию, четыре.

– Не берись за свободную тему, – наставляла преподавательница. – Бери стандартное и раскрывай, как учили. Свободные темы – для гениев или для двоечников, не наступай два раза на одни и те же грабли!

Сашка слушала, кивала и знала, что рано или поздно человек в темных очках появится снова. И снова чего-то потребует, и Сашка не сможет отказаться.

Или попробовать однажды? Что, если сердечный приступ Валентина – случайность?!

Всякий раз, подумав так, Сашка пугливо оглядывалась. Она знала, что не сможет взбунтоваться. Не будет даже пробовать. Слишком страшно.

* * *

До медали она чуть-чуть недотянула. Разочарования почти не было: она давно знала, что так и случится. Выпускной прошел мимо: Сашка засыпала посреди общего веселья и была очень рада, что по крайней мере круиз не состоялся.

Ваня Конев танцевал с Ирой из параллельного класса. Сашке было почти все равно. Конь получил медаль и в момент выпуска был уже студентом мехмата.

А Сашка отправилась сдавать документы на филологию. Одна. Мама хотела идти с ней, но Сашка отбрыкалась.

Зацветала липа. Накрапывал дождик. Сашка шла и улыбалась. В этом году моря не видать как своих ушей, ну и пусть. Если не поступит с первого раза… неприятно об этом думать, но мало ли… Устроится где-нибудь секретаршей. Хоть на той же кафедре. Поработает, познакомится с людьми… Вырвется из этого проклятого круга – конспект, уроки, конспект…

– Саша!

Она обернулась, все еще улыбаясь. Человек в темных очках сидел на скамейке, мимо которой она только что в рассеянности прошла. Будто отражая ее улыбку, он растянул губы и приглашающе похлопал по скамейке рядом с собой.

Сашка подошла и села. Положила сумку на колени.

– Как рука? – небрежно спросил ее собеседник.

– Хорошо.

В мокрой липе над их головами возились воробьи. Чирикали, оглушая.

– Сколько у тебя монет?

– Четыреста семьдесят две, – ответила она, не задумываясь.

– Ты набрала проходной балл.

– Я пока не сдавала никаких экзаменов…

– Сдавала-сдавала, – он снова усмехнулся. – Держи.

И протянул ей рыжеватую бумажку, напечатанную типографским способом. Имя и фамилия Сашки были вбиты на пишущей машинке.

«Поздравляем! Самохина Александра, Вы зачислены на первый курс Института специальных технологий г. Торпы. Начало занятий – первого сентября». И ниже, мелким шрифтом: «По поводу поселения в общежитие обращаться…»

Сашка оторвала глаза от бумаги. Уставилась на человека, сидящего рядом на скамейке. Минуты две ничего не могла сказать.

– Что это?

– Это институт, где ты будешь учиться. Очень хороший институт.

– Я не понимаю, – сказала Сашка. – Я в университет… я…

Человек, сидевший рядом, вдруг снял очки.

Сашка ждала всего, чего угодно. Что у него вообще нет глаз. Что глаза нарисованы на бледных слипшихся веках. Что глаза зашиты суровой ниткой, что глазницы пусты…

Глаза были. Карие. Спокойные. На первый взгляд совершенно обыкновенные.

– Меня зовут Фарит, – сказал он негромко. – Фарит Коженников. Если тебе интересно.

– Интересно, – сказала Сашка после паузы. – Вы бы… отпустили меня, Фарит, а?

Он покачал головой:

– Саша. По результатам предварительных тестов тебя приняли в приличный институт, впереди у тебя почти целое свободное лето. Гуляй. Купайся. Набирайся сил перед учебой. К тридцать первому августа возьмешь билет до города Торпы. Можешь приехать за пару дней, поселиться в общежитие, освоиться…

– Да как я маме все это объясню?! – почти выкрикнула Сашка. Женщина, проходившая мимо, удивленно повернула голову.

– Как-нибудь объяснишь, – сказал Фарит. – Придумай как. А то ведь может статься, что и объяснять будет некому. Свобода, что хочу, то делаю…

Он снова надел очки. Сашка вцепилась в скамейку; спокойное лицо собеседника расплылось у нее перед глазами.

– А я вас… – начала она звенящим голосом. – Вы… ничего не можете. Ничего. Я в вас не верю. Я вас… Я хочу, чтобы это был сон!

Ничего не случилось. Отражалось в лужах проглянувшее солнце.

Сашка хотела еще что-то сказать – но вместо этого разрыдалась от ужаса, беспомощности и стыда.

– Тихо, – сказал Фарит. – Тихо… Я же сказал: ничего несбыточного, ужасного, невозможного я от тебя требовать не буду. Никогда.

Сашка ревела. Слезы капали на рыжеватую бумажку, напечатанную типографским способом.

– Ну что ты за человек, – устало сказал Фарит. – Нужен тебе этот университет? Нет. Сто лет не нужен. Хорошо тебе жить в двухкомнатной малометражке с молодоженами? В новом статусе падчерицы? Нет, Саша. Но ты все равно идешь по проторенной дорожке? Ничего не хочешь менять?

– С ней будет все… в порядке! – сквозь слезы выкрикнула Сашка.

– Конечно. Она будет здорова и даже счастлива. Потому что ты умная девочка и сделаешь все, как я тебе сказал… Не спрашивай, что будет, если не сделаешь.

Он легко поднялся.

– Деньги сохрани, привези с собой. Адрес института указан на бумажке. Постарайся не потерять… Саша, ты меня слышишь?

Она сидела, закрыв лицо ладонями.

– Все будет хорошо, – сказал человек, назвавшийся Фаритом Коженниковым. – Можешь сдавать экзамены в университет, пожалуйста. Не хочешь лето гулять – как знаешь. Условие одно: к первому сентября ты должна быть в Торпе. Тебя поселят в общежитии. Предоставят бесплатное питание. Дадут стипендию, немного, но на пирожки хватит. И перестань реветь. Стыдно за тебя, честное слово.

* * *

Сашка сидела на скамейке, пока окончательно не высохли слезы и не выровнялось дыхание. Дождь перестал – и снова пошел. Капли пробились сквозь листья липы. Сашка раскрыла зонтик.

Она не спросила, каким таким специальным технологиям учат в институте города Торпы. Честно говоря, это ее вовсе не интересовало. Ей было семнадцать лет, большая часть времени прожита зря, а уж последний год – и подавно. Конспекты, учебники… ради чего?

У нее не было друзей. Мама свою любовь переключила на Валентина – как переключают железнодорожные стрелки. И не к кому было идти, некому жаловаться на человека в темных очках, назвавшегося Фаритом Коженниковым.

Она поднялась. Дождь давно перестал, вышло солнце, но Сашка шла под зонтиком, не замечая удивленных взглядов. Поднялась на высокое крыльцо универа, выстояла очередь из таких же, как она, абитуриентов, сдала секретарше заявление, аттестат, медицинскую справку. Честь честью. Как и собиралась.

После этого вернулась домой. Сложила стопкой все книжки и общие тетради. Полюбовалась. Запихнула поглубже в стол.

Потом снова вытащила. Ну что делать, если это – вот это! – составляло ее жизнь на протяжении многих месяцев? Человек, назвавшийся Фаритом Коженниковым, прав: она не сможет соскочить с проторенной дорожки. Она будет сидеть и заниматься, уже зная, что все впустую, но в глубине души надеясь, что это пригодится, может быть, при изучении «специальных технологий»…

Она нашла перечень вузов – справочник для абитуриентов. Пролистала от начала до конца. Ни города Торпы, ни института специальных технологий не нашла.

Не удивилась.

* * *

Всю свою сознательную жизнь она была прилежной ученицей. Сдавать экзамены спустя рукава оказалось не так просто.

Кругом все волновались. Рассовывали по карманам шпаргалки. Чьи-то матери пили валидол. Летала пыль в огромных гулких помещениях, пахло старой библиотекой, а снаружи

стояла жара, жара, пекло. Сашке было все равно. Она чувствовала себя стеклянной и равнодушной, как новогодний елочный шарик.

Сочинение написала легко. На устной истории чуть не сгорела от стыда: перепутала даты, вообще один вопрос забыла напрочь. Получила «четыре». Выйдя из аудитории, окруженная потной толпой, удивленно спросила себя: что я здесь делаю? Почему меня до сих пор волнует Куликовская битва?!

Мама первым делом поинтересовалась оценкой и, услышав правду, страшно разочаровалась.

– Как – четыре?! Уж история-то… устная… А как же курсы? Ты же весь год ходила…

– Без взятки туда нечего и соваться, – глубокомысленно заметил Валентин.

Мамины глаза вдруг стали злыми.

– Без взятки… Да она книгу не открывала в последние дни! Как будто ей все равно! Гуляла где-то с утра до вечера… На пляж ходила? Без взятки и я поступала, и ты поступал, и поступили с первого раза!

– Были другие времена, – философски заметил Валентин. – А теперь…

– В крайнем случае, – сказала Сашка неожиданно для себя, – пойду и поступлю в другое место.

– В какое – другое?!

– В мире много хороших институтов, – брякнула Сашка и поскорее удалилась к себе в комнату.

Голоса мамы и Валентина еще долго не стихали. Спорили.

* * *

Конечно, она пролетела. Кто бы сомневался. Вывесили списки, Сашка со своими баллами оказалась под чертой.

Мама была готова к такому повороту событий. Заранее ясно было, что высокого балла Сашка не наберет и пятерочный аттестат ей мало чем поможет.

– Ты был прав, – со сдержанной горечью сказала мама Валентину. – Сколько репетитору ни плати… Надо было кому-то сунуть. Это я виновата. Надо было… Времена другие…

– Да что ей, в армию идти? – с наигранным весельем отозвался тот. – Она же не мальчик. Поработает годик, хлебнет взрослой жизни…

Сашка открыла рот. Набрала побольше воздуха…

И ничего не сказала. Решила выждать еще несколько дней.

Был август. Жара сменилась дождями. Мама взяла на работе короткий отпуск: они с Валентином собирались наконец пожениться.

– Скромно, – говорила мама, причесываясь перед зеркалом, посверкивая глазами. – Распишемся и поедем на несколько дней на базу отдыха… Мы там были, Сашка, помнишь, там такие домики деревянные и совсем рядом речка, лес…

– Дожди, – сказала Сашка.

– Ну, не навсегда ведь. И потом, там и в дождь хорошо. Там есть такие навесы… Под ними можно жечь костры, жарить шашлыки…

– Мама, – сказала Сашка, будто прыгая в ледяную воду. – Я поступила в институт. В институт специальных технологий города… города Торпы.

Мама обернулась. Две шпильки торчали у нее изо рта, как тоненькие вампирьи клыки.

– Я уже поступила, – повторила Сашка. – Раз с универом так получилось… Ну, я проучусь в Торпе год. А потом, может быть, переведусь.

Про перевод она придумала только что, глядя в почерневшие, округлившиеся мамины глаза.

– Какого города? – мама выплюнула шпильки.

– Торпа.

– Где это?

– Недалеко, – соврала Сашка. – Там общежитие предоставляют бесплатно. И еще стипендия.

– Институт… чего?

– Специальных технологий.

– Каких технологий! Ты же гуманитарий!

– Специальных… Мама, ну это же нормальный, приличный вуз. Не столичный, да. Провинциальный. Но там…

Сашка запнулась. Мама смотрела на нее, как мог бы смотреть муравей на охваченный пламенем муравейник.

– Саша, скажи, что ты пошутила.

Сашка вытащила из кармана рыжеватую бумажку, напечатанную типографским способом, когда-то покоробившуюся от дождей и слез, но тщательно проглаженную утюгом. Мама пробежала ее глазами. Посмотрела опять на Сашку.

– Послушай, тут дата – июнь… Откуда она у тебя?

– Получила по почте.

– Когда?

Сашка задержала дыхание. Врать маме вот так в лицо – нелегкий труд, без привычки не дается.

– Пару дней назад.

– Саша, ты врешь.

– Мама, это настоящий документ! Я поступила! В институт! И я буду там учиться! – У Сашки дрожал голос. – Так надо, понимаешь?

– Понимаю. – Мама оперлась о край стола. – Я понимаю. Ты ревнуешь. Ты – взрослая девушка – ведешь себя как… как избалованный, скверный ребенок. С тех пор как… Не можешь мне простить, да? Не можешь простить и устраиваешь демонстрации?

– Нет! – Сашка захлебнулась. – Он тут ни при чем! Это просто… Ну… так получилось, что я поступила. Я поеду в Торпу, и…

– Никуда ты не поедешь, – в голосе мамы был февральский лед. – Ты будешь учиться в нормальных условиях, в нормальном вузе. Мне очень жаль, что я воспитала эгоистку, но больше никакого экстрима я не допущу. Спасибо за приятный разговор.

И она снова отвернулась к зеркалу.

* * *

Спустя два дня холодных, скованных отношений мама пришла домой непривычно веселая, с розовыми «яблочками» на щеках. Оказалось, в университете открыт добор на вечернее отделение и Сашку с ее баллами, может быть, примут.

– А работать будешь у нас на фирме, – говорила мама, споро расставляя тарелки, раскладывая жаркое. – Я договорилась. Днем работать, вечером пары. Потом можно будет перевестись на дневное. Наверняка можно. На втором курсе или на третьем…

Сашка молчала.

– Завтра с утра надо будет подойти на кафедру. Комната тридцать два. Ты слышишь?

– Я поеду в Торпу, – проговорила Сашка еле слышно. Над столом повисла мертвая тишина.

– Саша, – укоризненно сказал Валентин. – Ну зачем ты так?

Спасаясь, Сашка поднялась из-за стола. Оставив нетронутой свою порцию, ушла в комнату, залезла под одеяло и притворилось, что спит. Мама и Валентин говорили громко, сквозь стены и одеяло до Сашки доносились обрывки фраз.

– Успокойся, – говорил Валентин. – Да успокойся ты! Самостоятельность…

– Она несовершеннолетняя!

– Они взрослеют… им хочется… в конце концов, это же не край земли…

Голоса становились все тише – накал страстей спадал. Сашка закрыла глаза. Все складывается как нельзя лучше: маме и Валентину удобно будет остаться в квартире вдвоем. Сейчас они поговорят-поговорят, да и отпустят Сашку в неизвестную Торпу, где ее невесть что ждет…

Ее раздирало пополам. Если мама согласится легко – Сашка оскорбится навеки. Если мама встанет насмерть… а так оно, похоже, и случится…

Нет, не случится. Вот уже смеются на кухне. Договорились. Пьют чай. Решили: у девочки своя судьба, она самостоятельная, пусть отправляется хоть к черту в зубы! Довольны. Вот мы какие прогрессивные. А что? Множество школьников вот так уезжают из дому через лето после выпуска. Навстречу взрослой жизни… В общагу…

Сашка стянула с лица одеяло. За окном, за плотно задвинутыми шторами, все еще было светло. Восемь часов. Полдевятого. Август. До начала занятий осталось три недели.

В дверь Сашкиной комнаты негромко стукнули.

– Это я, – сказал Валентин. – Давай поговорим?

* * *

Они нашли город Торпу в атласе автомобильных дорог. Прозрачный кружок на карте, как раз в том месте, где листок слегка потерся на сгибе.

– Город, – хмыкнул Валентин. – Скорее поселок городского типа. Ну и что там может быть за институт?

Сашка предъявила ему рыжую бумажку. Он долго разглядывал ее, вертел в руках, хмурился.

– Ты что, подавала туда документы?

– Нет… То есть да.

– Но ведь твои документы лежали в университете!

– Туда можно копии… И потом, в универ же меня все равно не взяли.

– Институт специальных технологий, – снова прочитал Валентин. – Что это за технологии? Специальность твоя будущая как называется?

– Специальный технолог, – сказала Сашка.

Валентин нахмурился:

– Ты что, издеваешься?

– Нет, – Сашке было очень неловко. – Специальность там выбирают на третьем курсе. Или на четвертом. Я толком не знаю.

– Не знаешь, а готова ехать?

– Если мне не понравится, я вернусь, – сказала Сашка совсем тихо. – Честное слово. Если окажется, что это плохой институт, – я приеду обратно. Только скажите маме, пусть она не волнуется. Мне надо туда поехать. Очень надо. Дело не в том, что… совсем не в этом. Мне просто надо.

Она повторяла одно и то же на разные лады, а Валентин сидел перед ней, встревоженный, непривычно растерянный, и впервые в жизни Сашке вдруг показалось, что он ей не чужой.

* * *

– Вставайте, девушка. Торпа через полчаса.

– А? – Сашка подскочила и стукнулась головой о багажную полку.

Вся ночь прошла в полудремоте, ей удалось заснуть совсем недавно. Вагон был старый, сильно потряхивало, где-то на столе звенела ложка в пустом стакане. Проплывали тени и огни, пронизывали насквозь плацкартное пространство, где истекали потом разгоряченные полуголые тела. Свисали с полок углы простыней. Кто-то храпел, кто-то возился с полиэтиленовым кульком, а Сашка лежала на спине, на верхней полке, и уговаривала себя: через неделю вернусь. Условие – быть к началу занятий. О том, чтобы дожить в этой Торпе до выпуска, разговора не было.

Валентин хотел ехать с ней. Настаивал. Сам купил два билета в железнодорожной кассе, себе и Сашке. Он собирался проверить аккредитацию вуза, условия в общежитии – словом, узнать и разведать все, и Сашка в глубине души была ему благодарна. К тому же темный человек, назвавшийся Фаритом Коженниковым, не требовал, чтобы Сашка заявилась в Торпу в одиночестве.

Накануне отъезда Валентину позвонили из Москвы – его сын от первого брака попал под машину, и, хоть легко отделался, присутствие Валентина с его знакомствами в мире медицины было необходимо. Валентин, позабыв о Сашкиных проблемах, метнулся в Москву. Сашке пришлось сдавать его билет перед отходом поезда да еще убеждать маму, что она и так справится.

Мама провожала ее. Долго стояла у вагона, смотрела сквозь стекло, махала рукой, давала советы. Сашка мечтала, чтобы поезд поскорее тронулся. Но когда тепловоз в первый раз дернул – у нее душа провалилась в пятки, она готова была выпрыгнуть в окно, к маме в объятия.

Она в первый раз ехала в поезде одна. То и дело смотрела на багажную полку, где лежал ее чемодан. Нащупывала мешочек с монетами на дне сумки. Проверяла документы во внутреннем кармане – паспорт, аттестат, медицинская справка, справка о зачислении и еще какие-то бумаги, все это в плотном полиэтиленовом пакете. Ей было невыносимо одиноко, все время вспоминалось, как в таком же вагоне они ехали с мамой на море, за окном цвели маки, и было хорошо, спокойно, уютно…

Она плакала, скрывая слезы от попутчиков. И страшно укоряла себя за то, что тогда, в курортном поселке, поддалась на уговоры человека в черных очках. Один, самый первый раз, поддалась. Пусть был бы вечный кошмар, пусть она просыпалась бы и просыпалась на раскладушке в съемной квартирке, но была бы рядом мама. И море. Если жизнь человека состоит из половины летнего дня двадцать четвертого июля – это все равно хорошая жизнь. Во всяком случае, в ней нет ни золотых монет, ни Валентина, ни долгой дороги в Торпу.

Село за окнами солнце. Попутчики ужинали, похрустывая малосольными огурцами, обгладывая куриные ножки, очищая от скорлупы матово-белые вареные яйца. Сашка вытащила бутерброды, приготовленные мамой, и снова чуть не разревелась – в полиэтиленовом кульке был запрятан кусочек дома. Так ничего и не съев, спрятала ужин. Выпила стакан чая. И забралась на верхнюю полку…

– Девушка! Вы проснулись? Торпа, говорю!

– Да… Я сейчас.

Была граница между ночью и утром. Часа четыре, может, полпятого. За многие месяцы Сашка привыкла вставать в такую рань и знала: утро приносит облегчение. Сейчас, собираясь, шнуруя ботинки, стаскивая с полки чемодан (потихоньку, чтобы не разбудить спящих попутчиков, и все равно задевая чьи-то свисающие руки), она почти забыла о вчерашней тоске. Ветер дальних странствий, неожиданные открытия – этого ведь тоже у путешествия не отнимешь;

она взрослый, самостоятельный человек, путешествующий без провожатых. Посмотрим, что за Торпа.

Она вытащила чемодан в тамбур. Проводница дремала на укрытой одеялом полке.

– Сколько стоим? – спросила Сашка.

– В Торпе? Минуту. У тебя много вещей?

Поезд пошел медленнее. Лязгнули вагоны. В темноте августовского утра Сашка ничего не видела – только проплыл в небе синеватый фонарь.

Поезд дернулся, лязгнул и остановился. Проводница, зевая, принялась ковырять ключом в скважине.

– Я не успеваю! – сказала Сашка в ужасе. – Пожалуйста, скорее!

Проводница вполголоса выругалась.

Поезд снова дернулся. Проводница наконец открыла дверь. Поезд медленно двинулся; забросив за спину сумку, волоча за собой чемодан, Сашка ссыпалась по железным ступенькам, приземлилась на низкий перрон и успела увидеть, как проводница, конвульсивно позевывая, закрывает дверь вагона.

Все.

Поезд набирал скорость. Сашка оттащила чемодан подальше от края платформы. Прогремел последний вагон, два огонька на его торце стали стремительно удаляться и быстро растаяли в темноте.

Зеленый огонь семафора сменился красным. Сашка стояла одна на пустой платформе…

Нет, не одна. Из полутьмы выбрела щуплая тень с большим чемоданом. Остановилась рядом.

Парень. Сашкин ровесник. Бледный, сонный, растрепанный.

– Привет, – сказал он, помолчав минуту. – Это Торпа?

– Привет, – сказала Сашка. – Говорят, что да.

– Я здесь в первый раз, – сказал парень.

– Я тоже.

Парень помолчал. Потом спросил неуверенно:

– В институт?

Сашка, в глубине души очень надеявшаяся на этот вопрос, энергично закивала головой:

– Ага. И ты тоже? Специальных технологий?

Парень улыбнулся с явным облегчением:

– А что, здесь разве есть другой?

– Не знаю, – призналась Сашка. – Ты вообще здесь видишь какой-то город?

Парень огляделся, приставив руки к глазам – биноклем:

– Офигительно огромный мегаполис. Вокзалище… А там, смотри, какой-то перспективный сарайчик!

Сашка рассмеялась.

Ситуация перевернулась моментально. Волоча за собой чемоданы и изощряясь в остроумии, новоиспеченные студенты прошли к «перспективному сарайчику» – он и оказался зданием вокзала. Сашка в порыве вдохновения назвала его «курятником после евроремонта». Ее новый знакомый оценил шутку заливистым хохотом.

На вокзале не было ни одного человека. Кассы заперты. Продолговатые мерцающие лампы освещали пустую буфетную стойку, деревянные кресла с кое-где выцарапанными непристойностями, автоматическую камеру хранения на шесть ячеек (все дверцы открыты). Пол, довольно чистый, был мощен черно-белой плиткой.

– Как после атомной войны, – сказала Сашка, оглядываясь.

Августовские мухи тучей снялись с плафона и наполнили маленький зал оптимистичным гудением.

– Эй! – крикнул парень. – Есть тут кто?

Жужжание мух было ему ответом.

– Мне здесь не нравится, – сказала Сашка.

Они снова вышли на платформу. Понемногу светало. Под единственным на перроне фонарем висела размытая дождями табличка: расписание автобусов «Вокзал – Центр». Если расписание не врало, первый автобус должен был отправиться в неведомый «Центр» через час.

– Погуляем, – решительно сказал парень. – А повезет, так частника словим. У меня деньги есть.

Его звали Костя. То ли в присутствии Сашки он остро чувствовал себя мужчиной, то ли характер у него был особенно энергичный, но он постоянно пытался «рулить». Сашка не сопротивлялась: Костина деятельность (и даже самодеятельность) создавала у нее иллюзию защищенности.

Они засунули чемоданы в камеру хранения (ячейки работали без жетонов, на одном только коде). Нашли удобную скамейку на перроне и развернули запасы провизии. Сашкины бутерброды, так огорчившие ее вечером, сейчас улетели в одно мгновение: она поделилась с Костей, тот поделился с ней, нашлась бутылка минеральной воды, Костя открыл литровый термос, почти наполовину полный кофе. У Сашки задрожали ноздри; завтрак окончательно привел ее в хорошее расположение духа. Мимо станции прокатился товарняк, грохот улегся вдали. Установилась тишина, нарушаемая только голосами птиц.

– Через полчаса придет автобус, – уверенно сказал Костя. – Адрес этой конторы – улица Сакко и Ванцетти, двенадцать.

– Ты не знаешь, кто такие Сакко и Ванцетти?

Костя пожал плечами:

– Итальянцы, наверное…

Мимо станции, уже в другую сторону, прокатился еще один товарняк.

– Скажи, пожалуйста, – осторожно начала Сашка, – а с чего это тебе пришло в голову поступать на эти… специальные технологии? Кто тебе подал такую… идею?

Костя помрачнел. Покосился на нее с подозрением. Сложил в кулек смятые салфетки и промасленную бумагу, уронил в пустую железную урну рядом со скамейкой.

– Да я просто спрашиваю, – быстро добавила Сашка. – Если не хочешь отвечать – то извини…

– Меня заставили, – неохотно признался Костя.

– Тебя тоже?!

Минуту они смотрели друг на друга. Каждый ждал, что первым заговорит другой.

– Странно, – сказал наконец Костя. – Ты ведь девчонка. Тебе от армии косить не надо.

– При чем здесь армия?

– При том, – жестко сказал Костя. – Как по-твоему, мужчина должен служить в армии?

– Не знаю, – сказала Сашка. – Наверное, должен… – И тут же добавила на всякий случай: – А не хочет, так и не должен.

Костя вздохнул. Помотал головой.

– Мне родной отец такой ультиматум выставил… Я ведь на юрфак пролетел, как фанера над Парижем. Второй раз уже. Меня этой осенью должны были призвать. Так отец… – Костя замолчал. Покосился на Сашку, будто удивляясь, с чего это ему вздумалось посвящать попутчицу, с которой и часа не знаком, в такие интимные подробности.

– Значит, ты не хотел в этот институт?

Костя пожал плечами:

– Хотел, не хотел… Какая уже разница?

Они замолчали. На перроне по-прежнему было пустынно, не появлялся ни обходчик, ни уборщик, вообще никто. Из-за кустов поднималось красное августовское солнце. Пели птицы.

На высоких травах, росших вдоль полотна, выпала роса, и каждая капля переливалась цветными огнями.

– А тебе ведь в армию не надо, – задумчиво сказал Костя.

Сашка промолчала. Ей очень не хотелось рассказывать историю своего знакомства с Фаритом Коженниковым. Она надеялась, что и у Кости случилось что-то в этом роде, а оказалось, все просто: провал экзаменов, осенний призыв на носу, суровый отец…

– Нам не пора? – спросила она немного нервно.

Костя посмотрел на часы:

– Ну, пошли… Там на остановке автобуса тоже скамейка есть…

Вопреки Сашкиным опасениям, железные дверцы ячеек открылись легко. Костя сгрузил на пол оба чемодана. Ко дну Сашкиного приклеился скомканный бумажный листок.

– Мусор какой-то, – пробормотал Костя и двумя пальцами отклеил бумажку.

Это была записка – крупные карандашные буквы можно было прочитать даже теперь, когда листок изрядно пожелтел и замызгался:

«Уезжай сейчас».

Подписи не было.

* * *

Через полчаса они сидели в маленьком автобусе, который Костя назвал «похоронным». Проклятая бумажка испортила обоим настроение, хотя каждый старался продемонстрировать другому полное к ней равнодушие.

Сашка знала, что не сможет уехать. Первое сентября – завтра, она должна быть на месте. Требование Фарита Коженникова она выполнит, а там – как придется.

Костя молчал. От его инициативности не осталось и следа. Автобус подъехал без пяти минут семь, за рулем был обыкновенный крепкий дядечка-водитель в поношенной джинсовой куртке поверх черной футболки. Сашка и Костя купили билеты и уселись на заднем сиденье. Водитель завел мотор, тут же, откуда ни возьмись, появились старушка с корзиной, женщина с лопатой, завернутой в мешковину, и два молодых парня безо всякого багажа. Сашке показалось, что парни приметили их с Костей. Она снова почувствовала себя одинокой и беззащитной.

Сначала катили среди полей, где здесь и там виднелись человеческие фигурки. Потом въехали в Торпу. Это не был поселок, каким он представлялся Сашке: кирпичные пятиэтажки вперемежку с «частным сектором». Это был город, очень старый и совсем не «модернизированный»: тяжелые каменные дома, иногда с колоннами, иногда с лепниной на фасаде. Кривые улочки, иногда залитые асфальтом, но чаще – мощенные черным булыжником. Окна, закрытые зелеными ставнями. Скаты черепичных крыш. Выщербленные ступеньки.

– Смотри-ка, – приглушенно сказал Костя. – Прямо хоть кино снимай. Ничего так городишко, а?

Сашка молчала.

Автобус остановился на маленькой площади, под навесом обыкновенной остановки.

– Торпа, – сказал водитель. – Приехали.

Сашка дождалась, пока выйдут два подозрительных парня, и потом уже выбралась вслед за Костей из автобуса. Водитель передал им чемоданы, уселся в свое кресло, газанул – и автобус скрылся из глаз прежде, чем Сашка и Костя успели оглядеться.

Они снова были одни. И старушка, и женщина с лопатой, и парни куда-то подевались.

– И у кого тут спрашивать дорогу? – саркастически осведомился Костя.

– Тут указатель есть, – сказала Сашка, присмотревшись. – Вот: «Сакко и Ванцетти, 1,5 км».

* * *

Путь в полтора километра они проделали почти за полчаса – Костя, пыхтя, тащил оба чемодана. Сакко и Ванцетти оказалась непомерно длинной улицей и начиналась со сто четырнадцатого дома – дальше нумерация шла по убывающей. Тротуары то делались широченными, то совсем пропадали. Улица то раздавалась, как река в половодье, и становилась бульваром, то вдруг сжималась и превращалась в ущелье.

– Стильный городок, – бормотал Костя.

Камень и облупившаяся штукатурка. Плети винограда и плюща, протянувшиеся по водосточным трубам. Герань в подвесных вазонах. Сашка вертела головой: вот трехэтажный особнячок, похожий на замок, с уютными алебастровыми химерами. Вот унылое бетонное строение со старинными промышленными кондиционерами, навешанными на окна снаружи. Вот деревянная развалюха, на крыше которой успела подрасти молодая березка.

Под каждым карнизом лепились непременные ласточкины гнезда. Птицы пронизывали воздух, накрывая улицу подвижной черной сеткой, выписывали петли, иногда ныряли в разбитые чердачные окошки. В кронах каштанов и лип истошно кричали воробьи.

– Да нормальный вроде город. – Сашка потерла ладонью усталую шею.

Открывались магазины. Перед окошком хлебного стояла маленькая чинная очередь: три старушки с кошелками. У магазина «Вино-табак» курили трое мужчин в спецовках. На противоположной стороне улицы рабочие чинили крышу, натужно вращался блок, и почти над головами прохожих плыл чан со смолой, и трепещущие линялые флажки на проволоке отгораживали зону, куда ни в коем случае нельзя заходить…

Здание под номером двенадцать оказалось большим домом, много раз, по всей видимости, перестроенным: два этажа сложены из цветного кирпича в стиле «пряничный домик», третий – из белого силикатного безо всяких изысков, а четвертый этаж и вовсе деревянный. К парадному входу вело каменное крыльцо с пологими, истертыми до дыр ступенями. Высоченная черная дверь выглядела неприступно и строго. Слева тускло поблескивала табличка: «Министерство образования. Институт специальных технологий».

– Пришли, – сказал Костя, опуская чемоданы на булыжную мостовую.

Саша смотрела на дверь. Черный прямоугольник с отполированной медной ручкой. Четыре ступеньки, ведущие вверх.

Костя тяжело дышал. Он протащил два огромных чемодана вдоль длинной улицы Сакко и Ванцетти и мог теперь не скрывать ни одышки, ни сердцебиения, ни пота на лбу. Сашке было сложнее; выравнивая дыхание, она могла поклясться, что Костя и она сейчас думают об одном и том же: еще не поздно отсюда смотаться. Пока не шагнули через порог. Такое ощущение, что, когда эта дверь закроется за спиной, обратного пути не будет.

Костя молчал, не желая показаться малодушным в Сашкиных глазах. «Что я здесь делаю, – в панике подумала Сашка. – Почему я не дома… почему иду туда, куда не хочется идти, как покорная овца, как собака на поводке?!»

Костя огляделся.

– Нету ли здесь забегаловки какой-то, – сказал, будто бы про себя. – Чтобы хоть кофе выпить… А то во рту пересохло… Смотри, кафешка!

В самом деле, прямо напротив института имелся вход в полуподвал, над которым висела деревянная доска: «Пирожные, кофе, чай». На тротуаре стоял одинокий стол с раскрытым над ним полосатым пляжным зонтиком.

Сашка вздохнула и снова перевела взгляд на здание института. Окна – маленькие на первых двух этажах, широкие на третьем, тусклые на четвертом – смотрели на студентов фасеточным взглядом.

– Пошли, – хрипло сказала Сашка. – Не торчать же тут с чемоданами весь день.

* * *

В огромном полутемном холле никого не было. Стеклянная будочка вахтера пустовала. Направо и налево тянулись лестницы, а впереди, под столбом света, лившегося откуда-то сверху, возвышалась конная статуя невиданных размеров.

– Жеребец, – сказал Костя со сдавленным хихиканьем.

Сашка, как завороженная, подошла ближе. Лошадь в самом деле была «жеребец»; брюхо ее и ноги были изваяны с анатомической точностью. Колоссальные бронзовые копыта попирали гранитный постамент. Сверху свисали огромные сапоги в стременах. Лицо всадника разглядеть было невозможно – оно терялось вверху, и как Сашка ни пыталась выбрать угол зрения, видела только огромный вздернутый подбородок и выпирающий кадык.

– Первокурсники?

Голос прокатился эхом по пустынному холлу. Сашка и Костя обернулись; невысокая вахтерша в ситцевом платье стояла у входа, ее толстый палец с конфетно-розовым ногтем велел обоим подойти.

– Вам в деканат. За лестницей по коридору прямо, увидите сами, там на двери написано. Чемоданы оставьте. Никто их здесь не возьмет.

* * *

В длинном коридоре пахло пылью и свежей известкой. Тянулись двери – как в школе, только выше и, пожалуй, значительнее. Надпись «Деканат» в стеклянной рамке не давала ни единого шанса заблудиться.

Сашка вошла и зажмурилась.

В комнате было очень светло – снаружи сквозь окна врывалось солнце. Прямо перед Сашкой обнаружилась деревянная перегородка с дверцей. По ту сторону перегородки сидели две дамы – толстая и тонкая, обе в белых блузах, с одинаково непроницаемыми выражениями таких разных лиц.

– Первокурсники? – спросила толстая. – Давайте документы.

Сашка завозилась с застежкой внутреннего кармана – для пущей сохранности там имелась еще и булавка.

– Давайте-давайте, – поторопила толстая женщина. – Сдавайте, юноша, если готовы.

Костя шагнул к барьеру первым. Женщина отложила его аттестат, развернула паспорт, сверилась с длинным списком на столе.

– Поздравляю, вы зачислены на первый курс, – сообщила буднично. – Распишитесь здесь. Вот вам ордер на поселение, вот талоны в столовую – бесплатные обеды. Учебники вам выдаст преподаватель. Погуляйте пока в коридоре, пока я девушку оформлю…

Тонкая женщина не проронила ни слова. Через плечо коллеги заглянула в список; прищурившись, очень внимательно поглядела на Костю. Под этим взглядом он и вышел, сжимая в руках серый конверт с печатью.

Сашка подошла к барьеру. От времени на нем стерлась краска, каждое древесное волокно выступало рельефно. Сашка не выдержала – и провела по прожилкам ладонью.

– Как вас зовут? – спросила Толстая, почему-то не торопясь раскрывать Сашкин паспорт.

– Самохина Александра.

– Самохина. – Палец с длинным ногтем побежал по списку. – Самохина…

– Фарита девочка, – себе под нос проронила Тонкая. Сашка вздрогнула, от ее движения хлопнула деревянная дверца барьера.

– Коженников – ваш куратор? – спросила Толстая, не глядя на Сашку.

– Ну…

– Поосторожнее с ним, – сказал Толстая. – Он хороший человек, но жесткий. Вот ваш ордер на поселение, талоны в столовую. Монеты у вас с собой? Тут записано – четыреста семьдесят две?

Сашка снова полезла в сумку. Сочетание этой обычной комнаты и обычной, казалось бы, канцелярской процедуры с золотыми монетами неизвестного достоинства, явившимися на свет во время приступа рвоты, заставило ее на минуту потерять чувство реальности. Даже солнце за окном показалось ненастоящим.

Женщина приняла у нее из рук тяжелый полиэтиленовый кулек. Положила куда-то под стол: звякнуло золото.

– Все, – сказала Толстая. – Идите поселяйтесь, завтра в девять утра все первокурсники собираются в актовом зале, от входа прямо, мимо статуи, там маленькая лестница, увидите. Эй, кто там дальше, заходите!

– А где общежитие? – опомнившись, спросила Сашка.

* * *

Общежитие помещалось в глубине двора, попасть в него можно было либо из здания института, либо с улицы Сакко и Ванцетти по тесному, темному и вонючему переулку. Сашка, оценив переулок издали, решила после наступления темноты и носа в нем не показывать.

Снаружи общага представляла собой длинный, облупившийся, видавший виды двухэтажный барак. Входная дверь оказалась запертой. Костя постучал согнутым пальцем, потом кулаком, потом осторожно грохнул ногой.

– Странно, – сказала Сашка. – Спят они, что ли? Который час?

Костя обернулся, чтобы ей ответить, в этот момент дверь скрипнула и открылась. Костя отступил, чуть не свалившись с порога.

В дверном проеме стоял высокий, баскетбольного роста парень с черной повязкой через правый глаз. Был он болезненно худ и как-то скособочен, будто одна половина тела у него была сведена постоянной судорогой. Его единственный глаз, голубой, поглядел на Костю и переметнулся на Сашку. Сашка попятилась.

– Первокурсники? – спросил парень сиплым, будто сорванным голосом. – Поселяться? Ордера есть? Заходите…

Парень скрылся в темноте, оставив дверь приоткрытой. Сашка и Костя переглянулись.

– Мы тоже такими будем? – с преувеличенной кротостью поинтересовался Костя. Сашка промолчала: шутка показалась ей неудачной.

Они вошли. Изнутри барак был немногим веселее, чем снаружи: коричневый линолеумный пол, стены, выкрашенные синей краской до уровня глаз и оштукатуренные выше, лестница с железными перилами. Откуда-то вырывались струи пара и слышался шум воды в душе.

– Сюда. – Одноглазый парень обнаружился за канцелярским столом, над которым висел фанерный щит со многими ключами. – Ты, девочка, пойдешь в комнату двадцать один, это второй этаж. А ты, мальчик, в седьмую, это по коридору направо. От двадцать первой ключ – вот. А в седьмой живут два второкурсника, они уже приехали.

– Вы тут работаете? – нерешительно спросила Сашка.

– Подменяю. Я на третьем курсе вообще-то. И зовут меня Витя.

Парень подмигнул единственным глазом и засмеялся. Половина лица оставалась при этом неподвижной, только уголок рта уехал куда-то вниз. Смотреть на этот смех было так жутко, что Сашка чуть было не разревелась.

Подхватив чемодан, не замечая его тяжести, она рванула вверх по лестнице. Там был точно такой же коридор, тускло блестел линолеум, на белых дверях, выкрашенных масляной краской, темнели номерки. Сашка дошла до номера «двадцать один», трясущейся рукой сунула ключ в дверную скважину и после минуты лихорадочных усилий отперла.

Три панцирные кровати под полосатыми матрасами. Три письменных стола, три тумбочки. Дверцы встроенного в стену шкафа. Большое окно, приоткрытая форточка, пыльный подоконник. Сашка втащила внутрь чемодан, села на ближайшую кровать и разрыдалась.

Минут пять она оплакивала свою жизнь и свою беду, когда в коридоре раздались шаги. Сашка едва успела вытереть слезы: в дверь стукнули и тут же, не дожидаясь ответа, вошли две девочки: Сашка видела их мельком, в коридоре, по дороге из деканата в общежитие. Обеим было лет по семнадцать: одна блондинка в голубом джинсовом костюмчике, другая – русоволосая, круглая, в юбке до колен и трикотажной кофте.

– Привет, – пробасила русоволосая.

– Привет, – сказала блондинка и тут же спросила, увидев Сашкины красные глаза: – Ты чего?

– Да так, – Сашка отвернулась. – По дому соскучилась.

– Ага, – блондинка рассеянно огляделась. – Понятненько…

– А по мне, так даже хорошо, – сказала русоволосая, подтаскивая свои вещи к кровати у окна. – Свободная жизнь, никто над душой не стоит. Делай что хочешь.

Сашка подумала, что делать что хочет она не сможет, наверное, до самой смерти. А будет, наоборот, делать то, чего смертельно не хочет. Смотреть в глаза Коженникова, скрытые за черными очками, и выполнять, выполнять любые его капризы под страхом расправы…

Вслух она ничего не сказала. Да и голос не очень-то повиновался.

Блондинка мельком глянула на нее.

– Я, вообще-то, здесь жить не буду, – сказала задумчиво. – Сниму, наверное, хату где-нибудь поблизости. Вам же лучше – места больше.

Сашка промолчала. Русоволосая пожала плечами: хозяин, мол, барин.

– Я Лиза, – сказала блондинка, обращаясь к Сашке. – А это Оксана.

– Александра, – сказала Сашка хрипло. – Самохина Саша.

– Мы, значит, на одном курсе? – Лиза не сводила с нее голубых оценивающих глаз.

– Значит.

– А пыли-то здесь, – проворчала Оксана, водя пухлым пальцем по столам и подоконнику. – А за постельным бельем куда идти, знает кто-то? Комендантша тут как, нормальная?

Лиза перестала глядеть на Сашку. Прошлась по комнате, тронула дверцу шкафа, дверца хрипло завизжала.

– Давайте за знакомство, – предложила Оксана. И тут же, не дожидаясь согласия, стала выставлять из сумки на тумбочку банки, лотки и пакеты. Вытащила пластиковую посуду, ловко отделила от гофрированной трубы три белых стаканчика; придерживая рукой, плеснула в каждый из мутной пластиковой бутылки.

– Берите, девки. По-соседски. Угощайтесь: вот колбаска домашняя, вот огурчики. Вот хлеб, ну, что осталось.

– С утра? – уточнила Лиза.

– Да по чуть-чуть, что нам, – Оксана подхватила огромный ломоть колбасы. – Чтоб хорошо училось, чтобы весело жилось. Поехали!

Сашка взяла стаканчик, на дне которого плескалась белесая жидкость. Пахло дрожжами.

– Это что?

– Самогон, – Оксана улыбалась во весь рот. – Давай, чок-чок!

Она стукнула своим стаканом по Лизиному, потом по Сашкиному, опрокинула, выпучила глаза и принялась закусывать колбасой. Лиза чуть отхлебнула от своего стакана. Сашка

хотела отказаться, но потом подумала: с какой стати? И, задержав дыхание, выпила мутную жидкость, как микстуру.

Большей гадости она никогда в жизни не пила. Те спиртные напитки, которые доводилось до сих пор пробовать – шампанское на Новый год и на день рождения, сухое красное вино, – имели вкус и приятно пахли. Самогон встал ей поперек горла, перехватив дыхание.

– Закусывай! – крикнула Оксана. – Огурчик возьми!

Сашка, не вытирая навернувшиеся слезы, кинулась грызть огурец, и жирную колбасу, и черный хлеб с тмином. Захотелось пить, но воды ни у кого не было. Деятельная Оксана заявила, что здесь должна быть кухня, а на кухне чайник и что сейчас она все разузнает. За ней закрылась дверь.

Сашка перевела дыхание. Комната покачивалась перед глазами, и было не то чтобы хорошо – но было ощутимо легче, и захотелось поговорить.

Ей захотелось спросить Лизу, как она попала в Институт специальных технологий. И не было ли в ее жизни Фарита Коженникова. И что она думает делать дальше. Очень хотелось рассказать про свой страх и про монеты, про Валентина с его предынфарктным, про маму, про записку, случайно найденную в ячейке камеры хранения. И Сашка уже открыла рот – но вдруг замолчала.

Она представила: а что, если Лиза-то, в отличие от нее, не сумасшедшая? Поступила в институт, как все поступают, знает, чего хочет? Или сбежала из постылой семьи? Или спаслась от скандала? Или еще что-то, обыденное, человеческое, а тут Сашка со своими бреднями?

С другой стороны, монеты…

– С тебя тут… денег… никто не брал? – спросила Сашка отрывисто.

– Взяток здесь не берут, – рассеянно сказала Лиза. – А если ты про *те* монеты… То я их раньше сдала своему куратору. Если ты об этом…

Распахнулась дверь, ворвалась Оксана с горячим чайником в одной руке и пачкой чая – в другой.

– Девки, там нормальная кухня, даже посуда есть! Здесь будем пить чай или туда пойдем?

– Я чаю не хочу, – Лиза поднялась. – Пойду пройдусь… Не забудьте, что в два у нас обед. По талонам.

* * *

Лиза вернулась, когда Сашка с Оксаной заканчивали уборку: оставалось только вымыть пол и вынести мусор. Поначалу Сашка, осоловевшая от самогона, не желала ни во что такое ввязываться, но Оксана оказалась настырной: что же им, в свинарнике жить, надо сперва навести порядок, а потом уж отдыхать. Она приговаривала и тормошила; Сашка обнаружила себя с тряпкой в руке на подоконнике, потом в очереди за постельным бельем к каморке комендантши – первокурсники прибывали и прибывали, нервные, напуганные или, наоборот, веселые и шумные, Сашка непрерывно знакомилась с новыми соучениками, их имена моментально вылетали у нее из головы. Появился и пропал Костя – бледный, встрепанный, с обалдевшими глазами. Сашка притащила на второй этаж три комплекта сероватого, пахнущего прачечной белья, за это время Оксана успела протереть шкаф изнутри, столы, подоконник и даже ножки кроватей.

Вернулась Лиза. Перешагнула через гору мусора у порога, вздохнула, прошествовала к своей кровати, где высилась на матрасе стопка белья.

– Нагулялась? – весело спросила Оксана.

Лиза молча легла на полосатый матрас и отвернулась лицом к стене.

* * *

Студенческая столовая помещалась в подвале – на нижнем, подземном этаже самого института. До начала занятий – до первого сентября – работал только буфет, но и в буфете давали по талонам прозрачный бульон в блестящих эмалированных мисках, с круглыми тефтелями на дне, и вермишель с курицей. Компот можно было брать в неограниченных количествах – хоть по три или четыре стакана.

– Хорошо кормят, – сказала Оксана.

Сашка заметила в буфете Костю. Попутчик сидел над тарелкой, нахохлившись, крошил хлеб в бульон и смотрел сквозь обедающих, не замечая их.

Сашка подошла с твердым намерением: не обрадуется – немедленно уходить.

Костя обрадовался. Куда больше, чем предполагала Сашка. Отодвинул стул, предлагая ей садиться рядом. Предложил стакан компота. Сашка не отказалась.

– Как ты, устроилась? – И сразу, без перехода: – Слушай, они сумасшедшие.

– Кто?

– Да те пацаны, с которыми меня поселили. Второкурсники. Один заикается так, что глаза на лоб вылезают, и все время хихикает. А второй застревает.

– Как?

– Ну, потянется рукой, чтобы книжку с полки достать, и вдруг застрянет, как будто… как будто заржавел. Стоит в дурацкой позе, тянется, дергается… вроде даже скрипит… потом как будто его отпустит, он достает книгу и читает как ни в чем не бывало. И все время переглядываются за моей спиной… Перемигиваются… Жуткие такие. Что мне, в одной комнате с ними спать?!

Костя осекся. До него вдруг дошло, что он изливает душу – жалуется! – девчонке, с которой впервые встретился сегодня утром. Вероятно, по Костиному внутреннему кодексу такое поведение не было достойно мужчины; он смутился, помрачнел и уткнулся взглядом в тарелку.

– А я с первокурсницами в одной комнате, – сказала Сашка. – Вроде бы нормальные девчонки. Более менее.

Костя поднял глаза:

– Ты посмотри. Здесь же весь второй курс… и третий… калеки какие-то. Вот… смотри!

Сашка обернулась. По проходу между столиками гурьбой шли третьекурсники, возглавляемые одноглазым Витей. Длинный, тощий и скособоченный Витя припадал на левую ногу, так что тарелки у него на подносе подпрыгивали, грозя опрокинуться. За Витей, направляясь к дальним пустым столикам, шагал плечистый парень в ярко-красной футболке и линялых джинсах, улыбался и то и дело налетал на стулья, как слепой. Стулья грохотали, иногда падали, парень не обращал внимания и шел дальше. Рядом, погруженная в себя, брела девушка на высоченных каблучищах. Смотрела в пол так, будто видела на гладком линолеуме нечто, не доступное остальным. Время от времени прицельно ударяла каблуком, словно вбивая гвоздь, замирала на секунду, с усилием поднимала ногу (тогда казалось, что каблук вонзился в пол до самого основания) и, покачиваясь, шла дальше.

– Паноптикум, – еле слышно сказал Костя. – Откуда они таких набирают?

Сашка мельком на него взглянула.

– Первокурсники вроде нормальные, – повторила сухо.

– А, – Костя поболтал ложкой в остывшем бульоне. – Да. Я уже поел… Пошли?

* * *

На почте пахло сургучом, и молодая мамаша с коляской отправляла куда-то большую, всю перевязанную шпагатом посылку. Почтальонша была одна на всех, поэтому Сашка сперва дождалась, пока обслужат мамашу, а потом заказала у пожилой тетеньки с фиолетовыми волосами междугородный разговор. Вошла в гулкую кабинку, с замиранием сердца выслушала длинные гудки в трубке и подпрыгнула от радости, когда на том конце провода отозвалась мама:

– Алло!

Мама кричала в трубку, наверное, было плохо слышно. Сашка тоже кричала:

– Ма! Это я! Все хорошо! Устроилась! Тут дают обеды! Завтра первый день занятий! Как у тебя?

Она выкрикнула это, как речевку на параде, и выслушала ответную мамину тираду: все хорошо, Валентин звонил из Москвы, все здоровы…

– Я буду звонить с почты! Ну, пока!

Среди открыток на стойке Сашка выбрала одну: «На память из древней Торпы». На картинке изображена была площадь с фонтаном, в котором плавали лебеди. Сашка купила открытку и конверт, надписала адрес, бросила в огромный синий ящик с почтовым символом на крышке. Пакет глухо стукнул о жестяное дно.

От почты до общежития было пятнадцать минут ходьбы. Погода испортилась, накрапывал дождь. Втянув голову в плечи, Сашка вместе с порывом ветра взбежала на бетонное крыльцо и дернула на себя скрипучую дверь общаги.

По коридору первого этажа шел, удаляясь от Сашки, незнакомый парень. Сделав шаг или два, вдруг замирал в движении, будто стоп-кадр. Стоял так несколько секунд, потом, с ощутимым усилием сдвинувшись с места, продолжал свой путь. Повернулся, ткнулся в стену рядом с дверью. Отошел. Со второй попытки ухватился за ручку, потянул дверь на себя…

Сашка кинулась вверх по лестнице.

Лиза и Оксана курили, сидя на кроватях. Окно было распахнуто настежь, дым не желал вытягиваться, зато врывался холодный ветер, пересыпанный, как бисером, каплями дождя.

– Вы бы, может, в туалете курили? – растерянно спросила Сашка.

Ледяное молчание было ей ответом.

* * *

– Здравствуйте, первокурсники.

Актовый зал представлял собой большое пыльное помещение. Заняты были только три или четыре последних ряда. Темные занавески, прикрывавшие окна, пропускали ровно половину необходимого света; позади сцены белел экран. Как в сельском клубе, подумала Сашка.

– По школьной привычке забиваемся на «Камчатку»? – Человек, поднявшийся на невысокую сцену, окинул сидящих взглядом. – Не пройдет… – И добавил, не повышая голоса: – Дайте свет.

Люстра под потолком вспыхнула, от чего в полутемном зале сразу стало светло, как в оперном театре во время антракта.

– Пересаживаемся на первые ряды, – сказал человек на сцене. – Быстро, быстро.

Первокурсники зашевелились, заперeглядывались, потом нехотя потянулись ближе к сцене. Сашка и Костя пристроились во втором ряду с краю, поэтому все пробивавшиеся к середине ряда спотыкались об их ноги.

Человек на сцене ждал. Он не был похож на преподавателя вуза, какими Сашка их представляла: вместо костюма на нем были джинсы и полосатый свитер, светлые прямые волосы забраны в хвост, на носу очки – длинные и узкие, как лезвия, они были сконструированы, кажется, специально для того, чтобы удобнее было смотреть поверх стекол.

– Меня зовут Олег Борисович. Олег Борисович Портнов. Юноша в пятом ряду… да, вы. Не стесняйтесь, подсаживайтесь ближе. Нас не так много, есть места. Поздравляю вас, девушки и молодые люди, со значительным событием в вашей жизни: поступлением на первый курс Института специальных технологий города Торпы. Вас ждет интересная жизнь и напряженная работа… Девушка, – его палец указал на Лизу, которая наклонилась, чтобы что-то сказать Оксане, – когда я говорю, все прочие молчат. Запомните на будущее.

Лиза поперхнулась. В зале сделалось тихо. Портнов прошелся по сцене, заложив руки за спину; его взгляд перебирался с лица на лицо, медленно, будто луч фонарика в темноте.

– Итак, вы студенты. В честь этого вашего посвящения сейчас будет исполнен студенческий гимн – если кто знает слова, подпевайте.

В динамиках грянул торжественный аккорд. Портнов жестом велел всем подняться. Невидимый хор запел с полагающейся торжественностью:

Gaudeamus igitur, Juvenes dum sumus! Post jucundam juventutem, Post molestam senectutem Nos habebit humus!

Сашка быстро огляделась. Подпевали немногие. Лиза стояла, плотно сжав губы. Оксана вслушивалась, пытаясь разобрать слова: похоже, с латынью у нее было туго. Сашка-то учила этот текст, учила на курсах, и переведенный текст такой, казалось бы, задорной песни никогда не вызывал у нее особого энтузиазма: «После приятной юности, после тягостной старости нас возьмет земля…» Хорошенькое начало!

Vita nostra brevis est, Brevi finietur; Venit mors velociter, Rarit nos atrociter, Nemini parcetur!

Этот куплет она не любила особенно: в нем всем обещалась скорая смерть, которая не щадит никого. Vita nostra… «Жизнь мы краткую живем, призрачны границы…» Может быть, средневековым студентам было пофиг, мрачно думала Сашка. Может, если бы я сейчас слушала «Гаудеамус» дома, в нашем универе, мне тоже было бы пофиг и я бы ни о чем таком не думала. Но я в Торпе.

Vivat Academia! Vivant professores! Vivat membrum quodlibet, Vivat membra quaelibet Semper sint in flore!

Песня отзвучала. Студенты сели, как после минуты молчания. Портнов остановился на самом краю сцены, нависая над первыми рядами, вглядываясь в лица. Сашка поймала на себе его взгляд – и потупилась.

– А сейчас мы вместе посмотрим короткий фильм – презентацию нашего института. Прошу всех быть очень внимательными, не разговаривать и не отвлекать соседей. Давайте ролик.

Свет погас. Темные шторы на окнах дернулись и сошлись плотнее. На экране позади сцены возник светлый прямоугольник, и Сашка вспомнила киножурналы из раннего детства: в черно-белом изображении, появившемся на экране, было что-то глубоко архаичное.

– Добро пожаловать в древний город Торпу, – сказал глубокий дикторский голос. – Вас приветствует Институт специальных технологий!

Из темноты выплыл и ярко вспыхнул логотип – округлый знак, точно такой же, как на аверсе золотой монеты. Сашка обмерла.

За прошедшую ночь она успела передумать обо всем. То шептала, зажмурив глаза: «Хочу, чтобы это был сон!» То лежала, глядя в потолок. То на полном серьезе верила, что попала в секретную лабораторию, где на молодых парнях и девушках ставят эксперименты и они превращаются в калек. То вдруг успокаивалась, начинала видеть в своем положении преимуще-

ства: а вдруг ее научат чему-то удивительному, вдруг Фарит Коженников – инопланетянин и ей посчастливится увидеть другие планеты…

Ночью общежитие не спало: где-то шумели, пели под гитару, где-то гремел магнитофон. То и дело кто-то с топотом пробегал по коридору – туда, обратно. Кто-то звал кого-то из окна. Кто-то непрерывно смеялся. Обалдев от бессонницы, Сашка наконец провалилась в беспамятство, и снился ей какой-то бред. А в половине седьмого утра Оксана начала шелестеть полиэтиленовыми кульками, распространяя вокруг запах соленых огурцов, от этого шелеста и от этого запаха Сашка проснулась и больше не смогла сомкнуть глаз.

Теперь она смотрела на экран. Фильм был древний, старше самой Сашки, от дикторского голоса в динамиках закладывало уши, но ничего нового или хотя бы конкретного Сашка как ни старалась, так и не услышала. Торпа – древний прекрасный город. Традиции высшего образования. Молодежь, вступающая в жизнь, и так далее, и тому подобное. Сменяли друг друга черно-белые кадры: улицы Торпы, в самом деле живописные. Фонтан с лебедями. Фасад института, фасад общежития, стеклянный купол над конной статуей. Диктор вещал о том, как правильно выбранный институт предвосхищает трудоустройство и карьеру, о молодых специалистах, выпускаемых ежегодно, о бытовых условиях в общежитии, о славных традициях – слова были знакомые и аморфные, их можно было переставлять так и эдак. Сашка и оглянуться не успела, как ролик закончился, экран погас и снова включился свет.

Первокурсники жмурились, переглядывались, пожимали плечами. Портнов широкими шагами пересек сцену, остановился на краю, заложив руки за спину:

– Торжественную часть будем считать оконченной, приступаем к работе. В этом году на первый курс зачислено тридцать девять человек, из них будет сформировано две группы. Группа «А», условно говоря, и группа «Б». Как в школе. Понятно?

Первокурсники молчали.

– Попрошу выйти на сцену подопечных Лилии Поповой и Фарита Коженникова.

Сашка сглотнула и осталась сидеть. По скрипучей лестнице на сцену поднялась Лиза, нервно одернула очень короткую юбку, встала с краю. Рядом с ней пристроился высокий парень, которого Сашка видела мельком в буфете. Кто-то выбирался из середины ряда и, проходя мимо Сашки, снова споткнулся о ее ноги.

– Пойдем? – тихо спросил Костя.

Сашка поднялась.

Сцена была широкая, девятнадцать человек могли бы растянуться от кулисы к кулисе, держась за руки. Но все стояли кучкой, тесно, будто норовя спрятаться друг другу за спину.

– Перед вами группа «А» первого курса. – Портнов широким жестом указал на сцену. – Прошу любить и жаловать.

В зале кто-то несколько раз хлопнул в ладоши.

– Расписание будет вывешено на стенде сразу после первой пары. Группа «Б», сидящая в зале, сейчас отправляется на физкультуру, спортзал на третьем этаже, начало занятия через пять минут. Вторая пара у вас – специальность, тогда мы с вами встретимся снова и поговорим подробнее. У группы «А» специальность на первой паре, аудитория номер один. Сейчас организованно отправляемся на занятия. Осталось четыре минуты, опоздания у нас не приветствуются.

Портнов спустился по скрипучей лесенке и покинул зал через боковую дверь. Лиза отошла в глубь сцены и еще раз одернула мини-юбку. Сашка поразилась, какие у нее длинные ноги.

– Саш!

Сашка оглянулась. Оксана, все в той же трикотажной кофте, махала ей рукой из зала.

– В разных группах будем. Жалко, правда?

– Сейчас на физру… – пробормотал кто-то.

– У меня и кроссовок нет… Только тапочки…

Группа «Б» потихоньку вытягивалась из зала. Сашка обернулась к Косте.

– Кто такая эта Лилия Попова? – спросила шепотом.

Костя мотнул головой:

– Понятия не имею.

– Как? – Сашка поразилась. – Ты ведь… Как ты вообще сюда попал, ты говорил, что тебя отец…

– Отец, – Костя кивнул. – Фарит Коженников – мой отец. А что?

* * *

Аудитория номер один находилась на первом этаже, и вход в нее был из холла с конной статуей. Снаружи било солнце, стеклянный купол сиял, как линза прожектора. Свет омывал бока коня и всадника, скатывался, будто вода с тюленя. На полу лежали четкие тени огромных ног в стременах.

– Почему ты не говорил, что он твой отец?

– Откуда я знал, что ты его тоже знаешь? Я думал…

– Если он… если ты его сын, то как же… как он мог тебя в эту дыру засунуть?!

– Откуда я знаю? Я его не видел много лет… Они с матерью развелись, когда… ну, не важно… Он появился и поставил условие, ну и…

– Но он точно твой отец?

– Наверное, да, если меня зовут Коженников Константин Фаритович!

– Блин, – сказала пораженная Сашка.

Группа «А» ручейком влилась в небольшую аудиторию, похожую на школьный класс. Коричневая доска с тряпкой и мелом на полочке усиливала сходство. Едва успели рассесться, пристроив на полу сумки, как в коридоре гулко прозвенел звонок, и одновременно – секунда в секунду – вошел Портнов: длинный светлый «хвост» на спине, очки на кончике носа, пристальный взгляд поверх узких стекол.

Отодвинул стул перед массивным преподавательским столом. Уселся. Сплел пальцы.

– Ну что же… еще раз здравствуйте, студенты.

Мертвая тишина была ему ответом, только билась в стекло ошалевшая муха. Портнов развернул тонкий бумажный журнал, пробежал глазами по списку:

– Гольдман Юлия.

– Есть, – послышалось с задней парты.

– Бочкова Анна.

– Есть, – сказала толстенькая девочка с болезненно-бледным лицом.

– Бирюков Дмитрий.

– Есть.

– Ковтун Игорь.

– Есть.

– Коженников Константин.

По аудитории пробежал ветерок. Повернулись многие головы. Костя напрягся.

– Здесь, – сказал сдавленным голосом.

– Коротков Андрей, – как ни в чем не бывало продолжал Портнов.

– Есть.

– Мясковский Денис.

– Здесь!

Сашка слушала перекличку, водя ручкой по краю бумажной страницы. Девятнадцать человек. У них в классе было почти сорок…

– Павленко Елизавета.

– Я, – сказала Лиза.

– Самохина Александра.

– Я, – выдохнула Сашка.

– Топорко Евгения.

– Есть, – пробормотала маленькая, очень юная с виду девочка с двумя длинными косами на плечах.

– Все в сборе, – удовлетворенно признал Портнов. – Доставайте тетрадки, раскрывайте на первой странице, пишите сверху: Портнов Олег Борисович. Если кто не понял, я буду преподавать у вас специальность.

Первокурсники завозились. У Кости не оказалось тетрадки. Предусмотрительная Сашка вырвала для него лист.

– На будущее: учебники и тетради носить на каждое занятие. По поводу учебников… – Портнов отпер деревянный шкаф в углу и вытащил стопку книг. – Самохина, раздайте товарищам книги.

Сашка, верная синдрому отличницы, встала прежде, чем удивилась. Самому памятливому учителю требовалось несколько дней, чтобы запомнить имена и фамилии учеников. Портнов запомнил всех с одного раза – или зачем-то выделил только Сашку?

Она приняла из его рук тяжелую стопку, пахнущую старой библиотекой. Книги были одинаковые и не очень новые. Сашка прошла по аудитории, выкладывая на каждый стол по два экземпляра.

На обложке был абстрактный узор из цветных кубиков. Черные буквы складывались в два слова: «Текстовый модуль». Внизу стояла большая цифра 1.

– Книги не раскрывать, – негромко сказал Портнов, прежде чем кто-то из первокурсников, любопытствуя, приподнял обложку.

Все руки отдернулись. Снова стало тихо. Сашка, положив последнюю пару книг на их с Костей стол, села на свое место.

– Слушаем меня, студенты, – все так же негромко продолжал Портнов. – Вы находитесь в начале пути, на котором от вас потребуются все ваши силы. Умственные и физические. То, что мы будем изучать, дается не каждому. То, что оно делает с человеком, выдерживает не всякий. Вы тщательно отобраны, у вас есть все данные для того, чтобы пройти этот путь успешно. Наша наука не терпит малодушия и жестоко мстит за лень, за трусость, за малейшую попытку уклониться от полного овладения программой. Понятно?

Муха, в последний раз ударившись о стекло, замертво упала на подоконник.

– Каждому, кто будет прилежно учиться и отдавать занятиям все силы, я гарантирую: к концу обучения он будет жив и здоров. Однако небрежность и равнодушие плохо заканчиваются для наших студентов. *Исключительно* плохо. Понятно?

Слева от Сашки взметнулась рука.

– Да, Павленко, – сказал Портнов, не глядя.

Поднялась Лиза, конвульсивным движением одернула юбку.

– Понимаете, нас ведь не спрашивали, когда сюда направляли, – голос ее дрожал.

– И что же? – Портнов смотрел с интересом.

– Разве вы можете требовать от нас… чтобы так уж настойчиво учились… если мы не хотим? – Лиза с трудом заставляла себя не срываться на писк.

– Можем, – легко согласился Портнов. – Когда ребенка учат ходить на горшок, никто не спрашивает его согласия, верно?

Лиза постояла еще – и села. Ответ Портнова ее огорошил. Сашка молча переглянулась с Костей.

– Продолжаем, – как ни в чем не бывало сообщил Портнов. – Вы – группа «А» первого курса. Я буду вести у вас специальность – теоретические лекции плюс индивидуальные занятия. С каждым новым семестром работа будет усложняться, со временем появятся другие специальные дисциплины. Учтите, что физкультура в нашем вузе является профилирующим предметом, со всеми вытекающими. Кроме того, в первом семестре вам придется заниматься философией, историей, английским и математикой. В школе большинство из вас училось хорошо, поэтому простого выполнения домашних заданий по этим предметам будет достаточно… Чего, к сожалению, нельзя сказать о специальности. Вам будет трудно. Особенно поначалу.

– Вы уже нормально так нас запугали, – сказал кто-то с задних рядов.

– Руку, Ковтун, сначала рука, потом ваше соображение. На будущее: за нарушение дисциплины будет выдаваться дополнительное задание по специальности. Ясно?

Тишина.

– Хорошо. С вводной частью худо-бедно закончили. Начинаем занятие. Коженников, будьте добры – возьмите мел и нарисуйте на доске горизонтальную черту.

– В середине? – решил уточнить Костя.

Портнов глянул на него поверх очков. Костя, потупившись, взял мел и старательно провел прямую линию от края доски и до края.

– Спасибо, садитесь. Группа, смотрим на доску. Что это?

– Горизонт, – сказала Сашка.

– Может быть. Еще?

– Натянутая веревка, – предположила Лиза.

– Дохлый червяк, вид сверху! – решил пошутить Игорь Ковтун.

Портнов ухмыльнулся. Взял с полки мел, нарисовал бабочку в верхней части доски. Внизу, под чертой, нарисовал такую же, но пунктиром.

– Что это?

– Бабочка.

– Махаон.

– Капустница!

– Проекция, – сказала Сашка после коротенькой паузы.

Портнов глянул на нее с интересом.

– Так. Что такое проекция, Самохина?

– Изображение… чего-либо на плоскости. Отражение. Тень.

– Выйдите сюда.

Сашка неловко выбралась из-за стола. Портнов, бесцеремонно взяв ее за плечи, развернул лицом к группе; Сашка успела увидеть удивленный взгляд Юли Гольдман, чуть презрительный – Лизы, заинтересованный – Андрея Короткова; в следующую секунду ей на глаза опустился черный платок, и стало темно.

Кто-то нервно хихикнул.

– Что вы видите, Самохина?

– Ничего.

– Совсем ничего?

Сашка помолчала, боясь ошибиться.

– Ничего. Темнота.

– То есть вы слепая?

– Нет, – обиженно сказала Сашка. – Просто если человеку завязать глаза, он не будет видеть.

В комнате слышался теперь уже откровенный смех.

– Внимание, аудитория, – сухо сказал Портнов. – На самом-то деле каждый из вас сейчас находится на месте Самохиной. Вы слепы. Вы таращитесь в темноту.

Смешки стихли.

– Мира, каким вы его видите, не существует. Каким вы его воображаете – не существует и в помине. Некоторые вещи кажутся вам очевидными, а их просто нет.

– Вас тоже нет? – вырвалось у Сашки. – Вы не существуете?

Портнов снял с нее платок. Под его взглядом она растерянно заморгала.

– Я существую, – сказал он серьезно. – Но я – совсем не то, что вы думаете.

И, оставив Сашку в состоянии столбняка, свернул платок комочком, небрежно бросил на край стола.

– Садитесь, Самохина. Продолжаем…

Сашка вскинула руку. Рука дрогнула, но Сашка упрямо продолжала держать ее; Портнов устало прикрыл глаза:

– Что еще?

– Я хотела спросить. Чему вы нас будете учить? Какой специальности? И кем мы будем, когда закончим институт?

По аудитории пронесся одобрительный шепоток.

– Я собираюсь дать вам представление об устройстве мира, – с подчеркнутой кротостью в голосе объяснил Портнов. – И, что самое важное, о вашем – каждого – месте в этом мире. Большего сейчас не могу вам сказать – вы не поймете. Еще вопросы есть?

Подняла руку девочка с косичками – Женя Топорко.

– Скажите, пожалуйста…

– Да? – в голосе Портнова проскользнуло раздражение. Женя дрогнула, но заставила себя продолжать:

– Если я не хочу дальше учиться… Хочу забрать документы. Можно это сделать прямо сегодня?

В аудитории снова стало тихо. Костя выразительно глянул на Сашку. У Лизы Павленко загорелись глаза.

– Очень важно расставить все точки над ё, – холодно сообщил Портнов. – Вы прошли серьезный конкурс и поступили в солидный институт, который не терпит сомнений, метаний и прочих глупостей. Документы забрать *нельзя*. Вы будете учиться здесь – или вас отчислят за неуспеваемость с одновременным помещением в гроб. Ваши кураторы, Фарит Коженников и Лилия Попова, остаются с вами до пятого курса – в их обязанности входит обеспечивать вам стимул для прилежной учебы. Я надеюсь, каждый из вас уже успел познакомиться как следует со своим куратором.

За минуту перед этим Сашке казалось, что тише быть не может, но теперь над столами разлеглась просто убийственная тишина. Мертвая.

– Раскрыли учебники на странице три, – буднично сказал Портнов. – Читаем параграф номер один, медленно, вдумчиво и не пропуская ни буквы. Начали. – Он уселся за стол и еще раз обвел аудиторию взглядом.

Сашка раскрыла учебник. На внутренней обложке не было никакого текста – ни авторов, ни исходных данных. «Текстовый модуль 1, параграф номер 1». Страницы пожелтели, истрепались на уголках, шрифт был самый обыкновенный – как во всех учебниках…

Сашка начала читать.

И споткнулась на первой же строчке. Слово за словом, абзац за абзацем – книга состояла из полнейшей абракадабры.

Первой ее мыслью было: типографский брак. Она покосилась в учебник Кости, одновременно он заглянул в ее учебник.

– У тебя тоже такое?

– Разговоры, – негромко сказал Портнов. – Читаем. Внимательно. Я предупреждал, что будет тяжело.

– Это не по-русски, – тихо пискнула Аня Бочкова.

– А я не обещал, что это будет по-русски. Читайте, молча, про себя. Время идет.

Сашка опустила голову.

Кто-то засмеялся. Хихиканье пронеслось по классу, как эпидемия от очага к очагу, но Портнов никак не отреагировал. Смех затих сам собой. Сашка продиралась сквозь длинные, бессмысленные сочетания букв, и у нее волосы поднимались дыбом. Ей казалось, что кто-то вслед за ней повторяет эти звуки в темной комнате с зеркалами вместо стен и каждое слово, отразившись по многу раз, обретает смысл, но к этому моменту Сашка уже уходит на два абзаца вперед, и смысл отлетает от нее, как дым от быстро идущего паровоза…

Когда параграф – довольно короткий – закончился, она была мокрая с головы до ног. С трудом перевела дыхание. Пять абзацев в самом конце были выделены красным.

Снаружи прозвенел звонок.

– Задание на дом, – сказал Портнов. – Параграф прочитать три раза от начала до конца. То, что напечатано красным, выучить на память. Наизусть. Вызубрить. Завтра у нас индивидуальные занятия на третьей паре, список составит Коженников.

– Почему я? – взметнулся Костя.

– Потому что ты староста, – сухо сказал Портнов. – Все свободны. Идите на физкультуру.

* * *

Группа «А», необыкновенно молчаливая, остановилась в холле, у подножия широкой лестницы. Сверху, весело переговариваясь, спускались представители группы «Б» – видимо, физкультура пошла им на пользу. Впереди шагала Оксана, и раскрасневшиеся щеки ее горели в полумраке, как два арбузных среза.

– Чего это вы такие прибитые? – При виде параллельной группы Оксана сбавила шаг.

– Узнаешь, – мрачно отозвалась Лиза.

– Ну пошли, что ли, на физру… – нерешительно предложил Костя. – Не стоять же тут до ночи…

– Староста, – сказала Лиза с непонятной интонацией. – Твоя фамилия Коженников?

– Да, ну и что?

– Кем тебе приходится Фарит… прости, не знаю отчества?

Костя сжал кулаки:

– Отцом! Ну и что? Ну и что?!

– Отстань от него, он ни в чем не виноват, – тихо сказала Сашка. – Он в той же дыре, что и мы… его тоже сюда загнали.

Лиза круто развернулась и первая двинулась вверх по лестнице. Ее короткая юбка плотно облегала попу, мелькали длинные загорелые ноги.

– Гм, – задумчиво сказал Андрей Коротков, высокий плечистый парень старше многих – наверное, попал в институт уже после армии.

Сашка, не глядя больше ни на кого, побрела вслед за Лизой – на третий этаж, к двери со скромной надписью: «Спортзал».

* * *

Физрук оказался ослепительным черноволосым красавцем лет двадцати пяти. Тоненькая желтая майка облегала мощные мышцы на груди и спине, голые плечи и руки бугрились мускулами. Выстроив группу «в шеренгу по одному», Дмитрий Дмитриевич – так его звали – бес-

хитростно выложил всю свою историю: занимался борьбой, побеждал и делал успехи, получил травму, пришлось оставить большой спорт и уйти на тренерскую работу, а так как опыта нет – кстати оказалось и преподавание в провинциальном институте. Рассказывая, физрук застенчиво улыбался; Сашка поняла, почему такой веселой казалась группа «Б», особенно девочки. Дима Димыч – а звать его иначе не представлялось возможным – был похож на тигренка-подростка, могучего, искреннего, и мысль о том, что физкультура на первом курсе по расписанию четырежды в неделю, вместо законного отвращения теперь вызывала восторг. Дима напомнил, что на каждое занятие необходимо являться в спортивной форме и обуви, пообещал вести секции – борьбы для мальчиков и настольного тенниса для всех. Юля Гольдман, разбитная и веселая, тут же возмутилась дискриминацией: почему, спросила она, борьба только для мальчиков? Девочки что, не имеют права бороться? Дима, к удовольствию собравшихся, покраснел и пообещал «что-то придумать». И в качестве разминки предложил пока снять обувь и поиграть в баскетбол, разбившись на три команды.

Пол в зале был совсем недавно покрыт толстым слоем краски. Ярко-зеленые, ярко-желтые поля, толстые белые линии, удары апельсинового баскетбольного мяча, запах резины и пота – Сашка бегала от кольца к кольцу, скорее изображая активность, чем в самом деле пытаясь повлиять на ход игры. То, что происходило сейчас, было нормальным, радостным, сочным ломтем жизни, и трудно было поверить, что полчаса назад она читала параграф номер один, повинуясь желанию садиста-преподавателя в продолговатых очках на кончике носа.

Здесь над ними издеваются. Заставляют читать и зубрить ерунду, чушь. Все равно что чистить булыжную площадь зубной щеткой… Или рассортировывать зерна, которые снова будут перемешаны, и снова, и снова, а работа тяжелая, зернышки маленькие… И – бессмысленная работа. Наказание. Издевательство.

Только кому это надо? Кому нужен Институт специальных технологий со всем его штатом, столовой, деканатом, общежитием? Что это, гнездо садизма?

Костя передал ей мяч над головой Юли, Сашка поймала, повела, петляя, бросила в кольцо – но Лиза в последний момент сильно ударила ее по руке. Мяч ударился о край щита и отскочил в руки кому-то из соперников и опять – тук-тук-тук – переместился на противоположный конец зала, и Лиза побежала следом, одергивая мини-юбку, в которой, честно говоря, в баскетбол играть нежелательно…

Сашкина команда проиграла.

* * *

– Я не могу это запомнить! Не могу!

Учебник полетел в угол, ударился о дверцу шкафа, грохнулся на пол и остался лежать, раскинув желтоватые страницы. Оксана колотила по письменному столу, так что подпрыгивала настольная лампа:

– Не могу! Не стану это учить! Они над нами издеваются!

– Я тоже так думаю. – Лиза курила, сидя на подоконнике, майонезная баночка перед ней была полна окурков со следами помады.

– А что будет, если мы не выучим? – спросила Сашка.

Все три замолчали. Вопрос, мучивший их весь день, наконец-то был задан вслух.

Был вечер. За окном садилось солнце. Где-то бренчали на гитаре. Позади был первый день учебы: специальность, физкультура, философия и мировая история. Третья и четвертая пара не принесли сюрпризов. Сашка записала в общей тетрадке, что такое основной вопрос философии и чем материализм отличается от идеализма, сделала заметки о стоянках первобытных людей и их укладе и получила на руки два самых обыкновенных учебника. Обед, обильный и вкусный, был съеден в гробовом молчании. Первый курс вернулся в общагу, засел

за учебники, и очень скоро обнаружилось, что задание, данное Портновым, невыполнимо в принципе.

Прочитать эту чушь, заставляя себя на каждом шагу, еще можно было. Но *выучить* отмеченные красным абзацы – никак. Отказывался работать мозг, и перед глазами от усталости плыли пятна. Первой не выдержала Оксана, ее учебник пустился в полет через всю комнату.

– Я не могу это учить! – Оксана всхлипывала. – Пусть хоть режет меня!

Лиза хотела что-то сказать, но в этот момент в дверь постучали.

– Войдите, – сказала Сашка.

Вошел Костя. Прикрыл за собой дверь.

– Привет. Я тут… В смысле расписания на завтра. В смысле индивидуальные на третьей паре и на четвертой.

– Староста, – сказала Лиза с неподражаемым презрением.

– Он сам, что ли, напросился? – огрызнулась Сашка.

– Учитывая, чей он сын…

– А какая разница, чей я сын! – вдруг закричал Костя, разбрасывая слюну изо рта. – Какая разница! Я спрашивал у тебя, кто твой отец? Я тебя трогал вообще?

И, грохнув дверью, он выскочил в коридор, а Сашка за ним.

– Костя. Погоди. Не обращай внимания. Да погоди ты!

Не снижая скорости, Костя влетел в приоткрытую дверь мужского туалета. Сашка затормозила. Подумав, уселась на подоконник.

По коридору шел, осторожно ступая, третьекурсник. Медленно поворачивал голову, будто шея у него была железная, заржавленная. Иногда замирал, будто прислушиваясь к чему-то, и даже глаза его переставали двигаться, уставившись в одну точку. Потом он снова шел и так, шаг за шагом, приближался к сидящей на подоконнике Сашке.

Несмотря на по-летнему теплый и солнечный день, он был в шерстяных перчатках. Лоб его закрывала широкая вязаная повязка – не то украшение, не то средство от головной боли.

– Привет.

Сашка не ждала, что он заговорит, и ответила автоматически:

– Привет.

– Первый курс? Кошмары? Истерики?

Сашка облизала губы.

– Ну, в общем, да…

– Понятно, – сказал третьекурсник. – Ты в школе отличницей была?

– А что? – спросила Сашка, нахмурившись.

Парень шагнул к ней. Остановился, покачиваясь, потом неожиданно легко подпрыгнул и сел рядом на подоконник.

– Тебе надо подстричься. Сделать каре. И помаду поярче.

– А тебе какое дело? – оскорбилась Сашка.

– Я твой старший товарищ, могу давать советы, – парень ухмыльнулся. – Валера. – И протянул руку в перчатке.

Сашке пришлось преодолеть себя, прежде чем она протянула руку в ответ и коснулась свалявшейся черной шерсти:

– Александра…

Она перевела дыхание и вдруг заговорила, понизив голос, очень быстро:

– Валера, скажи, объясни, ты уже должен знать: чему нас здесь учат?!

– Объяснить – значит упростить, – сообщил парень после паузы.

Сашка соскочила с подоконника:

– Пока.

– Подожди! – В голосе Валеры было нечто, заставившее ее остановиться. – Я не… выделываюсь. Выламываюсь. Прикалываюсь. Насмехаюсь. Насмешничаю. Зубоскалю. Поддеваю. Я…

Он замолчал удивленно и даже растерянно – будто его собственные слова были тараканами, разбегавшимися от яркого света.

– Ты понимаешь. В самом деле трудно объяснить. Первый семестр самый трудный. Просто выдержи, и все. Дальше будет легче с каждым годом.

– А у меня есть выбор? – горько спросила Сашка.

Валера, все еще сидя на подоконнике, пожал плечами.

– Слушай, – сказала Сашка сухо, – пожалуйста, загляни в туалет и скажи парню… первокурснику… что я его жду. И пусть он перестанет прятаться.

* * *

В половине первого ночи Сашка сдалась. Закрыла книгу, уронила под кровать. Закрыла глаза и сразу же уснула.

Проснулась от запаха табачного дыма. Лиза курила, сидя у окна, Оксаны в комнате не было.

– Фу, – Сашка отмахнулась от густого клуба, зависшего прямо перед лицом. – Кури в туалете, а?

– Еще чего? – спокойно спросила Лиза.

Сашка с трудом поднялась. До начала первой пары оставалось полчаса, в коридоре бегали, топали, орали и смеялись.

Она помылась в окутанной туманом душевой, брезгливо переступая босыми ступнями на деревянных, разбухших от воды мостках. На то, чтобы высушить волосы, уже не оставалось времени. В кухне было не протолкнуться от галдящих, звенящих посудой, ожидающих своей очереди к электрическому чайнику. Сашка сунула нос – и ушла. Натянула джинсы и рубашку, рысцой направилась через двор к зданию института, к черному ходу.

Группа «А» пребывала в расстроенных чувствах. Кто бравировал, кто балансировал на краю истерики, кто пытался доучить бессмысленный текст, таская за собой проклятый текстовый модуль с абстрактным узором на потертой обложке. «Вызубрить», как велел Портнов, не смог никто: текст не давался к запоминанию.

– Ну и ладненько, – басил Андрей Коротков, с первого дня примерявший на себя роль всеобщего старшего брата. – Что он нам сделает?

Лиза, похудевшая, осунувшаяся, смотрела на него с прищуром, как сквозь табачный дым. Сашка старалась с Лизой не встречаться.

На первой паре была математика, которую Сашка не любила и от которой искренне рассчитывала избавиться хотя бы в институте; ничего подобного: стандартный учебник, курс повторения, тригонометрия, построение треугольников…

Сашка поймала себя на жадном интересе к полузабытым школьным темам. Учебник был логичен, он был последователен, каждое задание имело смысл. Тонкая книжка, напечатанная на плохой бумаге, вдруг спровоцировала приступ ностальгии; Сашка положила ее в сумку с теплым, почти нежным чувством.

На второй паре был английский. Пара проходила в первой аудитории, это место – даже доска, на которой англичанка бойко выписывала грамматические конструкции, – многим навеяло неприятные воспоминания. Слушая привычные диалоги о погоде, о Лондоне и домашних животных, Сашка смотрела, как Костя перечитывает бессмысленный параграф из текстового модуля. Безнадежно качает головой.

Английский Сашке понравился тоже – и преподавательница, ироничная дама с высокой прической. И учебник. И то, что приходилось делать на занятии; язык был логичен. Усилия понятны. Даже зубрежка, запоминание слов например, имела смысл.

Наступил обеденный перерыв.

На общем стенде с расписанием Костя приколол отдельный список – индивидуальные занятия по специальности. Сашка обнаружила себя под номером «один», ее время начиналось сразу после звонка на третью пару.

– Зачем ты меня поставил первой?

– А тебе что, не нравится?

– Успокойся, – сказала Сашка примирительно. – Я просто спрашиваю, без подтекстов.

– Я подумал, что тебе лучше сразу отстреляться, – сказал Костя, помолчав. – К тому же ты этот идиотский текст лучше всех знаешь.

– С чего ты взял?!

– Ну не хочешь, я вместо тебя пойду!

Прозвенел звонок.

* * *

За деканатом, в закутке, помещалась аудитория тридцать восемь. Почему этой комнате достался такой номер – Сашка понять не пыталась. Стукнула в дверь и вошла. Класс был крохотный, без окон, в нем помещались только стол и несколько стульев. С потолка на очень длинном шнуре свисала голая лампочка. От ее пронзительного света Сашка зажмурилась.

– Вы опоздали на две минуты, Самохина.

– Я… не могла найти тридцать восьмую аудиторию. Я думала, на третьем этаже…

– Мне это неинтересно.

Сашка стояла у двери, не зная, что делать и куда идти. Портнов поманил ее пальцем. Она подошла; Портнов – все в том же полосатом свитере – сидел за канцелярским столом, внимательно ее разглядывая. Под этим взглядом – поверх очков – Сашке стало еще более не по себе.

– Вот как мы увязли, – сказал Портнов не то Сашке, не то себе. – По уши. Кисель… Иди-ка сюда.

Он поднялся, скрипнув стулом, и моментально оказался рядом. Очень близко. Сашка почувствовала запах его одеколона – и успела удивиться. Она почему-то не думала, что такой человек, как Портнов, может пользоваться парфюмерией.

Сверху, почти над самой головой, горела лампочка. На линолеумном полу лежали круглые черные тени. Проекции. Тени…

– Я слушаю. Рассказывай наизусть то, что выучила.

Сашка начала, путаясь, запинаясь, точно зная, что не дойдет и до конца первого абзаца. А что будет дальше – после первого десятка строк, – страшно представить, там черная яма, абракадабра сливается в сплошной серый гул…

– Смотри сюда.

Он поднес руку к ее лицу, и она увидела на его пальце перстень, которого не было раньше. Большой розовый камень преломил свет лампочки и вдруг сделался ярко-голубым, потом зеленым; Сашка задержала дыхание. У нее закружилась голова, она шагнула, пытаясь удержать равновесие…

– Стой.

Она захлопала глазами. Перстня не было. Портнов стоял рядом, держа ее за плечи.

– Молодец, – сказал он неожиданно мягко. – Поработала, вижу. Но это крохотный шажок, ты каждый день должна так работать. На следующее занятие прочитай параграф два. Все, что выделено красным, – наизусть.

– А как же…

– Идите, Самохина, уже пошло чужое время. До свидания.

Сашка вышла в коридор, где поджидал, привалившись к стене, Андрей Коротков.

– Ну? – спросил жадно. – Сильно ругался? Что было-то?

– Коротков, я жду, – донеслось из аудитории.

Дверь за Андреем закрылась. Сашка обалдело помотала головой. Поднесла к носу часы на запястье…

С момента, как она вошла в аудиторию, прошло пятнадцать минут.

* * *

– Я же говорю: не видел его много лет. А объявился он в августе. Я-то на юрфак пролетел… А восемнадцать мне в сентябре. Матушка в шоке. Тут появился он. Вроде как спаситель. Устроил мои дела… Думаешь, я хотел сюда ехать? Я хотел в армию! То есть не то чтобы хотел, а…

Сашка и Костя шли по улице Сакко и Ванцетти, а потом по улице Мира и еще по какой-то улице, все дальше от центра, сами не зная куда. Сперва говорила Сашка, рассказывала об утренних купаниях, о золотых монетах, о пробежках в парке и дороге в Торпу. Потом рассказывать взялся Костя. Его история была намного проще.

– …И он меня просто заставил. Если бы я знал, что тут такое… Я бы в армию пошел.

– Не пошел бы, – сказала Сашка.

Костя удивленно на нее покосился.

– Мой отец ушел, когда я была маленькой, – сообщила Сашка. – В другую семью… И больше не показывался. Всю жизнь мы с мамой. Всегда – с мамой. И… самый большой страх знаешь какой? Что с ней что-то случится. Я вот вспоминаю, что делал и что говорил Фарит… он ведь напрямую не грозил. Он позволил моему страху – как бы самому – высвободиться и меня накрыть. Полностью. И мой страх привел меня сюда… и держит здесь. И будет держать.

Улица вдруг оборвалась. Сашка и Костя миновали два последних, по виду нежилых дома и ни с того ни с сего вышли на берег небольшой, но относительно чистой речки. Трава подходила к самому берегу. На деревянных мостках стоял рыбак в просторной куртке с капюшоном.

– Ух ты, – сказал Костя. – Может, и купаться можно?

Сашка спустилась вслед за ним к воде. Трава льнула к ногам. Покачивались камыши, на противоположном берегу квакали лягушки. Костя уселся на поваленное дерево, старое, потерявшее кору, кое-где покрытое мхом. Сашка опустилась рядом.

– Интересно, здесь что-то ловится? – спросил Костя, понизив голос. – Я одно время фанат был… И на зимнюю рыбалку ездил, и…

Рыбак сильно дернул леску. Над водой взлетела серебряная рыбешка размером с ладонь, сорвалась с крючка и упала к Сашкиным ногам. Запрыгала на траве. Рыбак обернулся.

На этот раз на нем не было очков. Карие глаза Фарита Коженникова смотрели вполне радушно.

– Добрый вечер, Александра. Добрый вечер, Костя. Саша, подай мне рыбку, пожалуйста.

Сашка поднялась. Наклонилась. Рыбина дрожала у нее в ладони; размахнувшись, Сашка изо всех сил швырнула ее в воду. Разошлись круги. На ладони осталось несколько чешуек.

– А теперь ловите, – сказала Сашка звенящим голосом. – Только ноги не промочите.

Коженников ухмыльнулся. Положил удочку на траву. Расстегнув куртку, уселся на поваленный ствол рядом с сыном. Сашка осталась стоять. Костя напрягся, но встать не решился.

– Как учеба? Однокурсники, преподаватели – осваиваетесь?

– Я вас ненавижу, – сказала Сашка, – и найду способ с вами рассчитаться. Не сейчас. Потом.

Коженников рассеянно кивнул:

– Понимаю. Мы вернемся к этому разговору… через некоторое время. Костя, ты тоже меня ненавидишь?

– Вот что меня интересует, – сказал Костя, нервно потирая колено. – Ты в самом деле… ты можешь делать так, чтобы явь становилась сном? Или это гипноз? Или еще какой-то фокус?

По-прежнему улыбаясь, Коженников развел руками, как бы говоря – ну вот, так получилось.

– И ты можешь управлять несчастными случаями? – продолжал Костя. – Люди заболевают, умирают, попадают под машины…

– Тот, кто управляет парусом, управляет ветром или нет?

– Дешевый софизм, – вставила Сашка.

– Все дело в том, – Коженников мельком на нее взглянул, – какой случай считать несчастным, а какой – счастливым. А этого, ребята, вы знать никак не можете.

– Зато вы за нас знаете, – снова вмешалась Сашка.

– А что это за монеты? – спросил Костя.

Коженников рассеянно сунул руку в карман. Вытащил золотую кругляшку. Мелькнула такая знакомая Сашке округлая, «объемная» фигура.

– Посмотри. Вот слово, которое никогда не было сказано. И уже не будет, – Коженников подбросил монетку, она взлетела, переворачиваясь, и снова упала ему в ладонь. – Понятно?

Костя и Сашка молчали.

– Поймете, – Коженников кивнул, будто успокаивая. – Хотите рыбку половить? Костя?

– Нет, – неприязненно сказал Коженников-младший. – У нас на завтра работы много. Привет.

И, не оборачиваясь, зашагал прочь от реки.

* * *

Утром и днем – еще куда ни шло. Сашка была занята, у нее были пары, занятия, заботы.

А вечерами и особенно ночами она плакала. Каждый день. Отвернувшись лицом к стене.

Она скучала по дому. По маме. Ей виделось в полусне, как мама входит в комнату, останавливается рядом с кроватью… Она просыпалась – и плакала снова.

Ей едва удавалось задремать к тому времени, когда звенел будильник.

* * *

Сашка всегда любила учиться. Мотаясь на курсы и по репетиторам, просиживая юбку в библиотеке, прочитывая школьные учебники наперед, она все-таки понятия не имела, какое это счастье – учиться тому, что логично, понятно и красиво, как задача по геометрии.

Теперь сам вид текстового модуля с узором из кубиков на обложке вызывал у нее тоску.

Прошла неделя. Затем другая. Каждый день приходилось читать параграфы, зубрить, зубрить, зубрить отрывки бессмысленного, неприятного текста. Сашка сама не понимала, почему эта абракадабра для нее с каждым днем все более отвратительна. Вчитываясь в дикие сочетания полузнакомых и незнакомых слов, она чувствовала, как что-то происходит у нее внутри: будто под черепной коробкой просыпается осиное гнездо и ноет, ноет, беспокоясь, не находя выхода наружу.

Со второй же недели занятий в группе «А» объявились прогульщики. Андрей Коротков не ходил на математику, заявив, что такие задачи он в девятом классе решал. Лиза Павленко пропускала то историю, то философию, то английский – безо всяких объяснений. Кое-кто из ребят пропускал физкультуру, но девочки ходили на занятия к Дим Димычу поголовно и с радостью. Милейший Дима, красавец, добряк, никого не мучил непосильной нагрузкой, зато много времени отдавал игре. Бесхитростно рассказывал о строении организма: чтобы увеличить эффективность тренировок, конечно. Показывал, как проходят сухожилия, как расположены мышцы – сперва на плакате, потом на живой натуре. Натура массово требовала новых и новых объяснений. Дима краснел и снова растолковывал: вот коленный сустав, вот голеностоп, вот эти нежные связки особенно подвержены растяжениям и даже разрывам…

Сашке нравилось наблюдать за юным физруком откуда-нибудь с горы гимнастических матов, сложенных один поверх другого. Смелость однокурсниц, ведущих себя нахально и даже развязно, удивляла, смущала и вызывала зависть.

На специальность ходили все девятнадцать студентов группы «А» в полном составе. И параграфы учили тоже все. Портнов умел принудить. Более того: все его преподавательское мастерство заключалось, по-видимому, в умении принуждать.

– Зачем нам вообще ходить на эти лекции? Чтобы книжки читать? – возмущалась Лора Онищенко, высоченная, грудастая, вечно таскающая в сумке полиэтиленовый кулек с вязаньем.

– Это не учеба, – говорил Костя. – Это дрессировка в лучшем случае. В худшем – зомбирование, полное промывание мозгов. У тебя как, голова после индивидуальных в порядке?

Индивидуальные были в каком-то смысле хуже лекций. Дважды в неделю по пятнадцать минут. Портнов говорил, что контролирует их знания, хотя знаний, с точки зрения Сашки, никаких не было, а способ контроля казался шаманством: перстень Портнова слепил глаза, от этого путались мысли, время совершало головоломный скачок, а Портнов ухитрялся узнать все о выученном, невыученном и недоученном.

– Ты не закончила пятый параграф. На завтра сделаешь шестой – и пятый опять!

– Я не успею!

– Меня не интересует.

В группе «Б», по всей видимости, происходило все то же самое – румяная Оксана побледнела, осунулась и все свободное время проводила за письменным столом. Лиза по-прежнему курила в комнате, сигарету за сигаретой. Сашке все больше казалось, что она это делает назло. Что ей нравится наблюдать, как Сашка кашляет и морщится от табачного дыма.

Прошло две недели занятий. Однажды на обеденной перемене, когда все отправились в столовую, Сашка вернулась в общежитие, нашла среди Лизиных вещей запас сигарет – несколько пачек – и все спустила в унитаз.

Лиза ничего не сказала. На следующий день вся Сашкина косметичка – и пудра, и тени, и блеск для губ, и дорогая помада, подаренная на день рождения и используемая редко-редко, по праздникам, – все это оказалось в мусорном баке, разбитое, раздавленное и размазанное по ржавым железным стенкам.

Сашка обнаружила разгром поздно утром, когда Лизы в комнате уже не было. Не помня себя от ярости, Сашка кинулась в институт, намереваясь вцепиться мерзавке в волосы. Опоздала: первой парой шла специальность, и новая порция отвратительной абракадабры остудила Сашкин гнев быстрее, чем это мог бы сделать ушат ледяной воды.

…В конце концов, она первая начала. Первая выбросила ее сигареты. Но что делать, если на стерву не действуют слова! Ничего: Павленко, насколько Сашке было известно, вот-вот должна была найти съемную квартиру и переехать… И тогда можно будет вздохнуть с облегчением… С Оксаной-то они договорятся…

До конца пары оставалось пять минут. Сашка закончила читать параграф и вытерла мокрый лоб мокрой, слабой ладонью.

– Самохина, иди сюда.

Сашка вздрогнула. Портнов смотрел на нее в упор – поверх очков.

– Иди сюда, кому говорю.

Костя глянул с беспокойством. Сашка неуклюже выбралась из-за стола, переступив через собственную сумку.

– Все посмотрели на Самохину.

Восемнадцать пар глаз – равнодушных, сочувствующих, даже злорадных – уставились на нее в ожидании. Сашка не выдержала и потупилась.

– Эта девушка на данный момент достигла наибольших успехов в учебе. Не благодаря своему таланту, потому что данные у нее скромные. Кое-кто из вас значительно талантливее. Да, Павленко, это и к вам относится. Самохина оказалась впереди всей группы потому, что она учится, а вы просиживаете штаны!

Сашка молчала, чувствуя, как горит лицо. Кое-кто из сидевших напротив тоже покраснел. Помидором вспыхнула Лиза Павленко. Костя, наоборот, побледнел.

Портнов выдержал длинную, весомую паузу.

– Самохина, показав отличный результат, получает индивидуальное практическое задание. Слово – серебро… а все ваши слова – вообще полова, мусор, не стоящий воздуха, потраченного на их произнесение. Молчание… Молчание – что, Самохина?

– Золото, – выдавила из себя Сашка.

– Золото. С этого момента ты молчишь, Самохина. Это упражнение должно активизировать некоторые процессы, которые наметились, но идут пока вяло… Ты не говоришь ни слова ни здесь, ни на улице, нигде. Я запрещаю.

Сашка подняла изумленные глаза. Снаружи, в холле, зазвенел звонок.

– Все свободны, – сообщил Портнов. – На завтра параграф двенадцать, читать подробно, красный текст – выучить. Самохина, тебя это тоже касается. Учись. Старайся.

* * *

В этот день Сашка впервые прогуляла физкультуру. Ей просто невозможно было оставаться в толпе, даже в спортзале, даже с таким милым человеком, как физрук.

Кроме того, группе «А» надо было поговорить о ней. В ее отсутствие. Она это прекрасно понимала.

Она пошла в общежитие. С полдороги вернулась. Пустая комната, пропахшая табачным дымом, остатки любимой косметики в мусорном баке – вряд ли все это могло ее утешить или развлечь. Сашка выбралась на улицу Сакко и Ванцетти, побрела в сторону центра, прошла мимо почты и вдруг подумала о маме. Как она будет ей звонить?!

Мысли о том, что запрет Портнова можно нарушить, у нее не возникало. Ее губы, язык и гортань вышли из повиновения. Минут сорок после окончания пары она не могла разомкнуть судорожно сжатых зубов.

Зубы разомкнулись, когда она купила бутылку минеральной воды в гастрономе, знаками объяснив продавщице, что именно ей нужно. Тогда только зубы разжались, застучали о стеклянное горлышко. Сашка одним махом выпила литр газировки, после чего в животе у нее забурчало, и пришлось присесть на скамейку перед почтой.

Она звонила маме в прошлое воскресенье. Узнала, что Валентин вернулся из Москвы, но свадьба опять перенесена. Голос у мамы, несмотря ни на что, был веселый и даже беспечный. Им хорошо без меня, подумала Сашка.

Она зашла на почту, жестом попросила бланк и написала текст телеграммы: «У меня все хорошо звонить пока не буду телефон сломался». Отдала бумажку удивленной женщине за стойкой, заплатила за каждое слово и снова вышла на улицу.

Значит, теперь она первая ученица.

Неудивительно, что Павленко так покраснела. Но Сашка снова отдала бы любимую помаду – да что помаду… Что угодно отдала бы за то, чтобы Павленко поставили перед всеми, назвали лучшей ученицей – хоть и со скромными способностями – и запретили говорить. А она, Сашка, отправилась бы вместе со всеми на физкультуру – обсуждать небывалое событие, посвящать в него Дим Димыча, играть в мяч и валяться на горе матов…

Почему она должна молчать? Чему она таким образом может научиться? Какие такие «наметившиеся процессы»?!

Поначалу она хотела прогулять и философию, но потом вдруг испугалась пропустить что-то важное. В ее тетради с конспектами все так красиво, логично выстраивалось, жаль оставлять пробел на месте Платона; она явилась.

На общих лекциях группы «А» и «Б» сидели вперемешку. С одной стороны от Сашки сел, как всегда, Костя, с другой стороны пристроилась Оксана.

– Поздравляю, – шепнула на ухо.

Сашка подняла брови.

«Мир идей (эйдосов) существует вне времени и пространства. В этом мире есть определенная иерархия, на вершине которой стоит идея Блага…»

– Портнов тебя так расхваливал… – бубнила Оксана. – Говорит, в нашей группе всем до тебя далеко…

Сашка вздохнула.

«В мифе о пещере Благо изображается как Солнце, идеи символизируются теми существами и предметами, которые проходят перед пещерой, а сама пещера – образ материального мира с его иллюзиями…»

– А сами предметы – это тени идей? – спросил Костя вслух. – Проекции?

Философичка пустилась в объяснения. Сашка отвернулась и успела поймать взгляд Лизы Павленко, брошенный с другого конца аудитории.

* * *

– На самом деле это решение проблемы. Если Самохина заткнется, в нашей комнате хоть как-то будет можно жить.

Сашка молчала. Лиза не могла успокоиться, расхаживала между кроватями в трусах и майке, поднимала что-то с пола и снова роняла, скрипела дверцей шкафа и рылась в своем чемодане.

– Ты же хотела хату снять, – неприязненно напомнила Оксана. – И свалить отсюда.

– И свалю… Времени нет этим заняться. Свалю, не волнуйся.

– А я не волнуюсь.

– Вот и не волнуйся!

Оксана была из тех, кого чужая исключительность, хоть самая крошечная, заставляет искать дружбы с ее носителем. Лиза была из тех, кто сам претендует на исключительность и оскорбляется, оказавшись во втором эшелоне.

Сашка могла бы сказать: нечему завидовать и нечего злиться. Ты же сама говорила, что это не учеба и не наука, а шарлатанство, гипноз, психоз или чего похуже. Так чем же мне гордиться: успехами в психозе?!

Но Сашка молчала. Единственная ее попытка заговорить – вечером, с Костей, по забывчивости – закончилась мычанием и брызгами слюны. Сашке стыдно было вспоминать этот эпизод.

Лиза пошире открыла окно. Холодная сентябрьская ночь пахла влагой и вялой травой. Лиза закурила – демонстративно.

– Тебя же просили не дымить, – сказала Оксана.

– Иди в задницу.

Сашка закрыла глаза.

* * *

Бессмысленные фразы проворачивались в мозгу, как гусеницы танка. Сашка читала двадцатый параграф; шла вторая неделя ее молчания, и ей казалось, что мир вокруг медленно погружается в тишину.

Она ощущала себя дирижаблем, полным мыльных пузырей. Пузыри – ее несказанные слова – поднимались к горлу и лезли наружу, нависали на языке, как неумелые прыгуны на трамплине. И лопались, оставляя горькое послевкусие. Ни одно слово не оказалось достаточно прочным, чтобы преодолеть барьер, вырваться и полететь.

«Ваши слова – полова, мусор…» Портнов был прав, понимала Сашка. Слова не имели значения. Взгляд, интонация, голос – все эти тоненькие ниточки, направленные в космос антенки сообщали окружающим о равнодушии или сочувствии, о спокойствии, нервозности, любви… Не слова. Но без слов было тяжелее.

Она читала белиберду, она учила наизусть абракадабру. Безуспешно: это была работа Сизифа, отчаянные усилия Данаид. Холодные сентябрьские дни сменились бабьим летом, Лиза Павленко так и не нашла себе квартиру. Курила она не меньше, но Сашка успела притерпеться к вечному запаху дыма. По философии задали написать реферат; Сашка выбрала Платона и пошла в библиотеку, зачем-то прихватив с собой текстовый модуль. В маленьком, тесном, заставленном шкафами зале запрещено было громко разговаривать, Сашку это устраивало: нигде она не чувствовала свою немоту так остро, как в галдящей толпе.

Она прошлась вдоль стеллажей. Потом села у окна и открыла модуль – сама не зная почему, автоматически.

До конца книги осталось всего несколько десятков страниц. Сашка привычно взялась продираться сквозь бессмыслицу буквенных сочленений. Она читала и читала, пока из скрежета в ее мозгу не прорвались вдруг слова: «…о чем поет птица; понял язык журчащей в чаше фонтана воды…»

Сашка вскинула голову.

В читальном зале, кроме нее, никого не было. День за окном клонился к вечеру. Из приоткрытой форточки пахло дымом далекого костра.

Она попробовала перечитать абзац, но ничего не получилось. Она вернулась к началу параграфа; начисто забыв о Платоне с его эйдосами, о реферате на завтра и о том, что читальный зал скоро закроют, она читала «Текстовый модуль 1». Нарастала головная боль: будто сотня алюминиевых половников лупила по чугунным сковородкам за тонкой стеной, а Сашка читала и не могла остановиться, как бочка, покатившаяся с горы.

«…понял, о чем говорят облака на небе… Ему показалось, что и сам он – слово, произнесенное солнечным светом…»

Библиотекарша, явившаяся запирать зал, застала Сашку в прострации над раскрытым учебником.

* * *

Она зашла на почту и купила тетрадок в клеточку, три штуки. На задней обложке была картинка – рябь из точек и закорючек. Если не всматриваться, если глядеть сквозь лист, как сквозь стекло, – из ряби через какое-то время проступала объемная фигура: на одной тетрадке египетская пирамида, на другой лошадь, на третьей елка. Когда-то учитель физики объяснял им, по какому принципу построено действие этих картинок, но Сашка все забыла.

Она брела по улице, зажав тетрадки под мышкой. Она могла бы сказать: то, чему нас учат, на самом деле имеет смысл. Мы не знаем какой. Но это не просто зубрежка, не только издевательство: смысл в этой каше проступает, как объемная картинка из ряби, но это не «лошадь» и тем более не «елка»: скорее всего, эту науку не опишешь одним словом. Или даже двумя словами. Возможно, вообще нет слов, чтобы описать эту науку… или процесс. Ни один из второкурсников, не говоря уже о третьекурсниках, до сих пор не соизволил даже намекнуть, чему нас учат. Может быть, Портнов – или кто-то другой из преподавателей – заткнул им рты? Может быть. А может, они тоже не знают.

Одноглазый третьекурсник Витя рассказывал, что после зимней сессии его группа в полном составе отбудет «на другую базу», где обретаются четверокурсники и дипломники. Самой Сашке третий год обучения, тем более зимняя сессия, представлялись чем-то чудовищно далеким, она даже не испытывала любопытства: где находится «другая база», почему старшие студенты занимаются отдельно…

Темнело рано. Кроны лип на улице Сакко и Ванцетти, недавно густые и непрозрачные, теперь пропускали огни далеких фонарей. Было так тепло, что не хотелось верить ни в желтые листья под ногами, ни в скорую зиму. Сашка постояла, глубоко дыша, глядя на звезды над черепичными крышами города Торпы. У нее было два пути: через здание института и через переулок, узенький, ведущий прямо к общежитию. Подумав, она решила срезать путь.

– …Ну, чего ты выламываешься?

Человек говорил шепотом, иногда срываясь на приглушенный басок.

– Чего ты строишь из себя целку? В пятницу… у Вовки в комнате… это была не ты, да?

– Отстань. – Сашка узнала голос Лизы Павленко.

– Ну, киса…

– Отцепись ты, сволочь!

Сашка задела в темноте пустую бутылку. Покатившись по булыжнику, бутылка звякнула; голоса стихли.

– Кто это тут ходит? – спросил парень.

Сашка не могла ответить. Повернулась и, оступаясь на камнях, вышла из переулка.

* * *

Ключ от двадцать первой комнаты висел внизу, на щите. Сашка рысью поднялась на второй этаж, отлучилась ненадолго в санузел и, наскоро почистив зубы, залезла в постель.

Первой вернулась Оксана. Пошелестела своими кульками (откуда, откуда у нее столько трескучего полиэтилена?!). Улеглась, вздыхая, полистала в постели учебник, погасила лампу, заснула. Сашка лежала в темноте, слушая, как кто-то хохочет на кухне, визжит, поет, гремит посудой; Оксана спала как ни в чем не бывало, а Сашка не могла сомкнуть глаз.

«Слово, произнесенное солнечным светом». Почему Сашка так обрадовалась, когда осмысленная фраза выплыла, будто сама по себе, из набора букв? Эти слова знакомы и складываются в грамматически верное словосочетание, но смысла в нем все равно нет. Солнечный

свет не говорит… Это поток фотонов… имеющий одновременно волновую и корпускулярную природу…

А представить этого нельзя. Все равно что видеть закрытую дверь одновременно с двух сторон. Находясь и внутри, и снаружи. Как же все-таки душно в этой комнате…

Повертевшись с боку на бок, Сашка поднялась. Шире открыла форточку, глотнула воздуха. На улице горел фонарь, его яркий искусственный свет заливал подоконник, во много слоев выкрашенный белой масляной краской. В углу, у самой рамы, стояла майонезная баночка для окурков и валялся, забытый, чужой учебник философии.

Сашка, почти не думая, разломила книгу наугад – открыла на первой попавшейся странице: «Универсалии, согласно номинализму, это имена имен, а не сущности или понятия…»

И эта фраза тоже не имеет смысла, разочарованно подумала Сашка. Вообще, если долго повторять одно слово – «смысл, смысл, смысл», – оно распадается на звуки, становится таким же информативным, как журчание воды в фонтане, и…

Она взялась за голову. Со мной что-то происходит, призналась себе. Может быть, я схожу с ума. В конце концов, и второкурсники, и третьекурсники очень похожи на сумасшедших. Странности… иногда физические уродства… как они замирают, глядя в одну точку, или промахиваются мимо двери, входя на кухню, или «застревают» посреди простого движения, будто заржавленные механизмы… Иногда, конечно, они говорят разумно, шутят остро, бывает, что неплохо поют…

«Истоки номинализма восходят к Античности. Его первые представители в ранней Античности – Антисфен из Афин и Диоген Синопский, противники «мира идей» Платона…»

В коридоре послышались тяжелые шаги, и, прежде чем Сашка успела вернуться в постель, дверь распахнулась.

Снаружи, в коридоре, горел свет, а в комнате было темно, поэтому Сашка увидела черный, будто картонный силуэт взъерошенной, расхристанной девушки. А Лизе – Сашка знала – увиделось привидение в ситцевой ночной рубашке, пугливо замершее посреди комнаты на полпути в кровать.

– А ты не спишь, – сказала Лиза.

Сашка не могла говорить, да и не хотела. Юркнула в постель, отгородилась от Лизы одеялом. Услышала, как хлопнула дверь. Оксана засопела во сне, но не проснулась.

Повернулся ключ в замке. Лиза, нетвердо ступая, подошла к окну. Сашка услышала, как щелкнула зажигалка.

– Знаешь, – сказала Лиза задумчиво, – мне ведь плевать, что ты обо мне думаешь. Что там за мысли в твоей головенке. Я занималась в танцевальном ансамбле… Пришел *он*… Показал монетку. Сказал: запомни этот значок, не нолик, а этот, другой. К тебе подойдет незнакомый мужчина и покажет этот знак, тогда ты должна будешь идти с ним без вопросов и выполнять его капризы. Тоже без вопросов. Я, говорит, невозможного никогда не требую. На следующий день Лешку моего забрали якобы за убийство… Он того чувака даже не знал, даже не видел ни разу, а тут баллистическая экспертиза, и свидетелей подогнали… Пистолет Лешка купил… с рук… Говорил: у меня такая девочка, надо охранять… И вот подваливает ко мне лось, лет сорока, здоровый такой, и тычет значок этот… И я с ним иду, как овца. Наутро меня рвет деньгами. А еще через два дня Лешку отпускают, родители его отмазали или что, но и свидетели, и пистолет этот проклятый исчезают, будто корова языком… Хорошо отмазали. Я-то знаю, что он никогда не стрелял из этой пушки, только по бутылкам в лесу… Лешка живой и на свободе. А эти, разные, приходят ко мне каждый месяц. Тычут под нос значок. И я ложусь под них без вопросов, а наутро меня рвет деньгами, а Лешка рядом и что-то чует… Танцы свои я бросаю, какие уж танцы. Лешка бросает меня. А *он*… говорит: я не требую невозможного…

Сашка давно уже высунула нос из-под одеяла. Комната полна была запахом перегара и сигаретного дыма, Оксана спала (или притворялась, что спит), резкий свет фонаря лежал на подоконнике, высвечивал половину бледного лица сидящей на краю девушки.

Метался красный огонек сигареты. Выписывал петли.

– Молчишь? Молчи… У меня что, на лбу написано? Почему они ко мне липнут, а к тебе – нет?

Сашка молчала.

– Значит, я его любила, – сказала Лиза неожиданно трезвым, резким голосом. – Значит, любила, если ради него… А-а, что теперь. У меня еще брат есть младший. Бабушка есть, старенькая. Есть крючок, за который зацепить… у каждого есть крючок… Но почему он сказал, мол, не требую невозможного? Мне уже значок этот сниться стал, – сигарета дрогнула, описывая в воздухе округлые линии. – Я уже от мужиков шарахалась, ото всех. Лешка уехал куда-то, телефон не оставил… А он говорит – «Я не требую невозможного!». А пропади оно все!

И, вдруг рванув на себя окно, Лиза перевалилась через подоконник и исчезла внизу.

* * *

Куча листьев, сырых, липучих, тянулась вдоль палисадника и в пике своем достигала метров полутора. Отряхивая джинсы, Лиза выбралась из шелестящей груды, оглядела ладони. Ощупала поясницу.

Сашка молчала. Она так и выскочила на улицу – в ночной рубашке, едва успев сунуть босые ноги в кроссовки.

Половина окон светилась, половина – нет. Гремели, заглушая друг друга, сразу два магнитофона. Кто-то танцевал на столе, тень металась по задернутым шторам. Девушки, летающие из окон либо бегающие по улицам в ночных рубашках, никого не удивляли и ни у кого не вызывали интереса.

Лиза ругалась сквозь зубы – жалобно и грязно. Вокруг на улице не было никого, кто посмеялся бы, удивился или пришел на помощь, только Сашка стояла, гадая, подать однокурснице руку или это будет расценено как оскорбление. В этот момент по замершим в безветрии липам прошелся резкий порыв, дождем полетели листья, звезды на секунду исчезли, а потом загорелись снова.

Сашка готова была поклясться, что огромная темная тень пронеслась прямо над крышей общежития. Более того: опустилась на антенну и сидит там, закрывая созвездие Кассиопеи. Сашка разинула рот…

Это было очень быстрое, мгновенное чувство. Мигнули и заново зажглись звезды. Лиза, не глядя ни на кого, уже хромала в обход здания ко входу, и Сашка, оглядываясь, побежала за ней.

Лиза миновала двадцать первую комнату. Двинулась дальше по коридору, туда, где дверь была распахнута, где у входа стояла батарея пустых бутылок из-под пива. С Лизиных джинсов отлетали, падая на пол, приставшие листья; Сашка успела услышать ее ухарский клич: «Гуляем, девки-мужики!» – и, больше ничего не дожидаясь, нырнула в свою комнату, в темноту.

По комнате ходил ветер, стучала рама; трясясь и цокая зубами, Сашка закрыла окно. Ее колотило, хотелось согреться, но горячую воду опять отключили, а идти заваривать чай на кухню, где всем так весело, Сашка не решалась.

Оксана не двигалась, с головой закутавшись в одеяло. Ты ведь не спишь, хотела сказать Сашка. Ты просто спряталась, выжидаешь, чем кончится дело. Ты молодец, завтра скажешь с чистыми глазами, что знать ничего не знаешь, не помнишь, спала сладким сном…

Слова подступили к горлу и вдруг, не удержавшись, хлынули наружу. Сашка, согнувшись, упала на нечистый линолеум и, закашлявшись, извергла из себя остатки ужина – и пригоршню тусклых золотых монет.

* * *

Той ночью бабье лето кончилось, как от удара молотком, и наступила холодная ветреная осень. Окна и форточки теперь были закрыты наглухо, но из щелей дуло, от сквозняков качалась лампа под потолком, и ветер завывал под дверью, как в печной трубе.

Оксана выпросила у комендантши две пачки бумаги для заклеивания окон и моток поролона, похожий на спрута с вялыми желтоватыми конечностями. Пока Сашка, распотрошив «спрута», заталкивала поролон в щели вокруг рамы, шустрая Оксана успела раздобыть муки и сварить густой клейстер, похожий на серые сопли с запахом киселя. Кисточек не было, Сашка догадалась отрезать кусочек поролона и с его помощью намазывать клейстером бумажные ленточки; они тогда теряли праздничный белый цвет и крахмальную плотность, обмякали, делаясь липкими и податливыми. Становятся похожими на нас, думала Сашка, заклеивая окно.

– Форточку оставь, – велела Оксана. – Проветривать будем.

Сашка потрогала холодную батарею. Отопительный сезон обещали начать еще не скоро.

…Ночью она долго собирала монеты, раскатившиеся по всей комнате. Вытерла тряпкой пол, а наутро еще и вымыла. Монеты, засунув в первый попавшийся кулек, спрятала в чемодан под кроватью. Лиза две первые пары провалялась в кровати, но специальность пропустить не решилась.

Это был очень трудный день – две пары специальности подряд, третья и четвертая. Они читали про себя параграфы «Текстового модуля 1»; Портнов всегда знал, работает студент или разглядывает жучка, ползущего по странице. Тишина аудитории время от времени прерывалась резким окриком:

– Коротков, работать. Ковтун, не отвлекаться!

Сашка старалась, ожидая, что *другие* слова – другие, осмысленные – явятся к ней из белого шума, как явились тогда в библиотеке. Но ничего не происходило. Она устала, заработала головную боль и уверилась, что случай в читальном зале был случайным плодом ее воображения.

– Самохина, ворон ловим?

Она сама не заметила, как отвлеклась, задержала взгляд на уголке страницы. Ей померещилась отметка ногтем… Кто читал эту книгу раньше? Одноглазый Витя? Или Захар, который живет в одной комнате с Костей и в любую дверь проходит с третьей попытки? Кто подсунул записку в ячейку камеры хранения? И кому могла помочь эта записка?

– Самохина, – Портнов стоял рядом. – Мне очень не нравится, как ты читаешь. Ты сачкуешь, Самохина, от тебя я не ожидал… Ты еще не придумала слово, которое стоило бы сказать вслух?

Сашка молчала.

– Вы будете молчать, Самохина, пока не поймете, зачем вам, собственно, вторая сигнальная система. Обезьянам хватает и первой, не так ли?

Сашка молчала.

– К завтрашнему индивидуальному занятию, – Портнов прошелся перед доской, – повторить все, что выделено красным. На память. Кто не спрятался – я не виноват, – он ухмыльнулся. – Староста, Самохину запишешь в расписание последней.

* * *

Сашка несколько раз себя спрашивала: если бы Коженников, явившись к ней, дал бы ей такое же «поручение», как Лизе? Ей, для которой колоссальным испытанием была необходимость купаться голышом – рано утром, когда никто не видит…

«Я не требую невозможного».

Неудивительно, что Лиза так ненавидит Костю. Хотя Костя-то совсем ни при чем.

Ее однокурсники один за другим входили в кабинет номер тридцать восемь. Выходили по-разному – кто злой, кто озабоченный, кое у кого из девчонок глаза на мокром месте. Это Портнов, да. Умеет довести.

Сашка вошла в кабинет последняя. Уже закончилась четвертая пара и началась пятая. Уже на третьем этаже, в спортзале, пришло время занятий секции по настольному теннису.

– Сбавила обороты, – сухо сказал Портнов. – Плохо стала учиться. Смотри сюда.

Перстень, который он надевал только на индивидуальные, приблизился к Сашкиному лицу. Сашка зажмурилась от острой синей вспышки.

– Смотреть вверх, нос не воротить… Так. Ну-ка сядь.

В маленькой комнате было всего несколько стульев. Сашка опустилась на ближайший, деревянный, который стоял, опасно отставив ножку.

– Ты чувствуешь, как ты меняешься изнутри? – негромко спросил Портнов.

Сашка кивнула.

– Это правильно. Так и должно быть. Любое изменение – зрения, слуха, памяти – не должно тебя волновать. Сейчас я дам тебе еще одну книжку – сборник практических заданий… Да-да, поработаешь, спина не переломится. Сдавать мне будешь по пять упражнений каждую неделю. Выполнять их надо мысленно, только мысленно, одно за другим, без ошибок. Я буду проверять, Самохина, очень тщательно, а если ты станешь халтурить, как вчера, – рискуешь остаться инвалидом на всю жизнь, свою жизнь, а не мою… Ясно?

Стукнули в дверь. До конца Сашкиного времени оставалось еще пять минут, поэтому она удивилась, кто бы это мог быть.

Это был Костя. Взволнованный, кажется, до потери инстинкта самосохранения.

– Олег Борисович… Там… у дежурной телефон… Самохину по телефону, междугородный звонок, мать спрашивает…

Сашка обмерла. Перевела взгляд на Портнова. Тот сдвинул очки ниже, на кончик носа; посмотрел на Костю, и тот слегка присел под его взглядом.

– Мать же звонит… Я подумал… Может, случилось что-то…

– Занятие закончено, – сказал Портнов ледяным тоном. – Самохина, возьмите книгу.

Он вытащил из ящика стола толстенький учебник, очень яркий, красный. На обложке Сашка увидела знакомый узор из кубиков.

Ни о чем не думая, а только о том, что могло случиться у мамы, Сашка взяла книгу. Спохватившись на пороге, попрощалась с Портновым – отрывистым кивком. Вышла в коридор; Костя широко шагал впереди, почти бежал.

– Давай скорее… Дежурная обещала подождать… Вообще-то это телефон служебный, понимаешь…

Сашка не слушала его.

Вот холл с огромной конной статуей. Вот стеклянная будочка вахтера; вот тетушка в синем халате, вот пластмассовая черная трубка, лежащая отдельно от телефона, вот вьющийся спиральный провод…

Сашка схватила трубку. Приложила к уху, послушала тишину. Мама ждала; Сашка, беспомощная, оглянулась на Костю. Тот выхватил трубку у нее из рук и закричал почему-то очень громко, на весь холл:

– Она сейчас подойдет! У нее все нормально, она хорошо учится, у нас в общежитии тепло!

Сашка услышала мамин голос, измененный проводами и расстояниями. Мама что-то говорила Косте, быстро, звонко и нервно.

– Нет! – крикнул Костя. – Она… ну, немножко охрипла… Вы знаете, кажется, ее не хотят отпускать с занятий, понимаете, у нас сейчас индивидуальные… У вас что-то случилось? Вы можете передать мне, а я…

Мама снова заговорила. Ее голос напряженно звенел; тогда Сашка шагнула вперед и выхватила у Кости трубку.

– Мама, что там у тебя? Что у тебя? Что случилось?!

– Саня, Санечка, это ты?! Почему ты не звонила? Эти твои телеграммы… Я месяц не слышала твоего голоса! Почему ты не звонила, дрянь такая?!

– Так у тебя все в порядке? – спросила Сашка потерянно.

– Нет! Потому что ты не звонишь! Валентин тоже с ума сходит… Никак дозвониться не могу… Ты здорова? Что ты ешь? У вас холодно? Что этот парень говорит, что ты охрипла?

Костя стоял перед Сашкой. Вахтерша, встревожившись, переводила взгляд с одного на другого.

– Я не охрипла, – сказала Сашка, стараясь не плакать. – Все хорошо.

* * *

Портнов перехватил ее у черного хода. Это было против его правил: обычно, встретившись со своим студентом в коридоре, он прохладно кивал – не более того.

– Идем-ка со мной, Самохина.

– У меня секция по настольному теннису.

– Только дар речи вернулся – сразу врать?

Сашка потупилась. В секцию она так и не записалась – не до того было.

– Я думал, ты будешь молчать еще пару месяцев, – пробормотал Портнов. – Хотя… Идем-идем, мне надо показать тебя кое-кому.

Сашка повиновалась. Они спустились в подвал, прошли мимо закрытого в этот час входа в столовую, потом спустились еще ниже. В этой части института Сашка никогда не бывала.

– Моего коллегу зовут Николай Валерьевич, – сказал Портнов. – Он еще будет с вами работать на старших курсах… я надеюсь.

Они прошли по широкому коридору, мимо ряда коричневых, обитых дерматином дверей. Перед одной из них, с табличкой «Приемная», Портнов остановился. Приоткрыл без стука, заглянул. Кивнул кому-то. Пригласил войти Сашку.

Это в самом деле была приемная, как Сашка ее себе представляла. Большой стол, шкафы-стеллажи, телефон-селектор, канцелярские принадлежности. Молодая женщина – секретарша? – на вертящемся стуле.

Сашка все еще тяжело дышала, и ресницы у нее слиплись стрелками. С одной стороны, она чувствовала потрясающее облегчение. С другой – свою вину перед мамой. С третьей – а была еще и третья сторона – глухое раздражение и обиду на Портнова.

– Николай Валерьевич свободен?

Секретарша кивнула, нажала на какую-то кнопку, прошелестела:

– Николай Валерьевич, к вам Олег Борисович… – и взглядом указала на черную дверь, обитую на этот раз уже кожей.

Портнов вошел, ведя Сашку перед собой, как шахтер вагонетку. Сашка вышла на середину просторного кабинета без окон – и остановилась.

За большим столом, перед включенной настольной лампой сидел человек с темно-серым пепельным лицом. Длинные седые волосы касались плеч. Гладко выбритый подбородок выглядел таким острым, что, казалось, при неловком движении способен порезать сидящему грудь. И кроме того, он был горбат. Черный пиджак топорщился на согбенной спине.

– Коленька, я хочу, чтобы ты посмотрел, – без предисловий начал Портнов. – Просто на всякий случай.

Человек за столом поднялся. Повел плечами, будто расправляя занемевшую спину. Вышел из-за стола, остановился перед Сашкой; та замерла, как лягушонок перед цаплей.

У горбуна были серые глаза почти без зрачков. Крохотные черные точки, как маковые зерна, в центре огромных и сизых, будто грозовая туча, радужных оболочек.

– Самохина Александра, – у горбуна был низкий, чуть глуховатый голос. – Семнадцать лет. Эх, где мои семнадцать…

Поддернув левый рукав, горбун высвободил браслет на запястье – это не были часы, как сначала показалось Сашке. Это была выпуклая металлическая блямба на кожаном ремешке; моментальный блик, ударивший Сашке в глаза, заставил ее зажмуриться.

– Самохина, – повторил горбун, и Сашке показалось, что его голос чуть дрогнул. – Девочка, погуляйте, пожалуйста, в приемной пять минут.

Сашка вышла. Секретарша, ни капельки не таясь, вязала на спицах что-то розовое, с пушистым ворсом; Сашка молча села на кожаный диванчик под окном.

Еще недавно она, наверное, что-то сказала бы секретарше. Обозначила бы свое присутствие простыми словами, похожими на габаритные огни: я здесь потому-то, затем-то, уйду тогда-то…

Долгое молчание, впервые нарушенное каких-нибудь полчаса назад, изменило ее характер серьезнее, чем можно было ожидать. Или дело не только в молчании?

Портнов вышел не через пять минут, а через пятнадцать. Кивнул секретарше, отконвоировал Сашку вдоль по коридору, по лестнице вверх и по еще одной лестнице – в холл; под сенью гигантского всадника сидел Костя. А больше в огромном помещении, как ни верти головой, не было никого. Даже будка вахтерши пустовала.

– Иди и берись за дело, – сказал Портнов, обращаясь к Сашке, но глядя на Костю. – Перед тобой просто непочатый край, гора, море работы. Я бы на твоем месте не тратил драгоценное время на ерунду.

– До свидания, – сказала Сашка.

Портнов остро глянул на нее поверх очков. Хмыкнул. Удалился. Сашка только теперь ощутила, как она устала. И как оттягивает плечо проклятая сумка. И как хочется просто лечь, закрыть глаза и ни о чем не думать.

Она села рядом с Костей на гранитный постамент и привалилась спиной к бронзовому копыту.

– Я вот что не могу понять, – сказал Костя задумчиво. – Эта штука, лошадь в смысле, она ведь ни в одну дверь не влезет. Получается, сначала построили памятник, а уже потом вокруг него институт… Как это может быть?

Сашка молча помотала головой.

– Чего он от тебя хотел? – спросил Костя тоном ниже.

Сашка вытащила из сумки свой новый учебник. Видавший виды. Ярко-красный. Потертый.

– Это что? – спросил Костя.

Сашка открыла книгу. Ни предисловия, ни авторов, ни каких бы то ни было объяснений. «Упражнения, первая ступень».

– Уже легче, – сказал Костя. – По крайней мере, слова знакомые.

«Номер один. Вообразите сферу, внешняя поверхность которой красная, а внутренняя – белая. Не нарушая целостности, мысленно деформируйте сферу таким образом, чтобы внешняя поверхность оказалась внутри, а внутренняя – снаружи…»

– Как? – беспомощно спросила Сашка.

Костя взял у нее книгу. Пробежал глазами. Вернул:

– У тебя дома все в порядке?

Этот вопрос, такой двусмысленный и такой точный, рассмешил ее, несмотря на усталость:

– У меня все дома. Да. Если ты это имел в виду.

* * *

Лил дождь. Вода шелестела в сточных трубах. Сашка, перерыв чемодан, поняла вдруг, что приехала на учебу летом, в джинсах и футболке, и ворох одежды, что запихивала в чемодан мама (вопреки громким Сашкиным протестам), ворох, казавшийся громоздким и ненужным, – не только необходим, но даже и хлипок перед лицом наступающих холодов.

Куртка. Шерстяной свитер и еще один, полушерстяной. Вязаные носки. Тонкие рейтузы, чтобы натягивать поверх колготок. Несмотря на заклеенные окна, в общаге было промозгло и холодно; опять отключили горячую воду. Мыться приходилось в тазах, а воду греть на кухне в большой кастрюле. Белье на холодных трубах не высыхало ни за ночь, ни даже за сутки.

«Вообразите две сферы, большего и меньшего диаметра. Мысленно разместите первую внутри второй, с таким условием, чтобы диаметр обеих сфер не изменился…»

Делать эти упражнения оказалось еще хуже, чем читать бессмысленные параграфы и учить на память белиберду. Портнов раздал задачники всей группе «А», еще через день – группе «Б». Кроме того, каждому первокурснику достался новый текстовый модуль с цифрой «два» на обложке, каждый день приходилось читать и учить параграфы. Английский, история, философия – все шло прахом, ни на что не хватало времени. Только физкультура, где добрый Дим Димыч вместо кроссов и нормативов предлагал первокурсникам баскетбол, волейбол и спортивные танцы, была просветом в бетонной стене зубрежки.

Контрольный Сашкин день – суббота – приближался неумолимо, из пяти упражнений она худо-бедно научилась делать два. Закрывая перед сном глаза, она видела в темноте все эти сферы, спирали, трубы, никак не желавшие проскальзывать сквозь другие, меньшего диаметра; от упражнений чесались глазные яблоки и першило в горле.

– Саня, мы тут мужиков посылаем за водкой, – сообщила Оксана, вернувшись из кухни. – Давай денежку, и тебя возьмем в коллектив. А то задубела совсем.

– Я не пью водку.

– Ну, разбавь пепси-колой.

– Слушай, мне завтра пять упражнений сдавать, а я…

– От работы кони дохнут. Ночью доучишь. Пошли к нам, греться будем!

Сашка заколебалась.

– А можно я Коженникова приведу?

– Приводи! Только пусть что-нибудь захватит из жратвы там, из выпивки. Мы на кухне второго этажа, велкам!

Лиза сидела за письменным столом перед раскрытым задачником. Глаза ее не отрываясь смотрели в одну точку. Возможно, в этот самый момент она выворачивала наизнанку воображаемые сферы.

А может, вспоминала о чем-то. Сашка не решалась с ней заговаривать с тех самых пор, как заново обрела дар речи.

Костя, простуженный и вялый, сопротивлялся недолго. Его соседи-второкурсники пьянствовали где-то в своей компании, в тумбочке одного из них нашлась банка кильки в томате.

– Я Захару потом отдам, – пообещал Костя не то Сашке, не то сам себе. – Пошли.

На кухне было дымно и даже жарко.

– Группа «А» пришла! – крикнула Оксана, подбирая со стола два чистых пластиковых стаканчика. – За вечную дружбу между нашими группами, первыми буквами алфавита!

Костя выпил полстакана водки и осоловел настолько, что тут же потребовал добавки. Банку кильки вскрыли ржавым консервным ножом, и она пошла по рукам: алюминиевой столовской ложкой вылавливали дохлых рыбок из глубины кроваво-красного соуса, выкладывали на толстые ломти ржаного хлеба, подлива растекалась кровавой лужей, банку передавали дальше. Сашка и Костя, соорудив себе по бутерброду, уселись на еле теплую батарею. Сашка отыскала на столе бутылку с пепси-колой и разбавила водку в своем стакане: получилось сладкое, в меру алкогольное пойло.

– Не жалею, что живу я часто с кем придется, только знаю, что в один из самых лучших дней… – красиво и надрывно пел парень из группы «Б», Сашка знала, что его зовут Антон, а фамилию никак не могла запомнить.

Ее повело.

В теплой кухне, с килькой в зубах, в клубах сигаретного дыма, она ощутила себя свободной. И, соответственно, счастливой.

Костина рука опустилась ей на плечо.

– Все вернется! – нестройными голосами пели девчонки. – Обязательно еще вернется! И природа! И погода, и тепло друзей!

Сашка обняла Костю изо всех сил. Сейчас это был самый близкий ей человек. Ближе мамы. Потому что маму уже стыдно так обнимать, а у Кости сильные руки с большими ладонями и ребра прощупываются сквозь свитер. Сашка вспомнила, как еще год назад мечтала сидеть вот так, в компании, рядом с парнем, обнимать его, пить из пластикового стаканчика и петь, и смеяться…

– Люди! – крикнул кто-то, влетая в кухню. – В душевой горячую воду дали!

«Люди» отозвались радостным ревом, как толпа болельщиков на стадионе. Костя наклонился к Сашке и поцеловал ее в губы. Сашка попыталась было уклониться – ей в первую минуту было неприятно, – но потом смирилась.

А еще через минуту поняла, что ей нравится.

– Ты что, ни с кем не целовалась?!

Сашка хотела сказать, что она урод среди девчонок, золотое времечко отрочества проведшая за письменным столом, – но не смогла. Костя-то умел целоваться, он был нормальный парень и даже красивый, не сопля какая-нибудь…

Они вышли в коридор. Оказалось, что Костя предусмотрительно налил водки в бутылку с остатками пепси-колы и теперь сладкий напиток можно хлебать прямо из горлышка.

– Мали-и-новый звон на заре-е-е… – задушевно пели на кухне.

Сашка сама не заметила, как они оказались в комнате у Кости. Захара и второго соседа, Лени, все еще не было; Костя усадил Сашку к себе на кровать, допил из горлышка пепси-колу с водкой, сел рядом с Сашкой и стянул через голову свитер.

– Давай… Я дверь запру снаружи. То есть изнутри… Давай!

Они повалились, обнявшись, на постель. Жалобно застонала панцирная сетка.

– Ты еще ни с кем?..

Костя пытался расстегнуть на Сашке лифчик, но маленькие крючочки подло застряли в петлях.

– Да что же это такое…

Отчаявшись, Костя сунул ладонь под резинку. Сашка выгнулась на постели дугой, подсознательно следуя подсказанной кем-то схеме. Еще в школе одноклассницы уверяли друг друга, что женщина в постели должна быть страстной, а значит, вот так выгибаться…

Костя уже расстегивал на Сашке джинсы. Это было жутко и завораживающе. Это было прекрасно и стыдно. Из приоткрытой форточки пахнуло сыростью; когда Костя взялся за Сашкины трусы, она вдруг рванулась и села.

– Ну давай… Сашка…

Она выскользнула из-под его тощего и потного тела. Очарование вечера таяло, головокружение сменялось тошнотой; Костины руки, ставшие вдруг назойливыми, все-таки стащили с нее трикотажные белые трусы, в этот момент Сашка перегнулась через край кровати, и ее вырвало золотыми монетами.

* * *

– Я говорил, что это очень важно? Я предупреждал?

– Я старалась, – сказала Сашка, не отрывая глаз от полукруглой царапины на столе. – Я старалась. Но у меня…

– Ты должна была отработать пять упражнений. Ты кое-как отработала два. Это меньше половины!

– Я работала…

– Работала?! Ты пила, как сапожник, и раздвигала ноги в постели!

Сашка подняла глаза. Ее щеки, бледные секунду назад, сделались обжигающе-горячими, так что, казалось, сейчас лопнет кожа.

– Неправда. Почему вы так со мной говорите?!

– Потому что ты заслужила, Самохина. Потому что ты маленькая дрянь, которой даны большие возможности и которая спускает их в канаву, в сточную канаву, в канализацию. Теперь с тобой буду говорить не я. Теперь с тобой будет разбираться Фарит Коженников, он ведет твое дело, он за тебя отвечает.

Сашка на секунду зажмурилась. Ей представилась Лиза. «Я не потребую невозможного»…

– Погодите, – сказала она, стараясь держать себя в руках. – К следующей субботе я сделаю семь.

– Десять. Кроме первых двух. Итого – с первого по двенадцатое.

Сашка встретилась с ним глазами. Портнов смотрел, как обычно, поверх очков.

– Десять, – повторила она шепотом. – Десять…

– И первые два отработаешь как следует. Итого – упражнения с первого по двенадцатое. И каждый день по параграфу из основного учебника.

Сашка молчала.

Ей было уже все равно.

* * *

Первое, что она сделала, выбравшись из института, – кинулась звонить маме. Сама не понимая почему. Ей нужно было удостовериться, что все в порядке, услышать мамин голос. Прямо сейчас.

Уже стемнело. Дождь то прекращался, то начинался опять. Ветер вывернул зонтик наизнанку. Сашка вправила вывихнутые спицы, стряхнула воду с зонта и с ботинок и вошла в освещенное желтым светом, пахнущее сургучом тепло почты. К переговорной кабинке стояла очередь, два человека. Сашка села на стул в углу.

Сегодня она прогуляла три пары – философию, историю, физкультуру. Все, что было в этот день, кроме индивидуальных по специальности. Ей повсюду мерещились издевательские смешки и многозначительные взгляды. Как будто все происходившее вчера у Кости в комнате было известно всем в самых смешных и жалких подробностях.

А Костю она просто видеть не могла. Ей было неловко и стыдно, и совершенно непонятно: как теперь жить? Как с ним общаться каждый день?

Очередь не двигалась: какая-то женщина говорила и говорила, кивала, соглашалась и смеялась в трубку. Сашка смотрела на нее сквозь темное стекло; женщина была счастлива, она плевать хотела на призрачность телефонной связи, провода не существовали для нее – только собеседник, которого она слушала и которого, наверное, любила. Сашка отвела глаза.

Осталась неделя до субботы, контрольных индивидуальных занятий. Десять номеров… Нереально. «Я не потребую невозможного», – сказал Коженников и обманул.

Она вытащила из сумки сборник упражнений. Развернула все там же, на первой странице. Начала сразу с третьего: «Не используя проекции и внутренние зеркала, вообразите непрозрачный прямоугольный параллелепипед таким образом, чтобы одновременно видеть четыре его грани. Мысленно деформируйте параллелепипед, чтобы…»

Женщина, договорив, наконец-то вышла из кабинки, ее место занял старичок с седыми усами. Соединение никак не желало устанавливаться, а старичок был глуховат, он кричал и кричал в трубку про какие-то двести рублей, которые чей-то племянник кому-то должен, и Сашка не могла вообразить параллелепипед: ни посылочной коробки, ни пачки вермишели, ни даже обыкновенного кирпича.

«Упражнение пять: последовательно повторите одно за другим упражнения один, два, три и четыре, не допуская пауз и внутренних прерываний. Упражнение шесть…»

Сашка видела лицо Кости – с нижней губой, отвисшей, будто носик кувшина. Как гадко все получилось, как глупо и отвратительно… И еще эта килька в томате… Золотые монеты были перемазаны красным, как кровью, Сашка в одном белье ползала по чужой комнате и собирала их, ее тошнило, проклятая водка с пепси-колой…

Завтра после четвертой пары назначили общее собрание в актовом зале. И Сашке не удастся отвертеться, придется идти вместе со всеми, терпеть взгляды, смешки, терпеть присутствие Кости…

– Девушка, вы заснули? Разговаривать будете?

Опомнившись, Сашка метнулась в будку и взяла еще теплую трубку. Гудок… Еще гудок… Гудок за гудком…

– Не отвечает ваш абонент!

Сашка посмотрела на часы. Половина восьмого. Мама давно должна была прийти с работы.

Она снова села на стул. Стрелка круглых часов над дверью очень медленно подползала к восьми. Сашка читала параграф из учебника с цифрой «два». В голове ворочались, притираясь друг к другу, стальные валы и щербатые шестеренки. Абонент не отвечал; где-то в пустой квартире звонил и звонил телефон.

– Девушка, почта до восьми работает.

– Попробуйте еще раз, пожалуйста.

– Не отвечает… Может, они в театр ушли?

Сашка вышла в темноту, под дождь. Улица Сакко и Ванцетти нависала над ней двумя рядами домов; пустые балконы, облупившаяся штукатурка, влажно блестящие булыжники. Голые липы. Мама с Валентином, конечно, и в театр могли пойти… И в гости… И нет ничего страшного в том, что, когда Сашка в кои-то веки захотела позвонить маме, той не оказалось дома…

Она шла по краю тротуара, опустив зонтик. Капли дождя били по капюшону. Опавшие листья раскисли, подгнили, потеряв всякую красоту и поэтичность. Между камнями мостовой струилась вода.

Проехала по направлению к центру машина, залитые грязью «Жигули». Желтые руки фар выхватили на секунду стволы и стены, отразились заревом в каждом булыжнике, утонули в темноте и пропали. Снова стало темно, и только редкие светящиеся окна и далекие фонари освещали Сашкин путь.

Налетел ветер. Ближайшая липа затряслась, отряхивая воду и последние листья, Сашка съежилась и ниже натянула капюшон. Почему-то вспомнилась та теплая звездная ночь, когда Лиза вылетела из окна; почему вспомнилась? Может быть, похожее ощущение… Порыв ветра, будто что-то темное пронеслось по небу. Сашка подумала, что Лизино «самоубийство» в своей беспомощности было похоже на Сашкину с Костей «любовь»…

– Добрый вечер, Саша.

Она оглянулась. Секунду назад на улице, кроме нее, никого не было.

– Почему вы не раскрываете зонтик? Это что, сейчас так модно у молодежи – промокать до нитки?

Сашка не сразу узнала этого человека. Рядом с ней, раскрыв широкий черный зонт, стоял Николай Валерьевич, очень высокий горбун в темном пальто, с длинными седыми волосами, выбивавшимися из-под шляпы.

– Здравствуйте, – сказала она скорее испуганно, чем любезно.

– У вас зуб на зуб не попадает. Хотите кофе?

* * *

В этом ресторане она никогда не бывала, хоть и проходила мимо несколько раз и даже задерживала взгляд на вывеске. Ресторан был не студенческий; гардеробщик в черном пиджаке помог Сашке снять мокрую куртку. В комнате, отгороженной от общего зала плотными шторами, горел камин, и Сашка сразу же протянула к нему красные от холода руки.

– Есть вы что-нибудь будете?

– Я только кофе…

– Может быть, хотя бы бутерброд?

– Ну…

– Икра, семга, ветчина?

– Ветчина, – сказала Сашка, прикинув, что так будет дешевле.

Николай Валерьевич повел плечами. Это был его привычный жест; Сашка не могла отделаться от мысли, что горб доставляет ему неудобство, будто там, под пиджаком за его спиной, что-то свернуто, сложено и примято.

– Саша, кто ваши родители?

Она не ожидала такого вопроса. Впрочем, она не знала, чего и ждать.

– Мама дизайнер… Отца нет.

– Умер?

– Нет. Они развелись, ну… Мы не общаемся много лет.

– Кто вас направил в институт? Фарит?

Сашка сглотнула.

– Да.

Вошел официант, поставил перед Сашкой чашечку кофе, а перед ее собеседником – большую рюмку коньяка. В нескольких десятках сантиметров от Сашкиного носа оказалось блюдо с крохотными бутербродами, где икра и ветчина, колбаса, сыр и семга вели затейливый хоровод в венках из зелени, под желтыми парусами лимонных ломтиков.

Сашка поняла, что очень хочет есть. Причем давно. Сегодня она пропустила обед, а завтракать даже не пыталась. Всюду ей мерещилась эта проклятая килька в томате…

– Голодное студенчество, – как бы про себя заметил Николай Валерьевич. – Взять вам горячего? Котлету? Отбивную? Первое?

– Отбивную… Спасибо.

– На здоровье… Саша, вы представляете, в какой институт поступили и к чему вас готовят?

Сашка проглотила слюну.

– Нет.

Ее собеседник кивнул.

– Меня никто даже не спрашивал! – сказала Сашка с горечью. – Никто не интересовался, хочу я здесь учиться или нет… Меня заставили. Нас не учат, нас дрессируют или зомбируют, просто издеваются, и…

Она осеклась. Николай Валерьевич улыбался – как будто она рассказывала что-то веселое, смешное и чрезвычайно приятное.

– Дело житейское, Саша. Не хотите учиться? А чего вы хотите? Загляните себе в душу – и поймете: хочется вам в основном гулять и развлекаться. Любая учеба – принуждение. Любая культура – принуждение, увы. Вы внутренне незрелы, поэтому вас надо заставлять, и заставлять жестоко. Вот вы все ненавидите Фарита… а, в общем-то, зря.

У Сашки пропал аппетит. Она сидела, низко опустив голову.

– Ну-ну, – тихо сказал горбун. – Не обижайтесь. Вы-то одна из лучших, Саша. И ждет вас большое интересное будущее. По-настоящему большое. Кушайте, а?

Сашка через силу прожевала бутерброд. Отбивную съела наполовину, гарнир оставила. Выпила остывший кофе и еще один, горячий, а потом еще большую чашку чая с лимоном. Николай Валерьевич прихлебывал коньяк и смотрел на нее через стол. Зрачки у него были неестественно узкие, как маковые зерна, – и в полутьме, и на свету.

– Я буду преподавать у вас на втором курсе, – сказал горбун. – И потом на третьем. Я очень рассчитываю на вас. Мне будет интересно с вами работать… Олег Борисович много задает?

Сашка сардонически ухмыльнулась.

– Вы понимаете, это необходимо, – серьезно заметил Николай Валерьевич. – Тяжело, но надо постараться, Саша. Не обращайте внимания на быт, неустроенность, на текущие мелкие проблемы. Работайте. А мы с вами еще встретимся… Потом.

* * *

Выйдя из ресторана, Сашка некоторое время побродила по улицам. Дождь кончился, ветер стих, сквозь прорехи туч проглянули звезды, это сияющее великолепие стоило того, чтобы погодить минутку и не торопиться под душную крышу. Вернулась в общагу поздно. К ее огромной радости, и Оксана, и Лиза были уже в постелях.

Сашка включила настольную лампу, села на стул, скрестив ноги по-турецки, и, накинув на плечи одеяло, раскрыла книгу упражнений.

* * *

В понедельник после занятий первый курс в полном составе собрали в актовом зале. Портнов расхаживал по низкой сцене; в углу, набычившись, восседала комендант общаги.

– Что это? – спросил Портнов, показывая залу книгу в серой бумажной обложке.

Никто не знал. В зале возились, скрипели фанерными креслами, жевали жвачку и тихо переговаривались.

– Это сборник дополнительных упражнений для первого курса. В нашем случае – штрафной сборник.

Возня в зале стихла.

– В последнее время очень много жалоб поступает на студентов именно первого курса, которые ведут себя в общежитии недопустимо, напиваются по-скотски, устраивают дебоши… Вы зачем сюда приехали, водку хлестать?! Окна бить, двери выламывать, краны срывать? Совокупляться по пьяни с кем попало?

– Пусть отопление включат, – угрюмо посоветовал кто-то из задних рядов.

– Будет вам отопление, Комаров. После собрания возьмете у меня вот этот учебник, отработаете упражнения с первого по третье. На индивидуальных сдадите.

В зале установилась полная тишина.

– С сегодняшнего дня, – буднично объявил Портнов, – употребление спиртных напитков в общежитии строго запрещено. Любых. Будут проводиться рейды. У кого найду в комнате хоть полбутылки пива – буду задавать по десятку номеров, и попробуйте не справиться.

Сашка сидела в первом ряду, с краю. А Костя сидел у нее за спиной, в третьем ряду, наискосок. Она чувствовала его присутствие. Каждое слово Портнова отдавалось в голове ревом низко летящего самолета.

– Всем все понятно?

Молчание.

– Идите в общежитие и проверьте ваши комнаты. Все, что есть спиртного, вылить в раковину, бутылки сдать. Если сегодня кто-то напьется – торжественно обещаю, что у него не будет свободной минуты до самого Нового года. Больше того – у него не будет времени на сон. Всё, все свободны.

Захлопали откидные сиденья кресел. Сашка сняла сумку, висевшую на подлокотнике, и, ни на кого не глядя, двинулась к выходу.

На этот раз очереди на почте не было. Сашка слушала гудки раз, и другой, а на третий мама взяла трубку и очень удивилась такому неожиданному Сашкиному звонку: конечно, у них все нормально. Вчера они с Валентином были в гостях у тети Иры, у нее был день рождения, вернулись за полночь, на такси. А что, собственно, случилось?

Слушая ее беззаботный голос, Сашка подумала, что мама, наверное, помолодела. Им с Валентином хорошо вдвоем, Фарит Коженников, как ни странно, был прав: она, Сашка, оказалась бы в этой компании третьей лишней. Ничего не случилось; ни аварий, ни катастроф, ни болезней, все это существует только в воспаленном Сашкином мозгу…

Она шла и на ходу повторяла упражнения. Заплетались ноги. Какая-то старушка посмотрела на нее с подозрением: ей показалось, наверное, что девушка наклюкалась до неприличности. Сашка остановилась, чтобы передохнуть, оперлась о чугунную спинку скамейки. Садилось солнце; окна дома напротив горели апельсиновыми огнями.

«Мысленное построение, получившееся в результате упражнения семь, деформируйте так, чтобы его проекция на любую воображаемую плоскость имела форму круга…»

И выделенный красным текст из параграфа, который невозможно выучить, но надо учить.

Стемнело рано. В комнате, пропахшей старым табачным дымом, горела настольная лампа; Сашка сидела за книгой. В общежитии было непривычно тихо, Оксана споро переливала самогон из бутыли в резиновую грелку, купленную в ближайшей аптеке. У Лизы кончились сигареты, она отправилась по комнатам и «настреляла» полпачки. Сашка, не спавшая вторую ночь (или уже третью?), проворачивала в мозгу упражнение за упражнением. В мутном бульоне бессонницы ей начинало казаться, что она думает чужие мысли: настолько чужие, что

они не помещаются в голове. Думать такие мысли, мнилось Сашке, – все равно что пытаться удержать авторучку копытом.

Она боялась, что заснет над книгой, но упражнения не давали уснуть, подобно яркому свету или громкой музыке. Чесались опухшие веки, время от времени приходилось разминаться, чтобы дать отдых затекшей спине. Завтра (вернее, уже сегодня) был вторник, и Портнов станет проверять параграфы; поэтому в четыре утра Сашка отложила упражнения и открыла текстовый модуль с цифрой «два». Параграфы здесь были длиннее, чем в первом томе, и каждый завершался почти страницей текста, выделенного красным.

Я не могу это читать, подумала Сашка, глядя на желтоватое поле страницы, засеянное скрежещущей бессмыслицей букв. Я не могу это учить. Пусть Фарит делает что хочет.

Многочасовые упражнения что-то сотворили с ее рассудком. Ей казалось, что она хрустальная, прозрачная и ломкая, и совершенно спокойная – будто сосулька. Будто равнодушный кусок стекла. Она попробовала заплакать – как ребенок пробует проехаться на самокате после долгого зимнего перерыва. У нее получилось. Крупные слезы полились по щекам, но Сашка не испытывала ни грусти, ни отчаяния, вообще никаких эмоций – как будто открыли водопроводный кран.

Она перестала лить слезы – опять же по своему желанию. Вытерла щеки. Впряглась в текст и потащила его – ей казалось, что она глазами разматывает запутанный клубок колючей проволоки.

«…Страха смерти и не находил его… Страха никакого не было, потому что и смерти не…»

Она не останавливалась. В тот первый раз, в библиотеке, прорвавшийся смысл был яркий и голубой. На этот раз он был серый, с тусклым блеском, стальной. Очень отрывистый, Сашка почти ничего, кроме «страха смерти», не разобрала. И продолжала читать, надеясь снова прорваться, но строчки тянулись, как ржавые гусеницы, оставляли отпечатки в мозгу, а смысла не было.

В семь утра сработал будильник под кроватью Оксаны.

* * *

Из зеркала в туалетной комнате на Сашку глянуло чудище с помятой бледной физиономией и красными, в прожилках, воспаленными глазами. Зрачки странно изменились и сузились; она долго моргала, пытаясь понять, что не устраивает ее в собственном отражении. Минут через десять зрачки вернули нормальную форму и размер.

Она пропустила математику и английский. Перед обедом тщательно подвела глаза, чтобы не выглядеть бледной уродиной. Шла, потупившись, однокурсников избегала; на доске с общим расписанием булавкой был приколот график индивидуальных на сегодня. Сашкино время было – пятнадцать тридцать. Она забралась в дальний закуток, устроилась на подоконнике и устало вытянула ноги.

Не спать трое суток. Она никогда бы не подумала, что способна на такое. Но спать ей вовсе не хотелось; до назначенного времени оставалось еще сорок пять минут, она привалилась спиной к простенку, чтобы еще раз просмотреть выделенный красным текст, и на мгновение опустила веки.

Когда она открыла глаза, за окном была темень. И во всем коридоре была темень. Только где-то за углом тускло горела лампа дневного света.

Сашка вскочила, обливаясь холодным потом. Посмотрела на часы – без десяти шесть; индивидуальные занятия закончились час назад.

Она побежала. Шаги гулко отдавались в пустом коридоре. Дверь с табличкой «38» была заперта; Сашка дернула ее несколько раз, будто надеясь на чудо. Огляделась. Во всем длинном,

слабо освещенном коридоре Александра Самохина была единственным человеческим существом. Тишина стояла в здании института, и только откуда-то сверху доносились крик и смех: это под дверью в спортзал собрались игроки в настольный теннис.

Закинув сумку поудобнее на плечо, Сашка пошла в холл. Сама не зная зачем. Наверное, следовало идти домой… в общагу. Наверное, ничего уже не изменить. Наверное, уже завтра придется объяснять Портнову… При мысли о том, что Портнову придется что-то объяснять, Сашка заплакала – по-настоящему горько, от жалости к себе.

– Где ты была?!

Костя выскочил из тени под брюхом бронзового коня.

– Где тебя носило?! Я подменял… Ходил, всех упрашивал, переставлял расписание, чтобы на твое время кто-то пришел, а потом еще… затыкал кем-то дыру… все думал, что ты появишься… до последнего тянул! Где ты была?

– Я заснула, – сказала Сашка, не пытаясь вытирать слезы. – Я все выучила. Ночью. Я заснула.

– Блин, – сказал Костя после паузы. – Тут такое было… Он так орал… На меня, на всех… Из-за того, что тебя нет.

Сашка села на гранитный постамент. Обхватила руками плечи. Костя уселся рядом. Оттого, что он так сидел, молча, оттого, что касался боком Сашкиного бока, оттого, что сопел и глядел прямо перед собой, – Сашка обмерла и на секунду возненавидела себя. За то, что избегала его. За эту кильку в томате. За отведенные глаза и пропущенные пары. За все.

– Я хотел два раза пойти, – сказал Костя. – За себя и за тебя.

Она не выдержала и заревела в голос. Два раза пойти на индивидуальные к Портнову – все равно что два раза умереть; Костя был готов на это ради нее, а она удрала у него из постели, облевала ему комнату и почти неделю воротила нос!

– Он уже ушел? – спросила она сквозь слезы.

Костя зябко повел плечами:

– Он в институте. Я тут давно сижу, от самого конца занятий. Он не выходил… Послушай, может, мне пойти и сказать ему, что я нашел тебя и все дело в том, что ты заболела? Потеряла сознание… А что?

Сашка помотала головой. Врать Портнову – самоубийство. То, что Костя вызывается быть гонцом, – самопожертвование.

– Я сама к нему пойду. – Больше всего неудобства ей доставляли не слезы, хотя все лицо, наверное, покрылось черными потеками. Больше всего ей мешали проклятые сопли, от которых краснел и раздувался нос. – Пока он не ушел. Пусть делает что хочет.

– Он злится! Сейчас не надо – попадешь под горячую руку… Пусть остынет…

– Портнов – остынет?!

Сашка поднялась. Вахтерша из стеклянной будки смотрела с недоумением и сочувствием.

– Ты только меня дождись, – слабым голосом сказала Сашка. – Мне легче, если я буду знать, что ты ждешь.

Костя отрывисто кивнул.

Сашка спустилась вниз, ко входу в столовую, уже закрытому. Напротив висело большое зеркало; Сашка отразилась в нем в полный рост. Не стала разглядывать отражение; вытерла, как могла, черные потеки вокруг глаз. Перевела дыхание. Спустилась ниже – в коридор с коричневыми дерматиновыми дверями. На первой из них, широкой, двустворчатой, имелась табличка: «Учебная часть».

Сашка постучала. Стук утонул в дерматине. Тогда она постучала по ручке.

– В чем дело?

Голос был резкий. Голос Портнова.

Сашка потянула на себя дверную ручку.

В длинной, мягко освещенной комнате стояли диваны вдоль стен, вешалка с несколькими плащами и совершенно голый пластмассовый манекен. В дальнем от двери углу, у старого письменного стола, сидел Портнов над разложенными бумагами. Смотрел на Сашку поверх очков ледяными, неподвижными глазами.

«Меня ждет Костя», – напомнила она себе и сглотнула слюну.

– Что вам нужно, Самохина?

– Я выучила, – сказала Сашка, стараясь не выказывать страха. – Я все выучила. Я готова к занятию.

– Который час?

– Полседьмого.

– На который час было назначено индивидуальное занятие?

– На пятнадцать тридцать… Но я все выучила! Можете проверить…

– Почему я должен тратить на тебя свое личное время?

Сашка растерялась.

– Вы пропустили занятие, Самохина. Ваш поезд ушел.

– Но у меня была уважительная…

– Не было! Ни одна причина не является уважительной для пропуска контрольного занятия. Я пишу докладную Коженникову, пусть принимает дисциплинарные меры.

– Но я все выучила!

– Меня уже не интересует. Следующая наша встреча состоится в четверг, на лекции. До свидания.

И Портнов указал на дверь.

Сашка вышла. Потом вернулась, все еще не в состоянии поверить в несправедливость.

– Я выучила! Это ведь только пятнадцать минут! Проверьте…

– Закройте дверь, Самохина, с той стороны.

Волоча за собой сумку, она поднялась по лестнице. У входа в столовую остановилась перед зеркалом. Слезы высохли, лицо казалось белым и длинным, как бинт.

– Ну что?! – Костя ждал ее. Костя кинулся навстречу.

Сашка целую минуту не могла ничего сказать. Вспомнился летний разговор, случившийся почти полтора года назад: «У меня будильник не зазвонил… – Очень плохо, но не ужасно… даже полезно – научит тебя дисциплине… Второй такой промах обойдется дороже, и не говори, что я не предупреждал…»

– Да что случилось-то?!

– У тебя есть возможность… как-то связаться… с твоим… отцом?

Костя отшатнулся.

– Зачем?

– Мне надо с ним поговорить, – безнадежно сказала Сашка.

Костя молчал.

– Ну?

– Он давал мне телефон, но я ту бумажку выкинул, – Костя глубоко вздохнул. – Послушай… Ну ты же ничего ужасного не сделала… А?

* * *

Сашка дозвонилась маме на другой день. Голос в трубке был глухой и усталый. Поначалу мама отнекивалась, только потом призналась, что вчера, возвращаясь с работы, неудачно упала и сломала большой палец на правой руке. Ничего страшного, конечно. Мороки много… Рука-то правая… Ну да могло быть хуже, как оказалось. Не поскользнись она – свалилась бы в

канализационный люк, там крышку сперли, темно, фонари не горят… В двух шагах был люк открытый! На тротуаре, вечером! Так что нету худа без добра. С ЖЭКом лаемся, судиться вот будем, наверное. А палец срастется. Не переживай. Все заживет.

Поговорив с мамой, Сашка долго бродила по городу Торпе. Пошел первый снег и тут же растаял.

* * *

В четверг дали отопление. В соседней комнате тут же прорвало батарею, и отопление отключили. Топали по коридору сантехники, бранились и грохотали железом.

К вечеру в комнате запотели стекла. Сделалось тепло; гармошка батареи украсилась свежевыстиранными носками, колготками и трусами. Сашка пошла на кухню, залила кипятком кубик бульона в эмалированной кружке и, прихлебывая бульон, села за упражнения.

У нее было такое чувство, будто она избежала большой беды. Собственно, тогда, позапрошлым летом, когда она увидела растерянную маму рядом с носилками, на которых лежал совсем незнакомый Сашке Валентин, она испытала нечто подобное. Почти радость – от того, что вместо большой беды пришла относительно небольшая, которую легко пережить.

– Зачем он это делает? – спрашивал Костя, сидя над чашкой чая с развалившимся в нем сухарем.

– Ты не спрашиваешь, как он это делает.

И они молчали. И Сашка была почти счастлива, потому что поток событий окончательно вымыл из их отношений тот вечер, ту кильку, ту смятую простынку и монеты на полу… Монеты она, кстати, собрала потом до единой. Сложила в чемодан, будто предчувствуя, что рано или поздно Коженников-старший выставит счет.

– Костя, – спросила Сашка тихо. – А ты… Если ты захочешь бросить институт… Просто взять да уехать. Неужели он тебя не отпустит?

Костя помрачнел.

– У нас был с ним об этом разговор, – сказал, пытаясь выловить раскисшие обломки сухаря алюминиевой чайной ложечкой, – и, короче, я не стану и пытаться. У меня мама не очень здорова, бабушка старенькая уже… Я буду учиться.

– Ага, – отозвалась Сашка со вздохом.

Наступила ночь. Лиза шаталась непонятно где, Оксана долго возилась на стуле, пытаясь выучить параграф, потом отшвырнула книжку, выпила в одиночестве самогона из резиновой грелки и легла спать. Сашка сидела над книгой, отрабатывая номер за номером, будто взбираясь по обледенелой, почти отвесной стенке. Прочитать упражнение девять, посидеть в отчаянии минуты две: *такое* человеку сотворить невозможно, такое просто представить нельзя… Протереть глаза, вернуться к упражнению восемь, повторить его через силу; снова перечитать номер девять. Попробовать. Сжать руками виски. Еще и еще раз повторить восьмое; снова взяться за девятое и понять, что контур есть, нащупывается, надо только осторожно… очень-очень сосредоточенно… Довести упражнение до половины и сорваться. И опять – сорваться сразу после начала. И опять – чуть-чуть не довести до конца. И опять: довести, но знать, что повторить не сможешь. Вернуться к восьмому, мысленно прокрутить его, повторить девятое, морщась от напряжения. И еще повторить. И еще. Перевести дыхание, вытереть слезящиеся глаза, позволить себе минутную передышку: хлебнуть остывшего чая. Прочитать упражнение десять… И снова впасть в отчаяние.

Так прошла пятница. И так прошла ночь с пятницы на субботу. В одиннадцать десять, точно в свое время, Сашка вошла в тридцать восьмую аудиторию. Внутри у нее не осталось ни страха, ни злости. Мир вокруг был темным, поле Сашкиного зрения сузилось до круглого окошка размером с автомобильное колесо.

Она не увидела лица Портнова, а только его руку с перстнем.

– Я жду, Самохина, полную серию упражнений с первого по двенадцатое. Если собьетесь – начинайте сначала.

Она поставила посреди аудитории стул, оперлась двумя руками о высокую спинку и начала.

«…Вообразите сферу… Мысленно деформируйте таким образом, чтобы внешняя поверхность оказалась внутри, а внутренняя – снаружи…»

Два раза Сашка сбилась. При переходе от седьмого к восьмому упражнению и потом на двенадцатом, самом сложном. Оба раза остановилась и начала все сначала. И с третьей попытки довела серию до конца без единой паузы – как песню или как танец. Как скороговорку. Как длинное гимнастическое упражнение на бревне…

Окошко света перед ее глазами еще более сузилось. Она не видела лица Портнова. Она видела стол, край записной книжки и руку с перстнем, нервно сжатую в кулак.

– Хорошо, – сказал он глухо. – Ко вторнику – параграфы восемнадцать и девятнадцать. На будущую субботу – упражнения с тринадцатого по семнадцатое.

– До свидания, – сказала Сашка.

Вышла из аудитории, кивнула Косте. Добралась до общежития, ничего вокруг не видя. Легла в постель – и отключила сознание.

* * *

– Самохина? Вставай… Первая пара – специальность. Вставай, слышишь?

У Лизы были дорогие, но слишком резкие и экзотические духи. Сашка открыла глаза.

– Что?!

– Понедельник, утро! Вставай, полчаса до звонка! Если ты еще раз пропустишь – Портнов лопнет!

– Была суббота, – сказала Сашка.

– Была, да сплыла! Ты все воскресенье продрыхла!

А мама, подумала Сашка. Я ей обещала звонить по выходным… Не позвонила… А Костя… Как же?

Лиза металась по комнате полуголая, натягивала тонкие колготки, поверх надевала джинсы.

– Ксана! Ты мои прокладки не брала?

– Брала, пачка в столе.

– Дура, какого хрена ты воруешь?!

– Там еще осталось, не ори. Я тебе потом верну.

– Вернешь ты… Еще раз увижу – я тебе эти прокладки в жопу засуну!

Сашка накинула халат и побрела умываться. Из зеркала на нее глянуло серое, осунувшееся, но спокойное и даже привлекательное лицо. Сашка хлопнула глазами: зрачки разошлись и сложились, как черные диафрагмы фотоаппарата, и приняли обычную форму.

Она приняла душ и вымыла голову, и тогда только оказалось, что ее фен для волос перегорел.

– Кто сжег?

– Не я, – Лиза уже стояла в дверях. – Звонок через десять минут, я не хочу по твоей милости слушать истерику Портнова!

– Послушаешь по чужой милости… Оксана, дай фен.

– Я дала Любке из девятнадцатой комнаты, она не отдала… Замотай полотенцем и так иди!

Сашка, как могла, растерла волосы полотенцем. Надела вязаную шапочку, накинула куртку, бросила в сумку тетрадки и книги и побежала через двор к зданию института. Влетела в первую аудиторию, плюхнулась на свое место рядом с Костей, и тут же грянул звонок.

Прошла минута. Портнова не было. Первокурсники переглядывались. Начались негромкие переговоры.

– Может, он заболел? – с надеждой предположил кто-то.

– Как же… Размечтался…

Резко распахнулась дверь. Разговоры смолкли на полуслове. Вошел Портнов, отрывисто поздоровался, сел за стол. Склонив голову, посмотрел на студентов поверх очков. В аудитории зависла стерильная тишина.

– Половина семестра ушла как будто в песок, – сказал Портнов. – Приближается зимняя сессия. Вас ждут два экзамена – по философии и по истории. И зачеты по всем предметам. Разумеется, и по специальности тоже зачет; те из вас, кто не сдаст его с первого раза, будут иметь неприятный разговор со своими кураторами.

По столу Жени Топорко покатился карандаш, звонко свалился на пол, но она не осмелилась нагнуться, чтобы его поднять.

– Я должен вам кое-что сказать именно сегодня, – продолжал Портнов. – Я говорил это кое-кому на индивидуальных, теперь скажу всем. Упражнения, которые вы пытаетесь делать, преодолевая ограниченность и лень, меняют вас изнутри. Может быть, вы это заметили. Если нет – заметите позже.

Он сделал паузу. Сашке хотелось посмотреть на Костю, но она удержалась.

– Мы находимся в самом начале пути, – отрывисто заметил Портнов. – Идет подготовительная работа. По тому, как она идет, можно сказать с уверенностью: более расхлябанной и ленивой группы мне не приходилось учить уже много лет! Хуже вас только разве что группа «Б», но она вообще не лезет ни в какие ворота, и я не думаю, что больше половины студентов увидит выпускной вечер!

Тишина.

– Самохина, – бросил Портнов.

Сашка встала.

– Иди сюда.

Сашка вышла к доске.

– Сколько упражнений из сборника ты отработала?

– Двенадцать.

Портнов обернулся к классу.

– Кто-нибудь из вас, вундеркинды, сделал двенадцать упражнений по сборнику? Ты, Павленко, сколько сделала?

– Шесть, – прошелестела Лиза.

– А ты, Топорко?

– Восемь…

– А ты, Коженников?

– Три, – сказал Костя. Он был очень бледный, в ярко-красных пятнах.

– Эта девочка получит зачет автоматом, – сказал Коженников, не глядя на Сашку. – Она учится. Была лидером после первого же занятия, теперь ушла в отрыв и спокойно может смотреть в глаза зимней сессии. Вы – все остальные – запомните: экзаменов по нашему предмету только два: промежуточный на третьем курсе и выпускной на пятом. Но каждый зачет, в конце каждого семестра, будет для вас большим экзаменом жизни, это я обещаю. Самохина, садитесь.

Сашка села на свое место. Группа «А» за ее спиной мертво молчала. Все меня возненавидят, подумала Сашка почти весело. Хотя, казалось бы… Чему завидовать…

В этот момент у нее внутри будто раздвинулся низкий потолок. Разошлись бетонные плиты, в них ударил луч света. Все волосатое и темное, пугавшее ее, давившее, под этим светом оказалось смешным и жалким. Будто открылась изнанка малобюджетного фильма ужасов: бывавшие в употреблении монстры, Смерть в саване с печатью прачечной, маленький толстенький режиссер…

– Эй! Ты чего?

Она с большим трудом закрыла глаза – и снова открыла. Вокруг суетились однокурсники, гремели стулья, кто-то очень громко смеялся. Что-то произошло…

Портнова на месте не было. Дверь в холл стояла распахнутой настежь.

– Что случилось? – щурясь, спросила Сашка.

– Пара закончилась, – сухо объяснил Костя. – Сейчас физкультура. У тебя форма есть?

* * *

Все вокруг происходило очень быстро. Оставшись одна, Сашка поднялась на третий этаж к тому моменту, когда прозвенел уже звонок на пару; она встала в строй прямо в джинсах и свитере.

– Кого я вижу! – воскликнул юный физрук. – Александра! Что же вы не ходите на занятия? А когда являетесь – то без формы?

– У нее времени нет, она углубленно учится, – сказала Лиза. Кто-то хихикнул.

– Вы не забыли, что физкультура – профилирующий предмет? Наряду со специальностью? И что нас всех ждет зачет, безжалостный и скорый?

В строю засмеялись.

– Я сейчас переоденусь, – сказала Сашка.

– Давайте, но только скорее, скорее! Мы начинаем разминку! Напра-во! Бегом марш! Коротков, не загоняйте темп!

Сашка бегом направилась в раздевалку. Вытряхнула из сумки слежавшийся спортивный костюм и кеды. В душной комнатке-щели стояли башмаки под скамейками, пижонские ботинки на «тракторной» подошве и модельные сапоги на тоненьких шпильках. На железных крюках, как туши у мясника, висели чьи-то джинсы, юбки, небрежными горами валялись на скамейке свитера. Чей-то упал. Сашка механически подняла его и положила на стул.

Страха не было. Но не было и бесстрашия. Она чувствовала себя отрешенной, как рыба в замедленной съемке. Раз-два-три-четыре, командует в зале Дим Димыч. Топают кроссовки. Идет разминка…

Сашка зашнуровала кеды и поплелась в спортзал.

* * *

– Она не брала.

– Ты откуда знаешь?

– Знаю! Ты ей мстишь непонятно за что…

– Тихо, не орите…

Группа «А» первого курса окружила скамейку во дворе. На спинке сидела Лиза, упиралась в грязное сиденье тонкими каблуками сапог.

– Самохина! У меня сто долларов в кармане куртки лежали. Отдай, или будет хуже.

Сашка остановилась.

Закончилась четвертая пара. На философии и истории им раздали примерный список вопросов к экзамену. По шестьдесят вопросов, вместе сто двадцать; конечно, она не успеет

выучить. К субботе надо сделать упражнения с тринадцатого по семнадцатое, а завтра вторник, индивидуальные, параграф…

– Самохина, ты оглохла?

После того, что случилось с ней на первой паре, Сашка в самом деле соображала медленно.

Они толпились вокруг скамейки: яростная Лиза в окружении парней, ее друзей и клевретов. Костя с жалобно-красным лицом. Андрей Коротков, крупный и мрачный. Женя… Игорь… Денис…

– Что ты говоришь? – переспросила Сашка.

Лиза соскочила со скамейки, подошла вплотную, в ниточку сжав напомаженные губы:

– Ты была одна в раздевалке. У меня там висела куртка. В кармане сто долларов…

– В правом? – спросила Сашка.

У Кости округлились глаза. Парни переглянулись.

– В правом, – тихо согласилась Лиза. – Понабирали ворья… Отдавай.

Сашка прикрыла глаза. Хотелось спать. И одновременно очень хотелось усесться за упражнения. Как, бывает, хочется есть.

– Они за подкладку завалились. Ищи.

Липа, под которой стояла во дворе скамейка, совсем облетела, и листья сгреб дворник. Один или два последних листка еще цеплялись за иллюзию жизни, подрагивали, а ветки бились одна о другую, скребли и шелестели. Кроме этого звука, ничего не было слышно; быстро темнело. Светились окна в институте. Зажегся фонарь у входа в общагу.

– Ну, давай посмотри, – нервно сказал Костя.

Лиза сунула руку в карман куртки. Очень долго возилась. Потом ее тонкое лицо покраснело в сумерках, потемнело, как у мулатки.

– А ты откуда знаешь?! – обернулась она к Сашке. – Откуда ты знаешь? Ты туда лазила, да?

Сашка пожала плечами:

– Нет. Я просто догадалась. А теперь проси прощения, скажи: извини, Саша.

– Чего?!

Сашка снова на секунду опустила веки. Чувство, посетившее ее на первой паре, готово было вернуться.

– Попроси здесь, при всех, прощения. Потому что ты меня обвинила в краже.

– Иди ты, – сказала Лиза.

Сашка шагнула вперед. Свет фонаря упал на ее лицо.

– Ты меня слышала, Павленко. Не доводи.

Лиза смотрела Сашке в глаза. Очень быстро, как слайды, на ее лице сменили друг друга злость, удивление, смущение, и наконец промелькнул испуг.

– Чего тебе надо? – пробормотала Лиза.

– Извинись.

– Ну, извиняюсь…

В полном молчании Сашка прошла сквозь строй расступившихся однокурсников и поднялась на порог общежития.

* * *

В ноябре выпал снег. Рано утром, в полной темноте, Сашка первой выходила из общежития и, оставляя цепочку следов, бегала вокруг двора. Круг за кругом. По своим следам – как год назад.

Никто ее не заставлял. Просто она поняла, что без этих пробежек, без тишины глухого утра, без снега под ногами и облачка изо рта ей никогда не выдержать нагрузки. Ни физической, ни моральной.

Поначалу Костя бегал с ней, но потом постепенно «отвалился». Ему было трудно вставать в такую рань, он и первые-то пары просыпал (если на них не выпадала специальность). Сашка даже радовалась: ей нужно было полное одиночество. Полная тишина и звук снега под ногами, скрипящий или хлюпающий, как повезет.

Мама все еще носила гипс на руке. Уверяла по телефону, что ничего страшного, она привыкла, палец не болит. Вместе с Валентином они прислали Сашке посылку: зимние сапоги, рейтузы, носки, даже новую куртку с меховым капюшоном. Куртка оказалась маловата.

В комнате номер двадцать один надолго воцарилась зима – Лиза не замечала Сашку, та в упор не видела Лизу. Оксана, поначалу пытавшаяся как-то их помирить, бросила бесполезные попытки и жила собственной жизнью: к ней то и дело ходили в гости девчонки из группы «Б», а иногда и парни со второго курса.

– Проходной двор, – сквозь зубы говорила Лиза, но никто ее не слышал. Что-то не сложилось у нее со съемной квартирой: то ли денег не хватило, то ли не нашлось подходящей, то ли – Сашка и такое допускала – Портнов запретил.

Однажды по дороге на почту (было воскресенье, а Сашка звонила домой раз в неделю – железно) она увидела впереди на улице Сакко и Ванцетти Фарита Коженникова и Лизу. Они шли рядом, Коженников что-то говорил. Лиза слушала, и у нее было такое лицо, что Сашке сделалось ее жалко.

Она замедлила шаг. От ноябрьской оттепели снег растаял, раскис, по мостовой бежали ручейки, как весной, на дне их ярко желтели опавшие листья.

Коженников и Лиза расстались на перекрестке перед почтой. Коженников кивнул и зашагал налево, перешел улицу и скоро скрылся за углом. Лиза стояла, прислонившись к стволу голой липы.

Сашке захотелось подойти к ней и что-то сказать. Она уже сделала шаг; большая лужа, хлюпнув, заставила ее отскочить и вернуться к действительности.

Лиза не обрадуется. Сашка ничего не может изменить; по крайней мере, пока.

Проскользнув у Павленко за спиной, она вошла в янтарно-теплое, душное помещение почты и все время, пока тянулась ее очередь к телефону, представляла, как однажды плюнет в лицо Коженникову. Как наберет полный рот слюны – и плюнет; старичок, зашедший в кабинку перед ней, уже заканчивал разговор, когда Сашка поняла – с растерянностью и неудовольствием, – что тень ее ненависти к Фариту Коженникову падает и на Костю.

Сын за отца не отвечает, сказала она себе. Костя – точно такая жертва Фарита, как и она, Сашка. Он порвал и выбросил телефон отца. Тот вообще ему не отец – разве что биологически…

– Вы будете говорить или нет? – спросила девушка за стойкой.

И Сашка вошла в кабинку. Но даже разговаривая с мамой, не могла выбросить Коженникова – и Костю – из головы.

* * *

– Ты своему не даешь, что ли? – озабоченно спросила Оксана.

Она мыла посуду на кухне. Кто бы ни свинячил – Оксана всегда мыла посуду. Бывало, швырялась кастрюлями и орала «Развели срач!», но мыла все равно. Вид жирных тарелок, горой брошенных в мойке, приводил ее в бешенство.

– Они такие гиперсексуальные в этом возрасте, – повторила Оксана, видимо, чью-то фразу. – Ты его так не удержишь, учти.

Сашка сидела над параграфом. В двадцать первой комнате было очень много Лизы, Лизиных друзей и подруг, они сидели повсюду, даже на Сашкиной кровати. Сашка не стала связываться – взяла книги и ушла на кухню, где в этот час никого не было, только Оксана мыла посуду.

За месяцы, прожитые в общежитии, Сашка научилась спать при грохоте и учиться посреди землетрясения. Слова Оксаны выбили ее из колеи. Приходилось то и дело возвращаться глазами к началу абзаца.

– Вообще ты странная, – рассуждала Оксана. Она стояла к Сашке спиной, намыливала тарелку в раковине и не слышала ничего, кроме своего голоса и журчания воды. – Тебе уже восемнадцать скоро? Весной? Пацанка. Портнов тебе автомат ставит, единственной из тридцати девяти человек. А ты зубришь, как попка, с утра до ночи. Костика уведут, он парень симпатичный, а у нас полно красивых девок. Тут и местные девочки, школьницы, очень даже ничего…

Открылась дверь. Прихрамывая, вошел одноглазый Витя – третьекурсник, по-прежнему скособоченный и странный. Трикотажные штаны пузырились на коленях, клетчатая рубашка помнила лучшие дни. На руках у него были огромные кожаные перчатки, лицо закрыто огромными темными очками. Сашка вздрогнула.

– Привет, девчонки, – просипел Витя. – Угостите чайком?

Оксана обернулась:

– Своего нет, что ли?

– Сейчас, – сказала Сашка, отодвигая книгу. Все равно сосредоточиться не получалось.

Зашипел, нагреваясь, электрический чайник. Завоняло паленой изоляцией.

– Вить, а что у тебя с руками? – спросила Сашка как бы между прочим.

Витя посмотрел на свои ладони в перчатках. Пошевелил пальцами.

– Да так… Сессия приближается, девки, зимняя сессия. Пережить бы, вот в чем вопрос.

– Пережить бы, – эхом отозвалась Сашка.

Витя наставил на нее черные стекла очков:

– Вам-то что, первый курс, гуляй и радуйся. Новый год встречай. А вот на третьем экзамен по специальности, девки.

Оксана выключила воду. Обернулась, вытирая руки и без того мокрым полотенцем:

– Что? Трудно?

Витя неопределенно покачал головой:

– Можно сказать и так… Трудно. Мы после экзамена переходим на другую базу… Кто сдаст, конечно.

– Может, там будет легче, – предположила Сашка без особой уверенности.

О том, где находится и что представляет собой «другая база», никто из первокурсников не имел понятия. Говорили, что это какой-то очень продвинутый, технически оснащенный институт с «европейским ремонтом» в общаге и компьютером на каждом столе. Говорили, что это мрачные катакомбы глубоко под землей. Говорили, что это в другом городе.

Кое-кто – Сашка сама слышала – вполне серьезно предполагал, что это на другой планете.

Сама Сашка сказала однажды Косте – в шутку, конечно, – что «другая база» для старшекурсников – нечто вроде загробного царства, о котором никто ничего не знает, потому что оттуда не возвращаются. Костя, помнится, отреагировал странно – побледнел и тихим голосом предложил так больше не шутить.

– Может, и легче, – уныло согласился Витя. – Эх, девки, я ведь в мореходку собирался.

Сашка налила дымящийся кипяток в эмалированную кружку. Плюхнула внутрь чайный пакетик на веревочке.

– Сколько тебе сахара?

– Две ложки. Нет, три.

Сашка поставила чашку на край стола. Витя неуклюже поднял ее обеими руками – в кожаных перчатках – и вылил в себя горячий чай, как воду.

Сашка задержала дыхание. Витя поставил пустую чашку на стол, улыбнулся, облизнул губы:

– Спасибо.

– Не горячо? – тихо спросила Сашка.

Он помотал головой:

– Не… Пойду я учиться, девчонки. Спасибо, не поминайте лихом.

И вышел.

* * *

Сашка вошла в комнату с учебником под мышкой. Света было чуть – одна настольная лампа да еще огоньки сигарет. В табачном дыму трудно было разглядеть лица, Лиза сидела на столе рядом с магнитофоном, еще человек десять – первокурсники, второкурсники – устроились где придется. На Сашкиной кровати сидели двое – крупная полузнакомая девушка тискалась со своим парнем. Ее звали Ира, его, кажется, Слава.

– Отбой, – сказала Сашка. – Одиннадцать часов. Все вон из комнаты.

Ее не слушали и не слышали. Она подошла к столу и сбросила магнитофон на пол.

Отскочила крышка. Вывалилась кассета. Разговоры смолкли.

– Обалдела, Самохина? – в полной тишине спросила Ольга из тридцать второй комнаты.

Сашка включила свет. Все прищурились; Сашка смотрела широко открытыми, даже чуть выпученными глазами.

Только что, на кухне, под смех и чужие голоса, она закончила двадцать пятое упражнение.

Хотя Портнов задал ей номера тринадцать – семнадцать.

Так вышло, что, отработав семнадцатое, Сашка прочитала следующее – просто из любопытства – и ничего не поняла.

Вместо того чтобы просто закрыть книгу, она прочитала задание еще раз. Понятные слова. Более-менее понятные образы. А вот что с ними надо делать и *как* – представить было совершенно невозможно.

И тогда у Сашки проснулся давний «бзик». Может быть, стиль отличницы и «зубрилки». Может быть, инстинкт исследователя. Но она мысленно протянула ниточки от семнадцатого упражнения к восемнадцатому, потянулась, как в полную темноту, и через несколько минут нащупала то, что привыкла называть «контуром» упражнения.

Вот оно.

Она по-настоящему обрадовалась. И осторожно принялась разминать восемнадцатое. От него потянулись нитки к девятнадцатому и дальше к двадцатому. А потом внутри Сашки наступило будто озарение, и она кинулась вперед по номерам, от одного к другому, и свет становился все ярче, пока наконец на двадцать пятом упражнении она не ослепла.

Внутренний свет вспыхнул очень ярко и померк. Сашка протерла глаза; она не видела ни учебника, ни кухни. На секунду ей показалось, что она – внутри упражнения. Она – темный контур в пространстве без верха и низа; она не успела испугаться. Хлопнула дверь, потянуло сквозняком, открылась дверца холодильника.

– Суки! Кто мою селедку жрал?!

– Дурак, ты что, в общем холодильнике оставил?

– А я не могу ее в комнате хранить! Она воняет!

– Ну съел бы сразу…

– Гады… Чья это колбаса? Сожру, сволочи, все.

– Брось, это Ленкина, она с душком… В посылке еще испортилась…

Сашка слышала голоса, раздававшиеся совсем рядом. Ощущала ветер на лице. Ощущала запахи. И ничего не видела.

Почувствовала, как соскальзывает с колен учебник. Успела подхватить. Страха все еще не было; Портнов что-то такое говорил… про зрение, которое может измениться…

А вдруг она ослепла навсегда?!

Сашка чуть не взвыла от ужаса. Принялась тереть глаза, будто желая их выдавить, и через несколько секунд различила белое пятно холодильника. А еще через минуту увидела селедочную голову на кафельном полу, чьи-то ноги в тапочках, осколки чашки…

Зрение вернулось.

Пошатываясь, Сашка побрела в свою комнату. С ней что-то происходило. Что-то серьезное. Она не могла – и не желала – это остановить. Она распахнула комнату, увидела огоньки сигарет и парочку, восседавшую на ее постели; она не думала ни о чем, а поступала инстинктивно.

– Все вон. Оглохли?

– Ты переучилась, детка? – мягко спросил парень, сидевший на ее кровати.

И посмотрел ей в глаза.

Сашке показалось, что прошло несколько секунд. На самом деле, когда она очнулась, было уже полдвенадцатого и она была в комнате одна. Валялись окурки на полу. От табачного дыма тошнило; Сашка добралась до окна, ободрала бумагу, которую они клеили вместе с Оксаной, повыдергивала поролон и распахнула створку, хватая ртом ледяной ноябрьский воздух.

* * *

– Знаешь, я буду тебя бояться, – сказал Костя. – У тебя иногда такой взгляд…

Они сидели на подоконнике в закоулке коридора неподалеку от тридцать восьмой аудитории. Костя вышел с индивидуальных десять минут назад. Еще через пять минут к Портнову предстояло идти Сашке.

– Саш… Что там было-то? Что-то ведь было, а они не признаются, будто им стыдно…

– Ничего, – вяло отмахнулась Сашка. – Я их послала.

– Ты изменилась, – сказал Костя.

– Мы все меняемся.

– Да, но ты… Может, ты гений? Или еще чего похуже? – Костя пытался шутить.

– Мне пора, – сказала Сашка.

Она остановилась перед дверью аудитории. На самом-то деле у нее было еще две минуты как минимум; за дверью что-то громко и резко говорил Портнов. Как будто стегал кнутом или гвозди вколачивал. Сашка подумала, что ее-то сегодня ругать не будут. Сегодня она принесла не пять, а двадцать три новых упражнения. Двадцать три… Ей стало страшно и весело, как в детстве на «чертовом колесе».

Женя Топорко вышла из аудитории, странно сгорбившись, сдерживая слезы. Получила, подумала Сашка без сочувствия. И вошла к Портнову.

– Доброе утро, Самохина. Сделала?

Сашка кивнула. Оперлась о высокую спинку стула – и взялась за мысленную работу, начиная с тринадцатого упражнения.

Сбилась на четырнадцатом. Начала снова. Сбилась на пятнадцатом и снова начала сначала; Портнов смотрел, скептически поджав губы. Сашка, готовая запаниковать, начала еще раз и сбилась на тринадцатом; Портнов молчал.

– Я сейчас. Мне надо собраться.

– Собирайся.

– Я…

Сашка запнулась. Ей вспомнился вчерашний день. Оксана с ее посудой. Витя с его перчатками. «Ты своему не даешь?» Горячий чай… Огоньки сигарет в темноте…

Она начала тринадцатое – и поняла, что упражнения *скользят*. Одно за другим. Как звенья цепи. Как привычные мысли. Безумные. Чужие.

Она миновала шестнадцатое. Семнадцатое. Без паузы перешла на восемнадцатое. Девятнадцатое. Заходилось сердце; Сашка чувствовала себя канатоходцем, танцующим по проволоке над орущей толпой, она почти слышала восторженные вопли – хотя на самом-то деле в комнате было тихо, где-то в коридоре переговаривались студенты, она стояла, вцепившись в спинку стула, и смотрела в пространство, а напротив сидел Портнов и смотрел на нее и каким-то образом – каким? – знал и видел ее пляску на проволоке, он был единственный зритель… слушатель? Соучастник? Что происходило с ней и как он мог это ощущать? И какими ее мысли-упражнения виделись ему?

Сразу после двадцать пятого она ослепла. Как и вчера, на кухне. Вспышка – и тьма, как в закрытом ящике. Темнотища.

И тишина. Портнов не шевелился.

– Сядь.

Держась за стул, она обошла его и села. Скрипнуло сиденье.

– Тебе какие номера были заданы?

– Тринадцать – восемнадцать.

– Тогда какого лешего ты взялась за двадцать пятое?

Сашка сглотнула.

– Отвечай!

– Мне захотелось.

– Что?!

– Мне захотелось! – Сашка готова была дерзить и огрызаться. Будь у нее глаза – встала бы сейчас и ушла, хлопнув дверью. Но она была слепая и боялась по-глупому врезаться в дверной косяк.

– Что ты видишь? – спросил Портнов тоном ниже.

– Ничего.

– Совсем?

Сашка похлопала глазами.

– Совсем, – сказала еле слышно. – Так уже было вчера. Но почти сразу прошло.

– Сколько раз ты прошла двадцать пятое?

– Два. Вчера и сегодня.

Она услышала, как Портнов поднялся и подошел к ней. Она встала; Портнов взял ее за подбородок и резко, почти грубо вздернул лицом вверх. Блеснул свет; Сашка заморгала.

Прямо перед глазами у нее обнаружился перстень Портнова. Зеленый отблеск на камне потихоньку угасал.

Портнов снял очки. Посмотрел на Сашку – пожалуй, впервые в жизни посмотрел не поверх стекол, а прямо. Зрачки у него были крохотные, как маковые зерна. Сашка вспомнила глаза горбуна Николая Валерьевича, который однажды угощал ее в ресторане бутербродами и отбивной.

– Слушай меня, девица. Если я что-то говорю – значит, это надо делать не приблизительно, а так, как я сказал. Меньше делать нельзя. Больше тоже делать… не стоит. Если тебе *хочется* сделать больше, приди сначала ко мне и спроси. И вот еще: у тебя два экзамена на носу. Ты пропускаешь пары. Я смотрел журнал – у тебя почти столько же пропусков, как у Павленко. Ты с ней помирилась?

Сашка минуту помолчала. Последний вопрос застал ее врасплох.

– Я с ней… не ссорилась.

– Если ты убьешь кого-то, тебя посадят. Тебе исполнилось восемнадцать?

– Нет… Что значит – я убью?!

В дверь постучали. Сашкино время закончилось две минуты назад; раньше Портнов никого не задерживал на индивидуальных.

– Ждите! – крикнул Портнов раздраженно. И снова обернулся к Сашке: – У тебя зашкаливает агрессия. Это этап. Но в твоем случае – выше крыши.

– У меня?!

– Да. Подумай об этом. Все, свободна!

Сашка вышла, пропустив в аудиторию Андрея Короткова. И почти сразу столкнулась с Костей.

– Я думал, он тебя убил.

– Скажи, я агрессивная?!

Костя молчал так долго, что Сашка встревожилась еще сильнее.

– Но я ведь никогда… я наоборот…

– Ты… странная, – сказал Костя, подумав. – А… что ты делаешь завтра?

* * *

Воскресенье они провели, гуляя по городу и ничем особенным не занимаясь. Костя пригласил Сашку в кафе; они ели мороженое и смотрели на воробьев, прилетавших греться под окно, к отдушине кухонной вытяжки. Сашке все время казалось, что Костя чего-то ждет от нее. Он и смотрел выжидательно. И к каждому его слову была прилеплена маленькая пауза – как будто ему хотелось, чтобы Сашка его перебила.

Она чувствовала его ожидание и ощущала, как нарастает неловкость.

– Пойдем на почту? Мне надо домой позвонить.

Мама настойчиво выспрашивала, как у Сашки учеба. Сашка сообщила, что ее хвалят и она на курсе лучшая; мама обещала ей по случаю первой сессии «какой-нибудь подарочек». Потом говорил со своими Костя – с мамой и с бабушкой. Когда, расплатившись за переговоры, они вышли на улицу, было уже совсем темно и шел снег.

– …А разве это не свинство – курить в комнате, когда тебя просят не курить?! При чем тут какие-то обиды? Я с ней по-хорошему всегда… Понимаю, у нее личные проблемы, ее Коженников доводит так, что…

Сашка запнулась. Костя шел рядом, сунув руки в карманы, подняв плечи.

– Может, мне фамилию сменить? – спросил горько. – На материнскую?

Сашка не нашлась что ответить. Падал снег, ложась на черные ветки лип, на чугунные скамейки, на лепные карнизы и жестяные козырьки. Кое-где поднимался пар над крышами – белый на фоне черного неба. Красиво.

Они шли молча. Сашку не покидало ощущение, что Костя напряженно ждет. Как будто он зритель в партере, а Сашка только что появилась перед ним в луче прожектора и держит паузу. Но если Костя купил билет, значит, Сашка должна что-то сказать или сделать?

– Пошли в общагу, – сказала Сашка. И тут же добавила, замявшись: – Тебе упражнения разве не надо делать?

Костя круто развернулся:

– Почему ты все время только об упражнениях?

– Не все время. Я…

Она запнулась. Остановилась. Костя стоял перед ней с таким разочарованным, укоризненным лицом, что Сашка растерялась окончательно.

– Ты думаешь, я…

И снова не нашла что сказать.

– Ты разве не понимаешь, что мы…

Тогда ей стало очень обидно. Просто горло перехватило.

– В конце концов, это не мое дело! – выкрикнула она и пошла прочь очень быстро, спотыкаясь, поскальзываясь на мокрой мостовой.

Костя догнал ее и обнял.

* * *

Они целовались в подъездах. В городе Торпе было полным-полно темных, гулких, пустых подъездов. Кое-где пахло кошками, кое-где – духами или сырой штукатуркой. Кое-где ничем не пахло. Старые почтовые ящики, много раз покрашенные и оттого монументальные с виду, кадки с фикусами, чьи-то санки, коляски, разобранный детский велосипед – перед ними разворачивалась внутренняя летопись города, подъезд за подъездом, и Сашка впервые – накануне восемнадцатилетия – научилась как следует целоваться.

Раньше она считала это действие бесполезным ритуалом. Теперь, с Костей, до нее впервые дошло, какой смысл в нем сокрыт; Сашке страшно хотелось, чтобы одна из этих запертых квартир была их собственной. Чтобы войти сейчас – и долго не выходить на улицу. Чтобы жить так всегда, не размыкая рук.

На улице шел снег, и они бежали по снегу – от подъезда к подъезду. Пили кофе, согреваясь, и снова искали укромное место. Один раз их шугнул кто-то, наверное дворник; закричал прямо над ухом: «Вы что тут делаете?!» И они кинулись, как испуганные дети, прочь из подъезда, под снег. Они бежали, и хохотали, и сшибали на лету снежинки.

Наверное, это был самый счастливый вечер в Сашкиной жизни.

* * *

Ноябрь пролетел, как электричка. Начался декабрь, и в общежитии снова стало холодно. Батареи теплились едва-едва, в щелях завывал ветер.

«Верификация – эмпирическое подтверждение теоретических положений науки путем «возвращения» к наглядному уровню познания, когда идеальный характер абстракций игнорируется и они «отождествляются» с наблюдаемыми объектами. Например, идеальные геометрические объекты – точки, прямые – отождествляются с их чувственными образами…»

Многословные определения казались Сашке дракончиками, свернувшимися в комок. Надо только найти хвост, надо только осторожно начать разматывать; вопрос ведет, как ниточка, вдоль позвоночника твари. От хвоста к головам, а голов может быть много… Иногда Сашке нравилось просто понимать написанное. Иногда она разочаровывалась, и тогда ей казалось, что учебник философии – брикет с полупереваренной кем-то едой; она заучивала определения, ставшие результатом чьей-то внутренней жизни, но не могла вообразить процесс, приведший к этому результату. Она шла в библиотеку и брала книги, не востребованные десятилетиями; она училась.

Радость учебы, обострившаяся радость, в эти холодные дни серьезно конкурировала с новым увлечением – поцелуями в закоулках коридоров, за кулисами актового зала, в пустых аудиториях. Чем ближе подбиралась сессия, тем настойчивее делался Костя. Его соседи, второкурсники, целыми днями не показывались в общаге, всего-то и следовало сбежать вместе с пары и запереть дверь комнаты изнутри, но Сашка все увиливала, все оттягивала; ей неловко было вспоминать их первую попытку. И еще – ей нравилась та звенящая от напряжения ниточка, которая соединяла теперь ее и Костю. Ей хотелось, чтобы «роман в поцелуях» длился без конца.

Приближался Новый год, вторые курсы готовили вечер-капустник, город Торпа укрылся снегом и стал похож на недопроявленную фотографию. Черные деревья под белым небом, серые дома в белых намордниках балконов, размытые контуры, все зыбко и очень чисто. Сашка закончила книгу упражнений, которую дал ей Портнов, в то время как Костя едва добрался до тридцать пятого номера.

Вывесили расписание сессии. В общежитии меньше стало шума и вечерних посиделок. Сашка продолжала бегать по снегу, выпавшему за ночь, вбивать след в след и по воскресеньям звонить домой. Мама спрашивала, когда она приедет на каникулы. Сашка не знала, что ей ответить.

Первым зачетом был английский. Сашка сдала легко. Физрук Дим Димыч поставил всем зачет автоматом, и потом они целую пару играли в волейбол. Сдавая математику, пришлось потрудиться. У математички была, оказывается, длинная солидная роспись: Сашка разглядывала свою зачетку, как произведение искусства.

Последним зачетом стояла специальность, и назначена она была на второе января. «Издеваются», – мрачно прокомментировала Оксана; домовитая, как обычно, она добыла где-то сосновых веток, поставила в трехлитровую банку, задекорированную фольгой, и украсила «дождиком». Теперь, по мнению Оксаны, комната приобрела надлежащий «праздничный» вид.

Костя то веселился, носясь с хлопушками и бенгальскими огнями, то впадал в ступор над книжкой:

– Я не понимаю и никогда не смогу. У человека голова для такого не приспособлена! Это нельзя представить!

Сашка много раз пыталась ему помочь, но всякий раз оказывалось, что ее опыт никуда не годится. Она не может объяснить, что и как надо делать, чтобы перейти от тридцать пятого, например, к тридцать шестому. Никакая «верификация» тут не помогала: Сашка жестикулировала, рисовала на листе бумаги, вспоминала велосипедную цепь, паутину, картины Эшера с их пчелами, рыбами, ящерицами; Костя не понимал и от отчаяния лез целоваться.

– Дай ему, наконец, – сказала Лиза зимним вечером, когда Оксана уже лежала в постели с книгой, а Сашка пила чай, собираясь заняться новой серией упражнений. – Жалко смотреть, как ты мужика динамишь.

Сашка пятерней захватила ее светлые волосы и рванула изо всей силы. Лиза взвыла. Оксана, которая никогда ни во что не вмешивалась, глубже забралась под одеяло и оттуда смотрела, как Сашка и Лиза пытаются выцарапать одна другой глаза.

В конце концов Лиза ретировалась и пропала куда-то до утра.

* * *

Двадцать девятого в зале нарядили елку. Тридцатого после обеда в институте воцарилась праздничная суматоха. В зале спешно что-то репетировали второкурсники, в столовой двигали столы, готовя вечернюю дискотеку с буфетом. К шести часам зал был полон, и Сашка с удивлением заметила в первых рядах многих преподавателей – некоторых она видела раньше, некоторых не встречала никогда. Горбун Николай Валерьевич тоже был там, сидел рядом с Портновым и что-то весело ему рассказывал. На Портнове, против обыкновения, не было очков.

Открылся пыльный бархатный занавес, на сцену вышел Захар, сосед Кости по комнате, в длинных очках, поразительно похожих на очки Портнова. У него была странная координация движений, он малость запутался в кулисе выходя, но, утвердившись на авансцене, смело посмотрел в зал и, очень похоже уставившись поверх стекол, сообщил, что все, кто не отпразднует Новый год с первого раза, будут иметь неприятный разговор со своими кураторами. Сашка обомлела; ей это показалось слишком смелым, но второкурсник пародировал Портнова так

точно и так смешно, что уже через минуту она хохотала, и ее смех сливался с довольным ржанием зала.

Уже когда Захар уходил со сцены, свирепо оборачиваясь и грозя (он безбожно переигрывал в этот момент, но покладистый зритель все прощал), Сашка поняла, что очки на носу Захара – настоящие портновские, взятые «напрокат». Потрясенная, она хотела сказать об этом Косте, но тут на сцену вылетели девочки-второкурсницы, одетые Снегурочками, в очень коротких юбках, и грянула фонограмма.

Никогда в жизни Сашка не подумала бы, что человек, подобный Портнову, может отдать свои очки пародисту для большего эффекта. Но гораздо труднее было осознать, что в институте нашелся человек, способный обратиться к нему с такой *просьбой*.

Никогда в жизни Сашка не видела настоящего капустника, а этот был очень хорош: остроумный, в меру громкий и очень яркий. Зал визжал от смеха; грохотала музыка, и кружились цветные огни прожекторов. Сашка сидела, держа за руку Костю, и смеялась вместе с ним.

– Как думаешь, он на Захаре не отыграется? – спросила она во время короткой паузы, пока на сцене шла быстрая и несколько бестолковая перестановка.

Костя пожал плечами:

– Не знаю. Вот честно. Но я бы на месте Захара не рисковал.

Концерт закончился.

Веселящаяся толпа вывалила в коридор. Костя затащил Сашку за портьеры и, крепко навалившись, поцеловал.

Острый край подоконника впился Сашке в спину.

– Погоди, – сказала она с ноткой раздражения. – Какой ты… приставучий.

В полутьме она не видела его лица.

Держась за руки, они выбрались из-за портьеры. Внизу, в столовой, продолжался праздник. Приглашенный ансамбль играл «От улыбки хмурый день светлей» – для разогрева. В какой-то момент Сашка и Костя расстались – она отлучилась в туалет, он протолкался через толпу, чтобы поздравить отважного Захара. Такого праздника, такой суеты, такого шума и веселья Сашка не видела ни разу за свои без малого восемнадцать лет; она опьянела без вина.

В туалетах – мужском и женском – на тихую «разливали». Сашка хлебнула шампанского из пластикового стаканчика и обомлела от собственной смелости. Ансамбль выполнял заявки, музыка не умолкала ни на минуту, со столов быстро исчезали бутерброды с сыром и колбасой, хлеб, печенье, апельсиновые дольки.

Сашка искала Костю в толпе, грызла бутерброд и улыбалась.

Посреди зала танцевали. Дим Димыч выплясывал, кажется, сразу с тремя партнершами. На физруке был облегающий свитер, похожий на трико, и, глядя на его танец, Сашка поняла, что хочет, хоть на секунду, прикоснуться к этим мышцам ладонью. Дима когда-то подсаживал Сашку на бревно; она помнила это ощущение до сих пор.

Других преподавателей в столовой не было – к счастью, потому что Сашка искренне не представляла, какое может быть веселье в присутствии Портнова. Но и Кости не было видно. Захар пожинал плоды славы в центре большой компании. Вспыхивали блики фотоаппаратов. Сашка оглядывалась – в такой толпе легко пропустить человека, особенно если он сидит, привалившись спиной к стене, вот как эти ребята в углу…

Физрук тем временем заказал рок-н-ролл и прямо здесь, посреди зала, взялся проделывать трюки со всеми желающими девчонками. Некоторые визжали – от страха или от счастья; Дима перебрасывал партнерш с руки на руку, будто пальто, легко закидывал за спину и вытягивал наперед, и они скользили по паркету между его широко расставленными ногами. Девчонки вертели сальто, разинув рот от удивления, Дима подбрасывал их и ловил; толпа аплодировала. Образовалась целая очередь из потенциальных партнерш. Тех, кто шел в танец по второму кругу, оттирали с негодующими воплями.

Сашка долгую минуту боролась с собой. Ей очень хотелось станцевать с Димой. Но она стеснялась.

Рок-н-ролл не имел конца – одна вариация перетекала в другую, как упражнения из учебника. Сашка выбралась из зала, где было уже очень душно, и увидела огоньки сигарет в темном коридоре. Кто-то тихо переговаривался в темноте. При появлении Сашки голоса смолкли.

– Кого-то ищешь? – спросила Лиза.

Сашка неприятно удивилась. В последние дни они подчеркнуто друг друга не замечали.

– Не тебя.

Лиза промолчала, но праздничное настроение слетело с Сашки, как последний лист с уже голого дерева.

Не зная, куда идти, она двинулась по коридору. В каждой нише окна, за каждой занавеской кто-то обнимался, сопел и хихикал. Сашке казалось, что она идет по полутемному музею, где все статуи сошли с ума и полезли обниматься.

Она отправилась в гардероб за своей курткой. Хотя, может быть, до общежития можно было добежать и так…

Они сидели под стойкой. Женя Топорко, со своими школьными косичками, в расстегнутой блузке, и вдребезги пьяный, краснолицый Костя. Он целовал Женю, повизгивающую от смеха, а его трясущаяся рука лезла ей за пазуху.

Сашка вышла, оставив куртку на вешалке.

* * *

Новогоднюю ночь она провела, гуляя по городу Торпе. Общага гудела и ревела, в каждой комнате гремел свой магнитофон, в каждой кухне ломился стол от дешевой снеди; Сашка упросила вахтершу открыть для нее институтский гардероб, где, одна среди пустых крючков, висела Сашкина куртка.

Вахтершу она поздравила шоколадкой.

Город Торпа тоже праздновал, но снег приглушал все звуки. Мигали гирлянды в окнах, в витринах магазинов. Ждали на перекрестках такси. Пройдясь по центру, Сашка вернулась назад по улице Сакко и Ванцетти и пошла дальше, к окраине, к реке.

Река замерзла. Лед занесло снегом. Где-то били часы и вопили счастливые люди; Сашка смотрела перед собой и невольно – почти машинально – повторяла про себя упражнения из портновского сборника.

Они текли одно за другим. Спокойно. Сашка не ослепла после двадцать пятого, и рука у нее не отнялась после сорок третьего, как было в первый раз. Она помнила их все – от первого до сто двадцать пятого, последнего в книге. Она уселась на поваленное дерево, улыбнулась, закрыла глаза…

И открыла их ярким солнечным утром.

На ее голове, на плечах, на коленях лежал снег и сверкал, как перстень Портнова. Даже ярче. Сашка зажмурилась. Над замерзшей рекой, над камышами, над пригородом разлеглась абсолютная тишина.

Сашка сглотнула. Потом вскочила. Целый сугроб снега полетел на землю. Она просидела здесь всю ночь?! Она замерзла… может быть, насмерть… ну уж наверняка что-то отморозила!

Она подняла к лицу голые, без перчаток, руки. Пальцы были теплые и шевелились легко. Коснулась носа; нос был даже горячий. Не замерзли ноги в ботинках. Не замерзли уши. Сашка огляделась: она стояла посреди нетронутого снежного поля, ее ночные следы засыпало, теперь можно было поверить, что Сашка прилетела с неба.

Жалко было нарушать такое великолепие. Но она почувствовала, что очень хочет есть.

* * *

Она явилась на зачет как все – второго, в десять утра. Портнов требовал, чтобы от начала зачета и до конца весь курс находился в аудитории.

– Доброе утро, группа «А».

Портнов сдвинул на нос очки и пробежался взглядом по рядам.

– Самохина, давай зачетку.

Она подошла к его столу и своими глазами увидела, как он проставляет ей «пять» в графе «специальность».

– Зачет дифференцированный у нас, все помнят? Староста, соберите зачетки, стопочкой мне на стол.

Костя, низко склонив голову, пошел вдоль прохода. Сашка переступила с ноги на ногу.

– Самохина, вы свободны, идите… Спасибо, Коженников. Кто первый хочет сдаваться, может, есть желающие? Самохина, ты слышала, что я сказал?

Ни на кого не глядя, Сашка подобрала свою сумку и вышла из аудитории, плотно прикрыв за собой дверь.

* * *

«Вы свободны, идите». Куда? Она уже много месяцев не была свободна. Как не свободен человек под дулом автомата. Шагая по двору к крыльцу общаги, она спрашивала себя: а сможет ли она когда-нибудь, хоть в старости, вырваться из-под власти Фарита Коженникова?

Оксана в полном трансе сидела над книгами. У группы «Б» зачет был назначен на двенадцать, и, игнорируя пословицу «перед смертью не надышишься», Оксана пыталась впихнуть в себя упражнения со сто шестого по сто пятнадцатое. Сашка знала, что это невозможно. Но надеялась, что сто пять честно отработанных упражнений обеспечат Оксане хотя бы тройку.

Она легла на свою кровать и уставилась в потолок. Оставались два экзамена, по философии и истории, восьмого января и двенадцатого… Значит, на двенадцатое, вечер, можно брать билет и ехать на каникулы домой.

Раньше она не допускала этой мысли. Она боялась, если честно, об этом думать. А теперь занятий нет. Специальности нет. Можно ехать домой. Домой.

Оксана сидела над книгой, застывшими глазами глядя перед собой. Возможно, у нее что-то начало получаться; Сашка пересчитала оставшиеся деньги и, не оглядываясь, вышла из общаги.

* * *

Она вернулась к обеду, неся во внутреннем кармане плацкартный билет. Поезд стоял на станции Торпа две минуты – с ноля двадцати трех до ноля двадцати пяти, ночью, естественно. По дороге из кассы Сашка зашла на почту, и дозвонилась маме, и сказала, что тринадцатого – под старый Новый год – ее можно будет встречать на вокзале в полдень. Взрыв радости на том конце провода был наградой за долгое стояние в очереди.

Оксана вязала под импровизированной «елкой»; по улыбке, застывшей на ее лице, Сашка догадалась, что здесь-то по крайней мере все в порядке.

– Сколько тебе?

– Четыре, – Оксана не удержалась и хихикнула. – Это с похмелья, Сашка, ей-богу, на меня просветление нашло. У нас в группе пятерок вообще нет, половина четверок, половина троек… И двоек три штуки.

– Да ты что!

– Да. А у вас в группе тоже три двойки. У дуры Лизки, – Оксана вздохнула, – боюсь я за нее… Еще у Дениса Мясковского и у Коженникова… Женьке трояк. Я говорю, Коженникову его шуры-муры так не прошли… Ты что, жалеешь его? Ты?!

– И что теперь будет? – спросила Сашка после паузы.

– Пересдача тринадцатого у всех шестерых.

– А…

Сашка запнулась.

– А где Павленко? – спросила она наконец.

– Не знаю. Пришла с зачета, лица нет, тут же и свалила куда-то… Знаешь, заниматься надо было, а не жопой крутить. Вот и докрутилась.

* * *

Посреди ночи Сашка проснулась от тишины. В общежитии никогда не бывает так тихо.

Она встала. Накинула халат. Оксана спала, кровать Лизы пустовала. Сашка вышла в коридор; на часах было половина третьего. Мертво блестел линолеум под лампами.

Сашка зачем-то спустилась на первый этаж. Там, на кухне в конце коридора, кто-то был.

Она остановилась в дверях.

Костя беззвучно рыдал, стоя на коленях, зажимая себе рот подолом синей майки. На столе, среди немытой посуды, лежал скомканный клочок желтоватой бумаги – телеграмма.

Сашка стояла, уже все понимая. Но не могла поверить.

– Бабушка, – выговорил Костя сквозь слезы. – Не прощу… ни… когда… бабушка!

И, скорчившись, коснулся лбом пола.

* * *

За последние полтора года Сашка несколько раз слышала, с каким треском рвутся нитки, сшивающие привычный мир. Она думала, что привыкла.

Катастрофа, случившаяся с Костей, заново объяснила Сашке, по краю какой пропасти она ходит все эти месяцы. Из зубрежки, из пыльных книг, из бесконечных бытовых мелочей складывается лезвие бритвы, на котором Сашка балансирует… И пока удерживается. Пока.

Третьего января Костя уехал на похороны. Полгруппы провожало его на вокзал. Сашка не поехала.

Лиза не поехала тоже.

Денис Мясковский, с которым Сашка никогда не водила дружбы, сидел на скамейке посреди двора и слепо водил веточкой по снегу. В ответ на Сашкин вопросительный взгляд покачал головой:

– Ничего страшного. Могло быть хуже.

Куратором Дениса была Лилия Попова; Сашка подумала в тот вечер, что Денису повезло.

Лиза ушла куда-то вечером. На робкий вопрос, не нужна ли помощь, ответила таким взглядом, что у Сашки губы смерзлись. У Лизы были свои отношения с Фаритом Коженниковым, и Сашка малодушно не желала знать, чем именно Лиза расплатится за проваленный зачет. А сессия тем временем шла своим чередом; Сашка слышала, как один второкурсник сказал в коридоре другому:

– У малых, слышь, многие посрезались…

– Пусть скажут, что их не предупреждали, – резонно ответил его собеседник.

Сашка опять перестала спать. Ложилась в постель, смотрела в потолок, ворочалась с боку на бок, поднималась и шла на кухню пить чай. Оксана безмятежно дрыхла; Лиза сидела над сборником упражнений. Сашка представляла, как ей должно быть страшно. Потому что Портнов может не поставить зачета и во второй раз, он не смилостивится. В этом учебном заведении нет такого понятия: милость.

Vita nostra brevis est…

Сашка думала о маме. Там, далеко, есть нормальный мир и обыкновенная жизнь. Люди работают, смеются, смотрят телевизор; Сашка скоро появится там – ненадолго. На месяц. А потом ей придется возвращаться в институт, снова делать эти упражнения, и читать эти параграфы, и чувствовать на шее железный ошейник шипами внутрь. Строгий ошейник, очень строгий. Она идет туда, куда ее ведут. Она меняется, линяет изнутри, думает чужие мысли. И не может вырваться.

Весь первый курс, группы «А» и «Б», молча ушел в учебу. Костя вернулся седьмого, в Рождество, накануне экзамена по философии.

Сашка пошла отвечать первой, без подготовки. Отбарабанила Аристотеля и Канта. Преподавательница, благосклонно улыбаясь, поставила ей «пять» в зачетку.

– Пожалуйста, – сказала Сашка тихо. – Не валите Коженникова. У него горе. Бабушка умерла.

Философичка подняла на нее удивленные глаза. Ничего не сказала. Вернула зачетку.

Костя получил «три», хотя, по словам свидетелей, ни разу не раскрыл рта.

Приближалось двенадцатое число, последний экзамен и отъезд. Испуганная тишина, установившаяся на первом курсе после зачета по специальности, понемногу расслаивалась. Уже смеялись, целовались, уже носили – под полой – на кухню водку и красное вино; оценки по философии радовали, и все надеялись, что историчка тоже не будет придираться.

Костя ни с кем не разговаривал. Жени Топорко, вертящейся рядом, будто не замечал. И – Сашка понимала со все нарастающим ужасом – ничего не учил, не делал упражнения. Шел – катился под откос – ко второму провалу.

– Не жалей, – сказала Оксана. – Они с Женькой, говорят, в девятнадцатой кровать сломали, так прыгали. Пришлось ножку доской подпирать.

Сашка молчала.

– Он вашему куратору сын, как-никак. Дело родственное.

– Я заметила.

– Ну, – неуверенно протянула Оксана. – Сколько старушке-то было? Семьдесят шесть? Все-таки возраст…

Под Сашкиным взглядом Оксана замолчала, сделав вид, будто ее очень интересует содержимое кастрюльки на плите. Кажется, из всего института только Оксана умела готовить и время от времени баловала себя – и соседей – каким-нибудь особенным домашним рагу или варениками с капустой.

Сашка вышла из кухни. Спустилась на первый этаж и постучала в дверь седьмой комнаты. Ответил голос Захара:

– Входи!

Сашка вошла.

В комнате стоял неописуемый бардак. Одежда, от белья до зимних курток, грудами лежала на стульях и на полу. Столы покрыты были слоем учебников, глянцевых журналов с голыми девушками, скомканных листов бумаги, носков и грязных пластиковых тарелок. Стоял тяжелый дух застоявшегося табачного дыма, куда более густой, чем в Сашкиной спальне.

Захар сидел за книгой. Леня, третий обитатель комнаты, стоял в углу, подняв руки, и смотрел в одну точку. Не мигал. Раньше, еще в сентябре, такая картина напугала бы Сашку

до медвежьей болезни. Теперь она догадывалась, что Леня, скорее всего, просто делает серию мысленных упражнений.

Костя лежал на своей кровати лицом к стене.

– Э, – сказал Захар, поймав Сашкин взгляд. – Я ему говорю – учи, дурак, хуже будет. А он все, спекся. У нас на курсе тоже был один… сломался на первой сессии.

– Отчислили? – глухо спросила Сашка.

Захар мрачно усмехнулся:

– Отчислили… Совсем отчислили, вообще. Он башкой тронулся, да и… А ты чего пришла?

Сашка перевела взгляд на Костю.

– Захар, как ты взял очки у Портнова?

– Подошел и попросил.

– И он согласился?

– Конечно. Он сказал, это будет прикольно.

– Так и сказал?

– Ну… приблизительно. А что?

– Ничего… Что с нами будет?

Захар пощелкал выключателем настольной лампы:

– Мы с тобой окончим. Ленька тоже. Этот… ну не знаю.

– Что с нами будет, когда мы окончим институт?

Захар помолчал.

– Мы изменимся. Все изменится. Зрение, слух, весь организм перестроится. Это до третьего курса. Потом… в зимнюю сессию будет очень важный экзамен, переводной. И тогда…

– Что?

– Не знаю. Думаешь, на втором курсе нам все рассказывают? Но мне кажется, что мы вообще перестанем быть людьми.

– А кем мы станем? Роботами?

– Кажется, все по-разному. На третьем курсе, после экзамена, начинается специализация. По-моему, так.

– А зачем это все? Для чего это надо? Кому?

Леня не моргал. Происходящее в комнате его не занимало. Захар тер кончик носа и смущенно улыбался, будто ему было неловко за Сашку и ее вопросы.

– А преподаватели – они люди? – Она не сдавалась.

– Физрук – точно человек…

– Я не про физрука! Ты знаешь, про кого я!

Захар облизнул губы:

– Я точно так же все знаю, как и ты… У тебя волосы какого цвета?

– Черные, – сказала Сашка удивленно. – Ну, темно-каштановые… А…

– Да мне все кажется, что фиолетовые, – Захар утомленно прикрыл глаза. – У всех желтые, а у тебя фиолетовые. Такие цветовые пятна… Портнов говорит, это нормально, пройдет.

Сашка снова посмотрела на Костю. Он не спал. Сашка понимала, что он притворяется.

– Ты на каникулах поосторожнее, – сказал Захар. – У нас на курсе одна девка после зимней сессии приехала домой, погуляла, ну, свобода ей в голову ударила, она и сказала родителям: попала, мол, в тоталитарную секту, меня травят психоделиками, я схожу с ума, спасайте. А родители у нее крутые, положили ее в крутую клинику и давай лечить…

– И что?

– Когда Фарит ее привез через неделю, она была уже круглая сирота. Семестр проучилась, на летней сессии срезалась и спятила уже по-настоящему. Где-то в психушке сейчас.

– Врешь!

Захар прикрыл глаза:

– Слушай, я специальность-то сдал, но у меня по английскому экзамен. Ты что-то хотела Косте сказать?

Сашка перевела дыхание. Взяла со стола кружку с недопитым чаем и выплеснула лежащему на голову.

Костя вскочил. Конечно, он не спал; уставился на Сашку, как на палача:

– Ну чего тебе?! Ну чего? Дай сдохнуть спокойно! Дайте мне все спокойно сдохнуть!

– Возьми себя в руки, – сказала Сашка.

И с удивлением услышала в своем голосе интонации Портнова.

* * *

До повторного Костиного зачета оставалось три дня.

– Ты должен это сделать. Все остальное – потом.

– Я не могу. Я…

– Заткнись! Ты грязь, а не мужчина, ты слизь, баба, импотент! Ты не умеешь держать удар!

Он только ниже опустил плечи.

– Послушай, – сказала Сашка. – Если мы все это выучим… Если пройдем до конца этот курс… То, наверное, станем такими, как они. И сможем говорить с ними на равных. Тогда мы отомстим твоему отцу. Я тебе обещаю.

Костя медленно поднял глаза. Впервые Сашка заметила в них что-то кроме горя и обреченности.

– А если они нас раздавят, мы ведь не сможем отомстить. Мы слабые – сейчас. Но мы будем другими. Мы найдем, как с ними посчитаться.

– У меня не выйдет, – сказал Костя. – За три дня десять упражнений – нереально.

– Реально. Я делала и по двадцать.

– Что?!

– Книжку бери! Читай упражнение вслух!

Часы шли за часами. Сашке все чаще хотелось его ударить. Стегануть, чтобы собрался. Чтобы сосредоточился и сделал то, что готово больше чем наполовину. Она не могла видеть, что творится у него в воображении, но по взгляду, по дыханию научилась отличать удачи от киксов и сбоев.

Когда он сбился в конце длинной серии из пяти сложных упражнений, она не выдержала и ударила его по щеке. Он отшатнулся, схватился за лицо:

– Ты что?!

– Соберись! – прокричала Сашка в его красные затравленные глаза. – Соберись и сделай все сначала, или еще не так получишь!

Она с опозданием почувствовала, как горит ладонь. Удивилась сама себе: ей в жизни не случалось никого бить. Даже в шутку. А теперь она готова была схватить веник на длинной ручке, оказавшийся в углу, и бить этой палкой всерьез – избивать, причинять боль.

Под вечер он захотел спать, но Сашка не пустила. И сидела с ним всю ночь, а на рассвете, уже часов в девять, он вдруг почувствовал сам – и понял, *как* эти упражнения делаются.

Они сидели в коридоре общаги на принесенных из комнаты стульях. Вокруг что-то происходило, ходили, топали, орали, смеялись, жаловались на недосып, просили жрать; Костя в этот момент поверил, что через два дня сдаст зачет.

А Сашка только теперь поняла до конца, что за ад он носил в себе все эти дни.

* * *

– Сашенька! Ух, как хорошо, что ты позвонила! Мы завтра тебя встречаем, готовим сюрпризы, тут тебя такое ждет!

– Мама… Ты извини, я завтра не смогу приехать.

Пауза.

– Саша… Как это? Что случилось?

– Тут один мальчик пересдает зачет. Я ему помогаю.

Новая пауза.

– А что за мальчик?

– Однокурсник.

– Ну… Мы так тебя ждали… Старый Новый год…

– Я постараюсь приехать четырнадцатого, – сказала Сашка. – Я честно… раньше не могу.

* * *

По истории она получила, как ни странно, тоже пять. Притом что совсем не готовилась. Билет выпал очень удачно: Сашка слушала и конспектировала эти лекции, конспектировала добротно и теперь без труда припомнила все до мельчайшей подробности.

– Побольше бы таких студентов, – сказала сияющая историчка. А Сашка, потупив скромно глаза, попросила:

– Пожалуйста… У Коженникова горе… Он в таком состоянии… Поставьте три, я с ним позанимаюсь…

Историчка мучила Костю почти час, ничего от него не добилась, долго колебалась и поджимала губы – и все-таки поставила тройку.

Вечером того же дня первокурсники разъехались почти все. Остались несколько человек, чьи поезда шли утром, и «хвостисты».

И Сашка.

Экзамен третьего курса – тот самый очень важный, «переводной экзамен» – тоже выпал на тринадцатое. Никто не шутил по поводу несчастливого числа. Общежитие стояло полупустое и непривычно тихое.

Утром все третьекурсники собрались в зале. Лиза, Денис и Костя ждали в первой аудитории (а неудачникам из группы «Б» пересдача была назначена на час позже). Сашка бродила по коридорам; ни звука не доносилось из зала. Как будто там вовсе никого не было.

Потом вышел Портнов. Раздраженный, как показалось Сашке. Она вовремя спряталась за ногу бронзового коня; Портнов прошел в первую аудиторию, Сашка слышала, как он сухо сказал: «Приготовились, Павленко первая».

Сашка закусила губу.

Прошло пять минут. Десять. Пятнадцать.

Потом из аудитории пробкой выскочила Лиза. Бледная, как известка. Сашка испугалась.

Лиза увидела ее. Сглотнула.

– Ну что? – спросила Сашка, не удержавшись.

– Сдала, – сказала Лиза шепотом.

И, порывисто обняв Сашку за шею, разрыдалась.

Это было неожиданно и даже как-то больно: Лизины часы, зацепившись за Сашкину прядь, дернули за волосы довольно ощутимо. Это было странно; у Сашки еще никто не рыдал на груди. Она только читала об этом в романах. Ее белый свитер стал мокрым от Лизиных слез и соплей; неуверенно, смущаясь, Сашка погладила ее по спине.

– Ну… молодец. Все хорошо.

Лиза отстранилась и, вытирая лицо рукавом, побежала в женский туалет – по дороге она то спотыкалась, то пыталась танцевать рок-н-ролл. Она справилась сама, подумала Сашка. Не знаю, что сделал с ней Фарит, но поблажкой здесь точно не пахнет.

Вторым вышел Денис. В отличие от Лизы, он был не белый, а красный.

– Как ты?!

– Три, – Денис не верил себе. – Елки-палки… Это же…

– А Костя?

– Сдает, – Денис уже думал о другом. – Сашка, я напьюсь сегодня до поросячьего визга. Уйду в город… Напьюсь в подворотне и буду валяться в канаве.

И он улыбнулся, как Золушка при мысли о королевском бале.

Денис тоже ушел. Экзамен третьекурсников все еще длился, в зале – и в институте – стояла тишина. Сашка, потеряв самообладание, мерила шагами коридор.

Снаружи вышло солнце. Загорелся стеклянный купол над статуей. Огромный всадник выплыл из темноты, будто выхваченный прожектором. Кто это? Почему он здесь стоит? Сашка бродила и бродила, слушая звук своих шагов. Время шло. Костя не показывался.

Наконец распахнулась дверь; Сашка кинулась вперед и почти налетела на Портнова. Это он выходил из первой аудитории – очки на носу, светлый «хвост» переброшен через плечо.

– Самохина…

Сашка отступила. Портнов окинул ее взглядом с головы до ног: они не виделись с того самого момента, как он поставил ей «пять» в зачетку.

– Ну, я поставил ему зачет… – Портнов неопределенно кивнул куда-то через плечо. – Поставил, хотя… Ну-ка, идем со мной.

Он зашагал к стеклянной будке вахтерши. Сашка заглянула в аудиторию и успела увидеть Костю, потного, измученного, но не сломленного.

– Сдал?

Он кивнул ей, как будто сам себе не веря. Портнов взял у вахтерши ключи и коротко расписался в журнале.

– Самохина, в тридцать восьмую.

Он шел по коридору, позванивая ключами в опущенной руке. А Сашка шла за ним, будто на поводу.

– Ты его била?

Ключ повернулся в замке.

– Нет… То есть да. Так вышло, что…

– Понимаю. Заходи.

Она вошла. Перевернутые стулья задирали ножки к потолку, лежа сиденьями вниз на единственном в комнате столе. Портнов перевернул их один за другим.

– Иди сюда.

Сашке в глаза ударил ярко-зеленый луч, преломившийся в розовом камне перстня. Она пошатнулась. Портнов крепко взял ее за локоть.

– Когда у тебя поезд?

– Я не знаю. Я сдала билет на сегодня, и…

– Понятно. Билетов в кассе нет, можешь не уехать.

Сашка сглотнула. Портнов вытащил пачку сигарет и зажигалку. Закурил и тут же потушил сигарету:

– Извини. Я забыл, что ты не куришь.

Сашка удивилась. Портнов был первым в институте, кто обратил внимание на такую мелочь. Притом что ему явно очень хотелось курить.

– Мне все равно, – сказала она. – Я привыкла. Курите, пожалуйста.

Он спрятал сигареты. Сел. Жестом велел садиться ей. Сашка опустилась на кончик стула:

– У Кости… у Коженникова из-за вас умерла бабушка.

– Из-за меня?

– Из-за того, что вы ему не поставили зачет.

– Я не поставил, потому что он не был готов. Остальное – дела Фарита.

– А Фарит что, машина, исполняющая приговоры? Гильотина?

– Спроси у него сама, – Портнов вяло улыбнулся. – За что ты била этого лентяя?

Сашка опустила глаза:

– Он не хотел… не мог сосредоточиться.

– Фарит делает то же самое. На своем уровне.

Сашка сжала руки на коленях.

– Зачем вы с нами это делаете? За что? Мы особенные, мы в чем-то провинились?

Портнов пощелкал зажигалкой.

– Нет. Вы не провинились. Но вы должны учиться, учиться прилежно, а вы не хотите.

– Потому что нам не объяснили, чему нас учат и зачем.

– Потому что вы все равно не сможете этого понять. Рано.

Сашка смотрела, как зажигалка в его руке то выпускает желтый язычок, то втягивает его обратно.

– Когда ребенка учат рисовать кружочки – он понимает, что такое мелкая моторика руки? Когда сельский мальчик приходит в школу-интернат – он что, многое понимает в происходящем?

– Многое! Он главное понимает! Настоящий педагог сумеет заинтересовать… объяснить…

Портнов хмыкнул.

– Что такое верификация, Самохина?

– Эмпирическое подтверждение теоретических положений путем возвращения к наглядному уровню познания, когда идеальные абстракции отождествляются с наблюдаемыми объектами, – удивленно сообщила Сашка.

Портнов кивнул:

– Ваша учеба – наблюдаемый объект. Вернее, наблюдаемый процесс. А то, что происходит с вами на самом деле, вы на данном уровне развития ни понять, ни осознать не в состоянии. Все равно как собрать в джунглях молодых шимпанзе, собрать вместе и в результате некоего процесса запустить их преобразование… нет, не в людей. В модели мировых процессов и явлений всех уровней. Инфляцию, глобализацию, ксенофобию… Тебе понятно, как из обезьяны сделать модель биржевого кризиса?

Сашка молчала.

– Вот такая верификация, – Портнов ухмыльнулся. – А ты хорошая девочка, Саша, и ты балансируешь на грани… На самом краю. Я не хочу тебя потерять.

Сашка смотрела в его неподвижные глаза с узенькими зрачками.

– Слушай меня внимательно. Завтра ты уедешь домой, уж не знаю как там с билетами, но будем надеяться, что тебе повезет. Все время каникул – до четырнадцатого февраля – я запрещаю тебе прикасаться к книгам по специальности. Поняла?

Сашка кивнула, не опуская взгляда.

– Очень внимательно следи за собой. Пресекай вспышки раздражения. Агрессии. Я знаю, тебе непривычно, но ты сейчас очень опасна для окружающих. Особенно для тех, кто знал тебя раньше и помнит как тихую, покладистую девочку.

– Я не могу быть опасна, – сказала Сашка.

– Закрой рот, когда я говорю… Избегай больших толп. Нервных потрясений. Заранее возьми обратный билет. Четырнадцатого я хочу тебя видеть на занятиях без опозданий. И вот еще: никаких откровений с матерью. Я говорю это потому, что желаю тебе добра.

– Я заметила, – сказала Сашка глухо.

Портнов улыбнулся:

– Свободна. Иди.

* * *

Костя встретил ее в темном коридоре и обнял, чуть не сломав ребра.

Она потерпела минутку из вежливости, потом отстранилась.

– Сашка…

– Я тебя поздравляю, – сказала она официальным тоном, – и желаю дальнейших успехов в учебе. Извини, мне надо собираться, я еду домой.

И, оставив его за спиной, вернулась в общежитие. Странное дело – на душе у нее было легко.

Оксана уехала еще вчера. Лизы не было. Сашка побросала в чемодан все подряд, не смогла закрыть крышку, половину вещей вернула в шкаф. За окнами быстро темнело. Сашка посмотрела на часы: половина седьмого. Поезд приходит на станцию в одиннадцать двадцать три, но билета-то нет, и что делать, Сашка представляла себе с трудом.

Идти на вокзал? Или все-таки сначала в кассу?

Отдуваясь, она вытащила чемодан из комнаты. В одиночку спустилась вниз по лестнице. Промелькнуло воспоминание: они с Костей, новички, впервые переступившие порог общаги, лестница, чемодан…

За столиком дежурной, как всегда, никого не было. Сашка повесила ключ на крючок с номером «двадцать один».

Снова шел снег. По узкому переулку Сашка выбралась на улицу Сакко и Ванцетти и оглянулась в поисках такси.

Такси не было. И не бывало здесь никогда. Сашке предстоит идти по заснеженным улицам, волоча за собой чемодан, до центральной площади, а там ждать автобуса. Ну и ничего: время-то есть…

– Александра!

Она узнала голос и обмерла.

– Саша, а я вас жду…

Она не желала оборачиваться. Просто стояла, вцепившись в ручку чемодана. Потом чемодан взяли у нее из рук.

– Я вас жду с машиной. Подвезу на вокзал. Поехали?

– А я не сяду в вашу машину, – сказала Сашка, чувствуя, как снова увлажняются давно сухие глаза. – Пожалуйста, уйдите.

Медленно падал снег. Горел фонарь.

– Должок, – сказал Фарит Коженников совсем другим, деловым голосом. – Монеты.

Сашка вспомнила, что оставила кулек с монетами в общаге, в комнате, под матрасом.

– Они… там.

– Ступайте и принесите.

Она наконец-то на него посмотрела. В его черных очках отражались снежинки.

– Сейчас.

Она бегом вернулась в общагу. Сорвала ключ с крючка. Поднялась к себе, нашла кулек, заперла комнату. Вернулась на улицу; Коженников ждал ее, поставив чемодан на мостовую.

– Вот.

Он взвесил пакет в руке:

– Тридцать семь… Напряженная внутренняя жизнь, Александра.

Она сдержалась и ничего не ответила.

– Саша, я могу вам взять билет, даже если их нет в кассе. И подвезу прямо к вагону.

– Мне не надо. До свидания.

Она пошла по улице, не оглядываясь, волоча за собой чемодан. Тот становился все тяжелее, цеплялся колесиками за булыжники, норовил перевернуться. Вслед за Сашкой, не отставая и не обгоняя, ползла машина – она не знала какая. Только слышала мягкий звук крадущегося по снегу автомобиля.

Тяжело дыша, она наконец-то увидела впереди огни центральной площади. Автобус должен был прийти через полчаса, на остановке поджидала довольно плотная толпа. Машина Коженникова – молочно-белый «Ниссан» – остановилась поодаль.

Сашка купила билет на автобус и встала в очередь. Снег перестал. Ветер разогнал тучи и вытянул из-под Сашкиной куртки остатки тепла.

Автобус опаздывал. Когда приехал, маленький, медленный, – оказалось, что всем в нем места не найдется. Началась ругань. Водитель пообещал быстро вернуться и сделать еще один рейс.

Сашка продрогла до костей. Был старый Новый год. На небе высыпали звезды. Коженников стоял рядом со своей машиной. Не уезжал. Ждал, сунув руки в карманы пальто, и смотрел вверх, на небо.

Во второй раз автобус приехал в начале одиннадцатого. Сашка, задыхаясь от натуги, втащила чемодан в узенькие двери и поставила рядом с чьим-то узлом; закричали на этот раз на нее – она кому-то наступила на ногу. Стараясь ни на что не обращать внимания, она пристроилась рядом с чемоданом и облегченно вздохнула, когда огни Торпы поползли назад. До поезда еще больше часа, она успевает. Не может быть, чтобы в кассе перед отходом не нашлось завалященького билета…

Автобус буксовал и увязал в сугробах. Всем пассажирам, кроме совсем уж немощных старух, приходилось его выталкивать; двигатель ревел, из выхлопной трубы валил дым, из-под колес летел снег. У Сашки замерзли пальцы на ногах; поначалу она нервничала, потом злилась, потом ей стало все равно.

Автобус прибыл на станцию за четыре минуты до прихода поезда. Те, у кого были билеты, кинулись на перрон. Сашка побежала в кассу; окошко было закрыто, висела табличка: «Билетов нет».

Сашка села на деревянное сиденье. Снова пришло воспоминание, как они с Костей коротали тут утро, как ели бутерброды, как нашли записку: «Уезжай сейчас»…

В помещение вокзала вошел Коженников. Остановился у запертой кассы. Сашка на него не смотрела.

Она слышала, как прикатил поезд, но даже не попыталась подняться. Забегали люди. Лязгнули буфера. И почти сразу снова лязгнули; поезд покатился, набирая скорость, загудел – и уехал.

Коженников подошел и сел рядом.

– Слушай, я уважаю твой выбор… Но через полчаса поезд делает остановку в Гальцах, туда на машине пятнадцать минут. Подвезти тебя?

Сашка повернула голову:

– Чего вам от меня надо?

– Я хочу тебе помочь. Я за тебя отвечаю.

– А перед кем вы будете отвечать за Костю, за… это? За все?

– Ну уж перед кое-кем отвечу, – отозвался он без улыбки. – Пойдем.

И взял ее чемодан.

Она слишком устала и замерзла, чтобы сопротивляться. Он положил ее чемодан в багажник белой машины, открыл дверцу. Сашка вошла в тепло; дверь мягко чмокнула, захлопываясь.

Коженников сел рядом. Снял перчатки. Вытащил термос:

– Возьми. Выпей. Это чай с коньяком.

Прогрохотал товарный. Сашка сделала глоток и обожгла губы. Перевела дыхание – и снова отхлебнула.

– Возьми мою визитку. На всякий случай.

Он положил ей на колени визитную карточку – бумажный прямоугольник с телефоном, но без имени.

– Пристегнись.

Машина выбралась на дорогу и сразу набрала скорость – Сашка, покосившись, увидела стрелку спидометра на отметке «сто тридцать». Коженников смотрел вперед; по обеим сторонам шоссе несся лес. Длинные лучи фар прыгали, ныряли и взлетали на неровностях дороги.

Она сунула его визитку в карман куртки.

– Вы человек?

– Давай разбираться с терминологией. Что такое человек? Двуногое, лишенное перьев…

– Я серьезно.

– Так и я не шучу.

Сашка замолчала.

– Слушай, Саша. Я тебе очень благодарен за то, что ты сделала для моего сына. Ты его вытащила за уши… Спасла… от очень нехороших вещей. Ты мужественный человек, девочка.

– И это вы мне говорите? *Вы?!*

Он не отрывал взгляда от дороги.

Через десять минут они вылетели на крохотную, с трех сторон зажатую лесом станцию. Еще через пятнадцать минут пришел поезд; Коженников переговорил с проводницей, что-то сунул ей в руку, кивнул Сашке:

– Счастливого пути.

И поднял ее чемодан в тамбур.

* * *

Вагон оказался купейным. Проводница, не говоря ни слова, устроила Сашку на верхней полке в служебном купе. Сашка взобралась наверх и заснула, как была, в джинсах и свитере, а когда проснулась – за окнами сверкал снег под солнцем и было почти одиннадцать утра.

Поезд прибыл без опоздания. Сашка увидела на перроне маму и Валентина, беспокойно вертевших головами. Через несколько минут мама схватила ее в охапку, обняла изо всех сил, потом отстранилась:

– Ого! Что с тобой?

– А что? – удивилась Сашка.

– Ты вроде выросла… Сантиметров на пять, ничего себе!

Поймали такси и с почестями повезли студентку домой. Мама говорила и смеялась, и все вокруг узнавали, что Сашка на «отлично» сдала первую сессию. Таксист об этом знал, и соседи, встретившиеся в лифте, об этом узнали, и все мамины подруги, звонившие в тот день, узнавали новость немедленно. Сашка подумала, что мама тоже изменилась: стала веселее и легче, счастливее… глупее? Она отогнала от себя эту мысль.

Мамина рука совсем зажила, гипс сняли. В квартире пахло не так, как раньше, – в привычную атмосферу вклинился запах Валентина, обосновавшегося здесь давно и прочно. Теперь это и его квартира, подумала Сашка не без грусти.

В ее комнате все было по-прежнему. Те же коврики, те же книги на полках. Новый календарь на гвозде, на картинке – заснеженные ели, январь… Сашке трудно было поверить, что это ее комната, ее квартира, ее ванная и туалет, и не надо стоять в очереди, чтобы принять душ, и не надо брать с собой туалетную бумагу: там своя висит, на ролике, нежно-лимонная, олицетворяющая комфорт…

Неужели еще вчера в это время они стояли в пустынном холле под брюхом бронзовой лошади, она, Костя, Лиза, Денис?

Неужели это Фарит подвозил ее вчера к поезду? «Я тебе очень благодарен…»

Неужели все, что случилось с ней, – правда?

Сашка улеглась на свой диванчик. И вот это ощущение – верного жесткого диванчика, а не «сиротской» кровати с панцирной сеткой – окончательно уверило ее, что она дома.

* * *

Вечером был большой прием гостей. Был торт, специально заказанный в кондитерском салоне. Были поздравления от маминых подруг; Валентин, немного располневший за полгода семейной жизни, хозяйничал на кухне, вызывая восторг у собравшихся женщин.

Сашка улыбалась, кивала, иногда что-то говорила. Гости поглядывали на нее сперва с любопытством, потом с удивлением, потом с беспокойством. Мама отчего-то начала нервничать. Сашка извинилась и ушла к себе, легла, уснула и не слышала, как разошлись гости.

– Сань, ты себя хорошо чувствуешь? – спросила утром мама.

– Ну да. А что?

– У тебя привычка дурацкая появилась, ты замираешь на полуслове и смотришь в одну точку. Что еще за новости?

– Не знаю, – сказала Сашка искренне. – Может, задумываюсь?

Мама вздохнула.

* * *

Она действительно выросла за четыре месяца на четыре сантиметра. Отметки на дверном косяке не давали ошибиться: Сашка перестала расти еще в девятом классе, набрав нормальный человеческий рост: метр шестьдесят шесть. А теперь в ней было метр семьдесят. Маму это удивляло и радовало.

– Вы что там, физкультурой как-то особенно занимаетесь?

– Да, конечно! Физрук у нас классный!

Мама желала все знать про институт, про условия, про преподавателей; Сашка рассказывала только правду, тщательно отделяя то, что может быть рассказано, от того, что следует утаить. Дим Димыч давал прекрасный материал для обсуждения: его доброта, его молодость, его умение танцевать классический рок-н-ролл.

– Наверное, девчонки все в него повлюблялись?

– Есть немного, – Сашка краснела, внутренне оставаясь совсем спокойной. Просто в этот момент надо покраснеть, подсказала ей интуиция.

Хорошей темой для рассказа служили историчка и преподавательница философии. Сашка хвастала, какая домовитая девочка живет с ней в одной комнате, как они здорово заклеили окна, и теперь в комнате совсем не холодно. Отопление? Бывали перебои, но ненадолго. Выпивка?! Что ты, мама, там такой строгий сухой закон в общаге, комендантша ходит и следит…

– А как все-таки с переводом? – однажды вмешался Валентин.

– С каким переводом?

– Ты ведь хотела из Торпы этой перевестись. Помнишь?

– Да, – Сашка на секунду растерялась. – Честно говоря… Там хороший институт, преподаватели классные, ребята… Может, не надо переводиться?

Мама и Валентин переглянулись.

– Ну представь, Саня, – мягко сказала мама. – Придешь ты устраиваться на работу. Тебя тут же спросят: что за институт вы заканчивали? И выяснится, что у тебя диплом никому не ведомого провинциального вуза из мелкого городишки, о котором никто слыхом не слыхивал…

– Я подумаю, – сказала Сашка поспешно. – Но если переводиться – не после первого же семестра, верно?

– Но почву готовить надо, – наставительно сказал Валентин.

И Сашка кивнула, чтобы поскорее закончить этот разговор.

* * *

Через несколько дней она поняла, что скучает.

Это было невозможно, но это было так. Сашка скучала по общаге, по однокурсникам. Занятия по специальности, параграфы и упражнения, привычные усилия и крохотные достижения, обыкновенная черновая работа всякого, кто желает учиться, – все это, как оказалось, составляло смысл Сашкиной жизни. А здесь, дома, в тепле и удобстве, смысла не было. Проснешься ты в десять утра или в двенадцать, будешь ли смотреть телевизор, пойдешь ли прогуляться в парк, или в театр, или на концерт – не имеет значения; смысла-то нет, день прожит зря, и еще один день, и неделя. Сашка кисла, глядела в потолок, медленно и верно сползая в настоящую депрессию.

– Сань, ну что ты сидишь взаперти? Пойди погуляй. Позвони кому-нибудь. Что там твои одноклассники? Кто куда поступил? Неужели тебе не интересно?!

За неделю до окончания каникул Сашка отправилась в парк. В тот самый, много раз измеренный шагами, поросший знакомыми кустиками; этой зимой парк преобразился: там устроили каток, увешали деревья фонариками и гирляндами, а в пустовавшем много лет сарайчике открыли прокат коньков.

Сашка не каталась с седьмого класса. Встала на лед, двинулась вперед, расставив руки, готовясь быть неуклюжей и медленной. Ничего подобного: уже через секунду она чувствовала лезвия тупых прокатных коньков, как продолжение собственного тела, а неровный, покрытый выбоинами лед казался удобным и привычным.

Она сделала круг. Перестала думать, просто двигалась. Летела, воображая поверхность льда заснеженной землей далеко внизу. Мерцали фонарики в голых ветвях, цветными искрами переливался снег. Сашка катила, ничего вокруг не замечая, немножко удивляясь, но больше радуясь; прошло часа два, прежде чем она устала и огляделась в поисках скамейки.

Они сидели у самого льда. Довольно большая компания: четверо парней и столько же девчонок, а в центре восседал Иван Конев, студент юрфака, обладатель кудрявой мягкой бороды.

– Привет, Конь.

– Привет, Саня. Классно катаешься… Пацаны, подвиньтесь там!

И Сашка села рядом с ними.

* * *

Все они были студентами самых престижных факультетов, кроме разве что одной девочки-школьницы, чьей-то сестры. Но и ей, разумеется, светило в будущем что-то экономи-

чески-международное с юридическим уклоном. Сашку расспрашивали с сочувствием: что там, в городе Торпе? Соленые огурцы есть в магазинах? А клопы в общаге водятся?

– Только тараканы, – успокоила Сашка.

– Вань! Там так круто! Может, ты в Торпу переведешься?

Девочка, задававшая вопрос, была маменькина дочка в нежно-розовой дорогущей дубленке. Она никак не могла понять, зачем они тратят вечер на дурацком катке, когда нормальные люди давно сидят по приличным клубам. Сашка ее ужасно раздражала: кажется, девочка имела виды на Ваню Конева. У нее то и дело звонил мобильный телефон – будто напоказ.

– Может, и переведусь, – сказал Конев. – А что?

Сашка переобулась и сдала коньки в прокат.

– Ты выросла, – сказал Иван, оглядывая ее с головы до ног. – Мне не показалось.

Вместе они завалились в какое-то кафе, пили пиво, и Сашка себя чувствовала на удивление комфортно. Два или три раза ей удалось пошутить так, что хохотали все, даже девочка с мобильным телефоном. Было уже около полуночи, когда компания рассосалась, разъехалась на такси, и только Ваня Конев пошел провожать Сашку.

– Слушай, Самохина, ты так изменилась…

– Как? Мне самой интересно, честное слово.

– Да вот, – Иван развел руками. – Я на тебя смотрю, и мне кажется, что я никогда с тобой не был знаком. А мы с первого класса…

– Да, – сказала Сашка. – Но, говорят, это бывает. Люди взрослеют, знаешь ли.

– Может, мне в самом деле перевестись в Торпу?

Сашка сдержалась.

– У тебя изменилось лицо, – продолжал Конев. – Глаза… странные. Зрачки… слушай, ты наркотиками не балуешься?

– Нет, – сказала Сашка удивленно.

– А как будет называться твоя профессия?

– Это решится на третьем курсе, – сказала Сашка, помолчав. – Переводной экзамен… специализация.

– Ага, – сказал Конев, и было совершенно очевидно, что он ничего не понял. – А вот… когда ты смотришь в одну точку – что ты там видишь?

– Я?

– Ну вот только что. Я уже думал, ты про меня забыла…

– Я?!

– Слушай, ты там, у себя в Торпе, встречаешься с кем-то?

Сашка замедлила шаг.

– Нет. Был один парень, но… короче, теперь уже нет.

– Ага, – снова сказал Конев. – Ну, если серьезно, ты ведь переведешься? В нормальный институт, и поближе к дому?

– Серьезно? Нет.

Они остановились в полутемном дворе Сашкиного дома. Светились окна, тускло горел единственный фонарь, по дорожке от подземного перехода шел человек в меховой шапке, с портфелем под мышкой. Припозднился с работы, что ли?

– Я через неделю уезжаю, – сказала Сашка шепотом.

– Жалко. Хоть адрес оставь.

– Город Торпа, улица Сакко и Ванцетти, двенадцать-а, комната двадцать один. Самохиной Александре. Пиши, если…

Из темноты за спиной прохожего вынырнули трое. Человек с портфелем не успел даже обернуться; его ударили по голове, и он упал. Покатилась шапка, ее тут же подхватили.

Иван вцепился Сашке в руку. Трое, повалив четвертого, не торопились убегать с добычей: они били упавшего, пинали ногами в живот, в лицо, топтали…

Будто лопнуло стекло. Будто ударило в лицо множеством осколков. Сашка вырвалась из судорожных объятий Конева.

– Стой! Стоять, гады!

Она вспомнила слова Портнова, но ничего не смогла сделать. Ненависть к тварям, избивающим сейчас беззащитного, была сильнее любых предостережений.

Они оставили жертву и обернулись. Увидев бегущую девчонку, удивились, один, кажется, даже растянул рот в ухмылке…

На белый снег, искрящийся синим под светом далеких фонарей, тоненькой струйкой брызнула кровь. И сразу – потоком, фонтаном. Размазались перед глазами звезды в прорехах туч; резанул мороз, как наждачная бумага. Сашка увидела себя сидящей в сугробе, рядом лежали неподвижно три человека, четвертый полз, хрипя, прочь, к дороге.

Очень болели руки. Ладони. Обе. Сашка посмотрела на них; указательные пальцы были в липкой пленочке крови, как в темных напальчниках.

Она огляделась, ища кого-то. Тут только что кто-то был; тишина, темнота, прокатила машина по дороге, не остановилась…

Сашка опустила руки в снег.

Рядом, в переходе, помещался телефон-автомат. «Скорую» вызывают бесплатно. «Ноль-три».

* * *

Утром мама, собираясь на работу, напевала и резала хлеб. Сашка пришла из своей комнаты, и слова рвались из нее, подступали к горлу.

«Мама, – хотела она сказать, – не отпускай меня в Торпу. Я не поеду туда. Они что-то делают со мной, я не знаю что. Я не могу туда ехать, я боюсь!»

– Доброе утро, Сашхен, – мама улыбнулась и заложила за ухо прядь, упавшую на глаза. – Яичницу будешь? С колбаской?

Сашка увидела ее лицо, мягко подсвеченное утренним солнцем. Мама была жива, здорова и счастлива. За стенкой шумела вода – Валентин принимал душ.

– Угу, – промычала Сашка, не размыкая губ.

Вернулась к себе в комнату, закрыла дверь. Упала на четвереньки. Ее стошнило; несказанные слова раскатились по комнате золотыми, выпачканными слизью монетами.

* * *

– Девушка! Вставайте!

– А?

Темнота. Покачивание вагона.

– Девушка, Торпа через пятнадцать минут! Вставайте, у вас билет до Торпы!

Спали люди под пыльными железнодорожными одеялами. Окна запотели, кое-где покрылись изморозью. По обе стороны вагона проплывал снег, снег; где-то на столе звенела ложка в пустом стакане.

– Я хочу, чтобы это был сон, – пробормотала Сашка.

Но ничего не изменилось.

Часть II

В конце апреля затяжная холодная весна вдруг сменилась почти летним теплом. Однажды утром, в половине пятого, Сашка проснулась с твердым желанием вымыть окно.

Уже просыпались птицы. Уже разошлись облака. Сашка села на постели; с тех пор как третий курс сдал свой «переводной» экзамен и отбыл на «другую базу», в общежитии стало просторнее. Лиза нашла наконец-то для себя квартиру и жила теперь в городе, в переулке между Сакко и Ванцетти и улицей Труда. Оксана перебралась к подружке из группы «Б», и Сашка, вот роскошь-то, получила в свое распоряжение всю двадцать первую комнату.

Она нащупала ногами тапочки. Подумала: «Вот тапочки, в них не холодно». Встала. Постояла, примериваясь к изменчивому вектору тяготения. Подошла к окну.

Последние недели ей хотелось изобразить на стекле свое отражение. Она рисовала по вечерам, когда снаружи было темно, а в комнате горел свет. Сашка рисовала отражение гуашью. Каждый день получалось по-новому. Утренний свет тщетно пытался пробиться сквозь ее рисунок; гуашь была непрозрачная и ложилась густым слоем.

«Надо набрать воды, – подумала Сашка. – Окна моют водой».

Она подошла к двери. Проемы имели скверную привычку выскальзывать, как маринованный гриб из-под вилки. Поэтому Сашка сперва нащупала дверь руками, обозначила препятствие справа и слева, а потом только вышла.

Тускло поблескивал линолеум. Далекое окно отражалось в стене, выкрашенной масляной краской. «Как красиво», – подумала Сашка.

И пошла по коридору, на всякий случай ведя рукой по стене.

Жестяное ведро стояло где обычно – под раковиной. Сашка набрала воды в трехлитровую банку, перелила в ведро. И опять. И еще раз. «Девять литров воды». Взяла ведро за тонкую ручку и понесла в комнату.

Дверь за время ее отсутствия успела отползти на полметра. Сашка ударилась лбом о косяк и немножко расплескала воду. «Ничего. Теперь я пройду».

Тряпки – обрывки старых наволочек – были спрятаны в щель за батареей. Отопление выключили две недели назад. Сашка оборвала бумажные ленты, вытащила из щелей желтый поролон, намочила тряпку и, роняя капли, провела по гуашевому рисунку: сверху вниз и слева направо. У ее нарисованного отражения были почему-то голубые глаза.

Глаза. Надо видеть. В последнее время она могла думать только о том, что видно глазами. Строчки в учебнике тоже были видны; Сашка читала, стараясь не шевелить губами, и страницы под ее взглядом меняли цвет. Краснота ползла от корешка, заливала страницу будто клюквенным соком, а потом страница медленно выцветала, делалась желтой и дальше – изумрудной. Читая, Сашка не думала вовсе.

Гуашь размазывалась. Сашка водила рукой из стороны в сторону, иногда опускала тряпку в ведро, но не выжимала; ее тело казалось расслабленным, размытым, как эта краска. Будто она, Сашка, – лужица горячего воска. Пространства вокруг сжимались и вытягивались, время обламывало стрелки часов и путалось в недрах электронного будильника. Время никому не служило и ни перед кем не отчитывалось. Только что было половина пятого – и вот уже восемь, пора собираться в институт.

Сашка бросила тряпку в ведро. Посмотрела на небо сквозь все еще мутное стекло. Открыла раму; снаружи было прохладно и пахло сиренью.

«Собираться в институт».

Она перевела взгляд на приоткрытую дверцу шкафа. «Шкаф для одежды». Надеть одежду. Джинсы… Взять книги. Тетради. Пора на занятия. Первая пара – философия.

Она двигалась в общей толпе первокурсников, здороваясь, кивая, даже улыбаясь. «Это люди. Надо говорить». Она усаживалась на привычное место и раскрывала конспект. Она слушала с неподвижным лицом череду непонятных слов, смеялась, если вдруг смеялись все. И писала что-то на тетрадном листке – записывала слова за словами.

Выходить из аудитории всегда старалась последней – чтобы придержать дверь. Медленно. Постепенно. Вторая пара – пустая; нет занятий. Надо идти и читать учебник.

Придерживаясь рукой за стену, она шла в читальный зал. Поздоровавшись со стулом библиотекарши, усаживалась у окна и раскрывала текстовой модуль на том месте, где вместо закладки лежала открытка ко дню рождения – от мамы. На открытке была нарисована овца с букетом колокольчиков.

Она не случайно выбрала эту закладку. Здравый смысл подсказал ей, что ее день рождения для мамы важен; она позвонила домой и, разговаривая, держала открытку перед глазами. От мамы остался только голос; Сашка не видела ее и не могла представить, поэтому говорила с овцой. Овца улыбалась; Сашка понимала, что надо быть радостной, и улыбалась тоже.

С тех пор открытка напоминала ей о чем-то, чего она не могла представить. Это овца; она радуется. У меня был день рождения. Мне восемнадцать лет. Я должна прочитать параграфы семнадцать и восемнадцать.

«Он не спал всю ночь. Он сорвал этот цветок, потому что видел в таком поступке подвиг, который он был обязан сделать…»

Тянулись гусеницы бессмысленных буквенных сочетаний. Цеплялись друг за друга железными крючочками. Это было похоже на плавание в мутной воде: Сашка не видела ничего, только слышала скрежет собственных перемолотых мыслей. Потом вдруг выныривала на поверхность, и перед ней – на мгновение – открывались далекие смыслы.

«При первом взгляде сквозь стеклянную дверь алые лепестки привлекли его внимание, и ему показалось, что он с этой минуты вполне постиг, что именно должен он совершить на земле…»

– Самохина, иди пообедай. Через пятнадцать минут столовая закрывается.

«В этот яркий красный цветок собралось все зло мира… все зло; он впитал в себя всю невинно пролитую кровь (оттого он и был так красен), все слезы, всю желчь человечества…»

Смыслы обрывались, дальше была только мутная вода. Сашка дочитывала параграф до конца. Клала на страницу закладку; улыбка овцы что-то напоминала ей, трудно было понять, что именно. Сашка закрывала учебник, прятала его в сумку, нащупывала дверной проем (в библиотеке были особенно подвижные и скользкие двери). Выходила; коридор представлялся ей то очень темным, то залитым ярким светом, так что была видна каждая паркетина, каждая трещина, каждый окурок на дне железной урны.

«Я иду по коридору. Столовая там. Мне надо поесть. Вот мой талон».

«…Что именно он должен совершить на земле…»

Мир вокруг нее ежесекундно менялся. Напрягались одни связи и разрушались другие. Это было похоже на быстрые судороги; иногда Сашка замирала, чувствуя, как внутри будто натягивается нитка, перекраивая и разрезая, обмякая и снова подергиваясь. Иногда она видела себя снаружи – маленькое озеро, будто от растаявшего мороженого, и в кофейного цвета жиже плавает едкий комочек – страх. Сашке не нравилось смотреть на свой страх со стороны. Он был как полупереваренная котлета.

Но она не боялась. Потому что не видела ничего, что могло напугать, а думать могла только о том, что видела. Время растягивалось и сжималось, пока наконец не наступила летняя сессия.

* * *

– Самохина, что ты думаешь по поводу летней практики?

Очень яркое солнце било в окно тридцать восьмой аудитории. Почти такое же яркое, как отраженный луч на розовом камне перстня.

– Ничего.

Это было правдой. Тонкая ниточка Сашкиных мыслей все чаще становилась пунктиром. Она видела – вот эти пылинки в солнечном луче, вот этот стол с глубокой царапиной, зеленые кроны лип за окном. Но она о них не думала.

– Слушай внимательно, что надо сделать. Экзамены закончатся двадцать пятого июня. С двадцать шестого у тебя практика. Не забудь предупредить родителей.

Сашка молчала.

– В августе, перед началом занятий, у тебя будет две недели, чтобы съездить домой.

– Хорошо, – сказала Сашка, глядя на солнечный луч.

– Вот и умница, – сказал Портнов. – А теперь покажи мне упражнения с пятьдесят второго по пятьдесят четвертое… Одновременно, ты помнишь. Три процесса должны идти параллельно, с «шагом» вполтакта. Сосредоточься.

* * *

В середине июля, в годовщину знакомства с Фаритом Коженниковым, Сашка сидела на ветке большого дерева – вишни. Ее летняя практика заключалась в том, чтобы, поднимаясь по лестнице в развилку ветвей, находить среди света и тени красные ягоды, брать в ладонь и осторожно срывать. И класть потом в корзинку на шее.

Сад был огромный. Ветки вишен переплетались; ягоды висели гроздьями, их можно было рвать, даже стоя на земле, но подлинное великолепие начиналось наверху, в кроне.

Сашка наглоталась вишен до оскомины. Ее белая футболка перепачкалась вишневым соком. Губы казались огромными, будто надувными. Вишневый сок собрался под коротко остриженными ногтями. Сашке было хорошо. Огорчало только то, что все учебники пришлось сдать. Сашка сказала Портнову, что потеряла сборник упражнений; тогда он пришел к ней в комнату и вытащил книгу из щели за батареей. С тех пор Сашка не училась. И не думала. Просто смотрела. И еще чувствовала: тепло, ветерок, прикосновение коры к ладоням, прикосновение вишен к лицу.

Стоял один летний день – один, очень теплый и светлый, и листва вокруг Сашки защищала ее от палящего солнца. Утром первокурсников – нет, теперь уже второкурсников – привезли на грузовике. Днем им дадут пообедать. Но время тянется, лаковые вишни отражают солнце – и Сашкино лицо. Обеда нет, а день уже следующий. И вот уже прошла неделя, хотя тянется все тот же день. Время похоже на бантик.

Потом погода испортилась. Наползли тучи, предвещая грозу. Сашка раздвинула ветки над головой и смотрела на небо, будто желая запомнить его навсегда: край тучи, навалившийся на солнце и получившийся в результате цвета ртути. Рыжеватую, как у медузы, кайму тяжелого облака. Плоский небесный смерч, как отпечаток большого пальца. Это гроза, подумала Сашка, будет большой дождь, мне надо под навес…

Она все еще думала о том, что видит. Но возникло беспокойство: она, кажется, заглядывала в будущее. Предугадывала то, что случится через несколько минут.

– Будет дождь, – сказала она вслух.

Никто не ответил. Сад был слишком большой. Практиканты давно потеряли друг друга из виду.

Сашка спустилась с дерева. Осторожно пересыпала вишню из корзинки в ящик. На всякий случай прикрыла ягоды куском полиэтилена, валявшимся тут же, в траве.

Потом легла на спину и стала смотреть вверх. По всему саду стояла тишина, как на занятиях у Портнова; листья замерли. Сашка глядела перед собой.

Был тонкий слой нагретого воздуха вокруг ее лица. Выше был другой слой, в котором вертелись мухи. Еще выше – густая крона вишни; Сашке она показалась прозрачной. Дальше – застывшие громады воздуха, выше – толстый слой облаков. Выше, еще выше, стратосфера…

Облака завернулись воронкой, и одновременно Сашка упала в небо. Ей уже случалось этого бояться. В детстве, на пригородной базе отдыха, на лугу, она вот так же лежала и смотрела в небо и боялась в него вывалиться.

Теперь это произошло.

Ветер сорвал полиэтилен с ящика, и вишни глянули изнутри множеством темных глаз. Сашка увидела себя с их точки зрения; картинка то дробилась, то вдруг собиралась воедино, и тогда возникал стереоэффект.

Ее подхватило, как воздушный змей, и потянуло вверх, причем тело, брошенное на траве, оставалось неподвижным. Нить, соединяющая ее с этим якорем, помогала летать и не давала улететь далеко. Она почувствовала деревья как свои руки, а траву – как свои волосы. Ударила молния, полетели оборванные листья, и Сашка засмеялась от счастья.

Она ощутила себя словом, которое сказал солнечный свет. Она высмеяла страх смерти. Она поняла, зачем родилась и что именно ей следует сделать в жизни. Все это случилось, когда молния еще была на небе – белый зигзаг.

А потом хлынул дождь, и она пришла в себя – мокрая насквозь, в прилипшей к телу футболке, из-под которой кокетливо и жалко просвечивал кружевной лифчик.

* * *

– Здравствуйте, второкурсники.

Занятия по специальности проходили все в той же первой аудитории. Группа «А» второго курса сидела за столами, похожими на школьные парты.

Сашка оглядывалась вокруг, удивленно отмечая давно знакомые, но напрочь забытые подробности. Вот коричневая доска, как в школе. Вот щербинка на крашеной стене. Вот люди, которые были с ней рядом почти все лето; в какой-то момент они перестали что-либо значить, сделались прозрачными, как мыльные пузыри. Но теперь начался второй курс – и все приобретает новое значение.

Сама Сашка изменилась. Ее будто разобрали на части – а потом сложили снова, так что с первого взгляда кажется, будто все осталось по-прежнему. Даже ей самой иногда – вот сейчас, например, – казалось, что она совершенно такая же, как прошлой осенью, когда они в актовом зале слушали «Gaudeamus».

Портнов развернул тоненький журнал в бумажной обложке.

– Гольдман Юлия.

– Есть. – Юлька сидела скособочившись и водила в тетрадке ручкой. Голова ее время от времени подергивалась.

– Бочкова Анна.

– Есть. – Аня то и дело моргала, слишком часто и нервно.

– Бирюков Дмитрий.

– Есть. – Дима прикрывал лицо рукой, как будто его слепило солнце.

– Ковтун Игорь.

– Есть.

– Коженников Константин.

– Здесь. – Костя поднял голову. Его волосы выгорели на солнце и топорщились, как солома. Он сидел рядом с Женей Топорко, но не бок о бок – между ними был пустой стул.

– Коротков Андрей.

– Есть. – Летом Андрей зачем-то побрился наголо и был похож на очень свежего, загорелого призывника.

– Решили сэкономить на расческах? – Портнов прищурился. – Славно, славно, вам идет… Мясковский Денис.

– Здесь!

Совершенно ясно было, что группа полностью в сборе, но перекличка продолжалась, торжественная, как ритуал. Сашка глубоко дышала. Сам запах института, свежей краски, известки, пыли, липовых листьев за окном напоминал ей и подчеркивал: она жива, ее жизнь насыщена и ярка, все вернулось на круги своя: сентябрь, учеба, первая аудитория, солнечный свет.

– Павленко Елизавета.

– Я, – сказала Лиза.

На ней были широченные джинсы со спущенными вдоль штанин декоративными лямками. Странным образом эти мешковатые штаны только подчеркивали Лизину худобу и хрупкость; она загорела, и оттого ее светлые волосы казались еще белее.

– Самохина Александра.

– Я.

Портнов смерил ее взглядом, но ничего не сказал.

– Топорко Евгения.

– Есть!

– Вижу, вы славно отдохнули, – Портнов прищурился. – Выглядите как после дорогого курорта.

Женя не смутилась. За прошедший год она здорово повзрослела, из девчонки-замухрышки превратившись в сексуальную пышную барышню. Школьные косички остались в прошлом: летом Женя завела себе короткую модельную стрижку. Загар на ее лице сочетался с нежнейшим румянцем, и, сидя рядом с Костей, она поглядывала на Портнова почти без боязни: красива, мол, сама знаю, ну и что?

Закончив перекличку, Портнов еще раз окинул группу взглядом поверх очков:

– Итак, мы отдохнули и готовы к новым свершениям. В этом семестре нас, как обычно, ждет напряженная работа. У вас появляется еще один специальный предмет – введение в практику. Читать его будет Николай Валерьевич Стерх, это очень хороший преподаватель, постарайтесь его не огорчать… Общеобразовательных предметов станет меньше. Обязательной для всех остается физкультура… Кто из вас уже разговаривал с первокурсниками, которые поселились в общежитии?

По рядам прошелся легкий шорох.

– Я разговаривала, – сказала Сашка. – У меня в комнате две девочки поселились сегодня утром. А что, нельзя?

– Можно. Но запомните: если кто-то из вас вступит в дискуссию с первокурсником относительно профиля нашего вуза, его особенностей… Программы, стиля обучения… Этот человек будет держать ответ перед своим куратором. Поэтому лучше вам воздержаться.

Шорох голосов в аудитории сделался громче.

– А что им говорить? – спросил Коротков. – Если будут спрашивать?

Портнов неожиданно улыбнулся:

– Давайте полезные советы. Советуйте заниматься старательно и ничего не пропускать. Успокойте, если будут истерики. Вы же взрослые ребята, что-нибудь придумаете, вспомните, как вас самих морально поддерживали в прошлом году нынешние третьекурсники…

– Мы поддержим, – сказал Денис.

Сашка обернулась. Группа «А» второго курса смотрела на преподавателя; кто-то сидел скособочившись. Кому-то трудно было сфокусировать взгляд. Кто-то подергивался, кто-то хихикал. Сборище уродов.

– Деструктивный этап у многих из вас еще не завершен, – сказал Портнов, будто отвечая на ее мысли. – Что совершенно ожидаемо при вашей лени и несобранности. Напоминаю: только тот, кто будет прилежно учиться, быстро и легко войдет в норму… в то состояние, которое кажется вам нормой на данном этапе. Напоминаю: спиртное в общежитии запрещено. Первокурсники, конечно, будут пить, и на первых порах их не станут за это наказывать. Но если я увижу у кого-то из вас в крови следы алкоголя… Я не говорю «наркотики», потому что тот из вас, кто хоть травку покурит на данном этапе обучения, – обречен… Если я найду у кого-то в комнате спиртное, я сделаю так, что вас тошнить будет до старости при одном упоминании о водке. Ясно? Есть вопросы?

В его очках отражался оконный переплет. Вопросов не было.

– По организационным вопросам у меня все, – сказал Портнов. – Староста, учебники на столе. Раздайте каждому: текстовый модуль, ступень четыре, и задачник, ступень три.

– А я опять староста? – решился спросить Костя.

Портнов поднял брови:

– Группа, у кого-то есть другие кандидатуры?

– Пусть Самохина будет старостой, – сказала Лиза. – Она у нас отличница и общественный деятель.

Кто-то хихикнул, но смех быстро стих.

– У Самохиной, – сказал Портнов, не глядя на Сашку, – в этом семестре и без того достанет работы. Коженников, вы уже отобрали у нас две минуты. Делайте дело, прошу вас.

Учебники были старые и пахли пылью. Сашка не выдержала и открыла сборник упражнений на первой странице.

– Самохина! – окрик прозвучал как удар. – Я никому не разрешал открывать книгу!

Она с неохотой захлопнула учебник. Первые строки самого первого задания успели вогнать ее в сладостную жуть.

* * *

Две недели, проведенные дома, обернулись для Сашки тяжелым трудом: приходилось ежесекундно одергивать себя, слушать, слышать, вовремя отвечать и улыбаться. Сашка старалась изо всех сил, но мама все равно тревожилась все больше.

– Саня, – спросила она как-то утром, когда они в квартире остались одни, – знаешь… Покажи руки.

Сашка сначала не поняла. Мама, оказывается, искала «дорожки» от уколов и, не обнаружив их, не особенно успокоилась.

– Мама, это смешно. С чего ты взяла?!

– Ты странная. Отвечаешь невпопад. Смотришь… как-то отрешенно. Что с тобой, можешь мне сказать? Что с тобой?! Ты куришь? Дышишь? Глотаешь таблетки?

– Я тебе клянусь, – устало сказала Сашка. – Я в жизни не пробовала… ничего такого. Я даже водку не пью.

Мама, кажется, не поверила. Она сама казалась нервной, то взвинченной, то веселой, то тревожилась, то забывала о своих тревогах, и Сашка, не выдержав, однажды спросила:

– С тобой-то что происходит? Что случилось?

– А видно? – спросила мама после паузы, и щеки ее порозовели.

– Что? – Сашка хлопнула глазами.

– Я жду ребенка, – просто сказала мама. – Мы – с Валиком. С Валентином.

– Как?!

– Да вот так, – теперь мама старалась казаться невозмутимой, даже насмешливой. – Не такая я старуха, как тебе кажется.

– Мне не кажется, – пробормотала Сашка. – Я другое имела в виду… И все-таки…

– Все-таки, если мужчина и женщина любят друг друга, вполне естественно, что они хотят ребенка. Валентин хочет ребенка.

– А ты?

– И я хочу! – Мама рассмеялась немного напряженно. – А *ты* разве не хочешь маленького братика? Или сестричку?

– Не знаю, – призналась Сашка, подумав. – Все это как-то… умозрительно.

С этого момента ей стало понятно мамино состояние и стало понятно, почему тема «наркотиков» и Сашкиных измененных реакций не получила развития. Сашка понятия не имела, как бы она выкрутилась, вздумай мама припереть ее к стенке: чем вы там занимаетесь в этой Торпе?! Но маме было не до того. В ней рос ребенок, и именно ему, неродившемуся, а не взрослой Сашке, предназначалось ее внимание.

Сашка думала так, понимая, что несправедлива. Мама не была равнодушна к ее судьбе. Мама рвалась между новой семьей и Сашкой, и Сашка рвалась пополам: ей страшно хотелось, чтобы мама освободила ее от Торпы. Она прекрасно понимала, что это желание неосуществимо и преступно. Она боялась, что мама однажды докопается до правды и возьмется Сашку вызволять – и погибнет в этой борьбе, потому что в схватке с Фаритом Коженниковым у нее нет шансов…

– Если бы ты училась в нормальном вузе рядом с домом, – сказала мама накануне Сашкиного отъезда, – у тебя хватило бы времени… И желания… И ты бы видела, как малыш растет, помогала бы мне… Тебе полезно, скоро свои дети будут… Как насчет перевода?

– Нам будет тесно вчетвером, – сказала Сашка. – Квартира слишком маленькая.

– Но у нас же нет другой квартиры! Потом, может быть, со временем, сможем найти вариант с доплатой, а пока…

– А пока я буду в Торпе, – сказала Сашка. – Там прекрасное общежитие.

Мама вздохнула. В этот момент ей очень хотелось верить, что общежитие – прекрасное.

– Я пойду собираться, – Сашка поднялась. – А то завтра поезд, а у меня еще конь не валялся.

Она ушла в свою комнату, села на диван и, опустив руки, ясно представила себе, что ничего привычного, доброго, старого уже больше не будет. Когда она приедет домой в следующий раз… если приедет… все сделается по-другому. Начнется новая жизнь, новое детство. Сашкина комната преобразится, и память, слежавшуюся вместе с пылью на книжных полках, вытянет сквозняком в окно. Да, Сашка эгоистка, она привыкла, что мама принадлежит только ей; сперва появился Валентин, теперь придет кто-то третий и полностью завладеет информационным пространством этого дома. А Сашка будет там, на периферии, медленно превращаться в другое существо. Непонятное. Возможно, смертельно опасное. Будет превращаться и молчать. И хорошо еще, что у мамы есть Валентин и будет ребенок, потому что девочки, которая родилась и выросла в этом доме, больше не существует…

Сашке сделалось жалко себя. Но она обнаружила – без удивления, – что не умеет плакать.

* * *

– Курс «Введение в практическую специальность» рассчитан на два семестра. Зимой мы сдадим зачет, летом мы тоже сдадим зачет. На третьем курсе нас ждет один семестр собственно практических занятий, а после него – переводной экзамен. Это серьезно, дорогие мои. Опыт

показывает, что легче всех этот экзамен сдают студенты, одинаково успевающие в классе «Специальность» и «Введение в практику», то есть отныне вы должны делить свои усилия между двумя главными предметами: моим и Олега Борисовича. Но если с Олегом Борисовичем вы занимались год, то меня вы пока не знаете…

Горбун улыбнулся.

Он стоял посреди аудитории, почти упираясь головой в потолок. А если бы не сутулился – наверняка бы уперся; на Николае Валерьевиче был черный костюм старомодного кроя. Время от времени Стерх поводил плечами, будто у него затекла горбатая спина.

– А заниматься мы будем с каждым индивидуально. Может быть, потом разобьемся на маленькие подгруппки, человека по три-четыре, но сначала мне надо выявить ваши профессиональные склонности. На данный момент здесь сидит только один человек, чье будущее более-менее ясно…

– И это Самохина, – сказала Лиза.

Николай Валерьевич поднял брови:

– Милая девушка, разве Олег Борисович не научил вас молчать, когда говорит преподаватель?

Лиза покраснела, но глаз не отвела.

– Да, это Александра Самохина. У нее очень яркие, гм, профессиональные данные, они выявились еще на первом курсе, и с Александрой мы будем заниматься по особой программе. Но это не значит, что кто-то из вас останется без внимания, поверьте, – и он снова мягко улыбнулся.

Кажется, не все преподаватели специальности придерживались инквизиторской манеры Портнова. Горбун был, по крайней мере, добрый. Второкурсники обменялись просветлевшими взглядами, кое-кто даже поверил, кажется, что здесь можно будет немножечко посачковать…

Сашка не обольщалась.

* * *

Расписание практических индивидуальных горбун составлял сам, никому не доверяя. Сашка оказалась последней в списке; она успела посидеть в библиотеке и поэкспериментировать с новым сборником упражнений.

Первый взгляд не обманул ее: новые упражнения были сродни старым, но сложнее на порядок. Многоступенчатые преобразования сущностей, бесконечно абстрактных, иногда закольцованных, иногда сжатых в точку, готовых в любой момент высвободиться и насквозь прорвать ткань воображаемой реальности; если это были чужие мысли – то настолько нечеловеческие, что Сашка боялась себе представить мозг, естественным образом родивший эти химеры. Одновременно – Сашка уже умела это видеть – упражнения были потрясающе красивы в своей гармонии.

Она вспомнила о занятиях с горбуном за минуту до назначенного времени.

Аудитория номер четырнадцать размещалась на четвертом этаже, деревянном, скрипучем и гулком. Пробежавшись по коридору, Сашка силой заставила себя сдержать шумное дыхание и постучалась.

– Здравствуйте, Саша. Садитесь, поговорим.

В аудитории стояли, как в классе, парты, Сашка выбрала ту, что под самым окном. Внизу – руку протяни – шумело зеленое море лип.

– Вот и первый курс пролетел. – Горбун уселся напротив, за преподавательский стол. Его пепельные волосы, прямые и длинные, двумя кулисами обрамляли лицо. Острый подбородок лежал на высоком белом воротнике. Какой-то он весь старинный, подумала Сашка.

– Саша, – сказал горбун раздумчиво. – Вам никогда никто не говорил, что вы – отдельный, особенный человек? Которого ждет отдельная, очень важная миссия?

– Нет, – быстро сказала Сашка.

Горбун улыбнулся:

– Оно и к лучшему. Звездной болезни нам не надо… Но вот, Александра Самохина, пришло ваше время. Вы не просто лучшая наша студентка, вы редкостное дарование, можно сказать, подарок. Вас ждет великое будущее. А что это значит?

Сашка недоуменно молчала.

– Это значит прежде всего, что ваше настоящее – ежедневный рабский труд, без лени, без страха, без колебаний. Работа – подготовительная, – которую вы проделали на первом курсе, ничтожна по сравнению с тем, что вам – нам с вами – предстоит еще выучить, усвоить, отработать. Сегодня – прямо сейчас – мы начинаем готовиться к переводному экзамену, который вам предстоит на третьем курсе, зимой.

Она слушала, навалившись животом на стол. Горбун говорил с легкой улыбкой, но он не шутил, о нет, и Сашка прекрасно понимала, что он не шутит.

За раскрытым окном колыхались липы. Сашка чувствовала левой щекой теплый ветер с едва ощутимым привкусом осени.

– Вам кажется, что вы материальны, Саша?

Вопрос был задан таким снисходительным, таким небрежным тоном, что Сашка невольно хлопнула глазами.

– А разве нет?

Горбун улыбнулся. Он сидел за преподавательским столом, перед ним лежали журнал посещений – и CD-плеер. Сашка когда-то мечтала иметь такой.

– Да, – кивнул Николай Валерьевич. – На данном этапе вы куда более вещны, чем мне хотелось бы. Три семестра мы будем с этим воевать, три семестра вы будете разрушать свою материальную составляющую и наращивать информационную. Смысловую. Идеальную, если хотите, хотя это слово в данном случае неточно. А мы будем бороться за точность, Саша, нам это очень важно – точность формулировок… Вы хотите что-то спросить?

Портнов никогда не позволял такую роскошь – спрашивать. Сашка на минуту отвела глаза, посмотрела на липы под окном. В первый день сентября они стояли зеленые, будто посреди лета.

Она могла бы спросить, что ждет их всех на экзамене через полтора года. И что за профессиональные склонности она выявила, и какова будет ее профессия. Она могла задать сотню вопросов, на которые не желал отвечать Портнов, которые ставили в тупик ее однокурсников. Но она спросила:

– Вы, случайно, не знаете… я… тогда, на зимних каникулах… никого не убила?

Горбун не удивился.

– Нет. Кстати, тот эпизод очень характерен… Первый случай в вашей жизни, когда ваша информационная составляющая серьезно надорвала материю. К сожалению, бесконтрольно, спонтанно и очень опасно. Вы переживали?

Сашка отвела глаза.

– Понимаю. Если вы думаете, что из вас растят монстра-убийцу, вы ошибаетесь.

– А кого из меня растят? – вырвалось у Сашки.

Горбун повел плечами, будто разминая затекшую спину:

– Рано, девочка. Рано вам это знать. Вы пока еще рабыня формы, гипсовая отливка с кое-каким воображением… С памятью, с характером… Да. Вот эту вещь я вам отдам в пользование. – Рука с очень длинными бледными пальцами коснулась плеера. – Если захотите, можете когда-нибудь слушать просто музыку. Это можно. А вот этот диск, – на преподавательский стол лег бумажный конвертик, – этот диск я даю лично вам для работы. Берегите, пожалуйста.

Вы уже не первокурсница, знаете, как важны бывают некоторые вещи. И еще: прежде чем мы начнем заниматься, я хочу поговорить с вами о деликатных материях. Вам надо, Сашенька, вам желательно расстаться с девственностью: она становится серьезным тормозом для вашего развития.

Сашка вспыхнула так, что у нее заболели щеки.

– Какое это… имеет… значение?

– Все имеет значение. Вы будете меняться не только изнутри, но и… по-всякому будете меняться, Сашенька. Имеет значение ваш чувственный опыт, ваш гормональный статус… Ну и физиология, да. Информационный баланс вашего тела. Я ценю ваше серьезное отношение к жизни, вашу сдержанность. Ваше целомудрие. Но работа есть работа. Речь не идет о том, чтобы сегодня, завтра… Время еще есть… Но подумайте в этом направлении. Хорошо?

* * *

Ласточки еще не улетели. Кружились над двором, может быть, в последний раз. Носились стайками подросшие птенцы.

Сашка прикинула расстояние до общаги – через двор. Каждый день оно было разным. Случалось преодолеть его за два шага (ощущение падения и ветер в ушах). А бывало, что идти через двор приходилось часами, будто через пустыню. Сумка оттягивала плечо, а Сашка шла и шла, шагала к крыльцу, которое отодвигалось, становилось все дальше…

Она поправила ремень на плече. Побалансировала на месте, ловя равновесие. Сделала первый шаг; ласточки проносились мимо лица, почти состригая брови острыми кончиками крыльев.

Вот липа. Вот скамейка. Вот крыльцо. Сашка поставила ногу на нижнюю ступеньку, чуть придержала, чтобы крыльцо не выскользнуло. Все. Она дошла. С каждым разом все легче; наверное, Портнов прав и скоро она окончательно войдет в норму… вернее, в «то состояние, что представляется нормой на данном этапе».

Ключа от двадцать первой комнаты, так долго бывшей в Сашкином единоличном пользовании, не было на щите. Сашка привычно нащупала дверной проем, ведущий на лестницу. Повернула голову – и встретилась взглядом с парнем-первокурсником.

Коротко стриженный, очень бледный. Блондин, а глаза темные. Смотрит с ужасом. Сашка улыбнулась, желая успокоить его.

– Привет. С поступлением.

– Привет. Что с тобой?

– Ничего… А что?

Парень облизнул губы:

– Ничего… Ну, я пойду?

– Меня зовут Саша, – сказала Сашка неожиданно для себя.

– А меня Егор.

– Удачи, Егор, – пожелала Сашка.

И, осторожно ощупывая каждую ступеньку, двинулась вверх по лестнице.

Ее соседки-первокурсницы уже вернулись с занятий. Сашка вошла без стука; на полу стояли открытые чемоданы. Одна соседка, Вика, черноволосая и кудрявая, развешивала вещи в шкафу. Другая – Лена, полная и белая, как булочка, – сидела на кровати с выражением крайнего отчаяния на круглом, голубоглазом, почти кукольном лице. Рядом на покрывале лежал текстовый модуль с цифрой 1 на обложке.

Сашка потянула воздух носом:

– Курили? Учтите, девки, застану в комнате с сигаретой – выброшу вместе с ней в окошко. Есть туалет, там и дымите.

Вика не ответила. Лена сгорбилась на кровати, обхватив руками пухлые плечи. Сашка прошла к своему столу, подняла сумку, желая вытащить плеер. Узор царапин на столешнице напомнил ей о чем-то. Моментально – само по себе – провернулось в голове мысленное упражнение из прошлогодних; когда Сашка положила наконец плеер на стол, за окном было ощутимо темнее и в комнате за ее спиной что-то изменилось.

Она повернула голову. Новые соседки стояли бок о бок и смотрели на нее с ужасом.

– Дело житейское, – сказала Сашка. – Задумалась. Не обращайте внимания.

– Саша, – сквозь слезы пробормотала Лена. – Скажи, пожалуйста, что с нами будет? Мы будем такими же, как вы?!

Сашка ухмыльнулась:

– Ничего страшного. Просто переживите первый семестр… И старайтесь, как можете. Вам же лучше будет.

* * *

Взгляды первокурсников служили ей зеркалом. Она видела свое отражение в чужих глазах: изломанная, полностью погруженная в себя. Иногда замирающая на середине движения. Отрешенная. С пугающим пристальным взглядом. Они смотрели на нее, не умея скрыть страх – и порой отвращение.

Сашка не обижалась. Эти ребята переживали трудные времена: их угрозами и шантажом загнали в Торпу. На них навалили непосильную учебную нагрузку. Наконец, они окружены были уродами: больными, физически увечными, даже, кажется, сумасшедшими.

Нет, они, конечно, пытались держаться и делали вид, что ничего не происходит. Кто-то привез гитару, кто-то – магнитофон. Общежитие гудело, пило, веселилось; третьекурсники, как ни странно, тоже принимали участие в гулянках. Выйдя из комнаты с полотенцем на плече, Сашка увидела, как Захар, Костин сосед по комнате, целуется в коридоре с кем-то из свеженьких девчонок. Лампочка не то перегорела, не то ее выкрутили; смех, шепот, топот ног – девчонка сбежала на кухню, Захар пошел следом, а Сашка побрела в душевую.

Вода бежала по-настоящему горячая, как дома, и Сашка немного ожила. Растерлась полотенцем. Намотала «тюрбан» на мокрые волосы. Вот и прошел первый день занятий; домашних заданий – выше крыши, но завтра – индивидуальные со Стерхом, и она в первый раз понесет ему сдавать отработанный материал…

При мысли о плеере со вложенным в него диском Сашку пробирал озноб даже в горячей, полной пара душевой. Надев халат, придерживая на голове полотенце, она побрела в комнату – время было позднее, а работа, как известно, не волк и сама по себе никуда не денется.

Соседки убежали куда-то – плакаться на жизнь, как думалось Сашке. Она подсушила волосы, легла поверх покрывала, положила плеер на живот и задумалась.

Сегодня на занятии Николай Валерьевич впервые надел на нее наушники и включил плеер. И Сашка – впервые – услышала *это*.

На диске была тишина. Глубокая, плотная, поглощающая все вокруг. Желающая поглотить и Сашку; она пришла в ужас и забилась, как муха на липучке, изо всех сил удерживаясь на краю, не желая падать в это мягкое всеобъемлющее ничто, не соглашаясь впускать в себя чужое многозначительное молчание.

Николай Валерьевич что-то говорил – она видела, как шевелятся его губы. Она не слышала ни птиц за окном, ни шелеста лип, ни далеких шагов в коридоре – все было залито тишиной, как битумом.

Первый трек на диске длился десять с половиной минут. Сашка покрылась потом, как после многокилометровой пробежки. Блузка прилипла к спине.

– Саша, это делается не так, – ласково сказал горбун, снимая с нее наушники. – Вы не должны сопротивляться. Вы должны впустить и пропустить через себя. Потихоньку, не сразу. Без этого первого шага мы не сможем сделать второй, потом третий. А их впереди тысячи. Вот у нас прошло занятие впустую, экзамен стал ближе на один день, кто знает, может, этого дня как раз и не хватит для полной подготовки?

– Что же мне делать? – спросила Сашка.

– Поработайте с первым треком. Здесь в плеере есть функция – повтор композиции. Ваша цель – внутренне примириться с тем, что вы слышите, для этого надо переступить определенную черту в себе… Черту обыденности. Это может быть непросто. Но надо пытаться. Нельзя научиться плавать, не войдя в воду. Завтра я вас жду с первыми результатами, очень надеюсь на вас, Саша. Жду.

Так сказал Николай Валерьевич Стерх и отпустил Сашку с занятия; она ушла с плеером в сумке и тревожным предчувствием в душе, и вот пришло время отрабатывать на завтра первый трек, а Сашка не могла пересилить себя и хотя бы включить плеер.

Общежитие гудело. Бренчало гитарами, бухало магнитофонами, смеялось, било посуду. Сашка задержала дыхание – и нажала на круглую кнопку «Play».

Пришла тишина и залепила Сашке уши. Подошла очень близко, оглушительная, всеобъемлющая, готовая втянуть в себя, обволочь и переварить; это было отвратительно и жутко. Сашка, дернувшись, сорвала с головы наушники, и нетрезвые голоса за стенкой, поющие надрывно и фальшиво, показались ей райским хором.

* * *

Она решилась еще на одну попытку – перед самым занятием, когда отступать было некуда. Уселась в полупустом читальном зале и, когда заработал плеер, почти физически ощутила переход из тишины – в Тишину. В сосущее Молчание.

Она могла бы, наверное, войти в прозекторскую. Могла бы взять голыми руками какую-нибудь отвратительную тварь. Могла бы, возможно, пройтись нагишом по институту… если бы этого потребовали на экзамене.

Но «впустить в себя» то, что записано было на диске, не могла и не хотела. Все ее силы шли на сопротивление, на защитную стенку, которую она воздвигала между собой и Молчанием. Трек закончился; Сашка уронила плеер в сумку и поплелась на четвертый этаж – в залитую солнцем четырнадцатую аудиторию.

– Саша, добрый день, рад вас видеть… Что случилось? Вы слушали первый трек?

– Два раза, – промямлила Сашка.

– Два раза – маловато, маловато… Ну-ка, давайте проверим. Надевайте наушники.

Стерх поддернул рукав, высвобождая перламутровое зеркальце на кожаном ремешке. Солнечный свет заиграл на перламутре, распадаясь радугой, складываясь снова и белыми бликами впиваясь Сашке в глаза. Она инстинктивно зажмурилась.

– Так, слушаем первый трек, делаем глубокий вдох… Нет, Саша, нет, что же вы делаете? Давайте начнем нашу пробу сначала, только на этот раз вы будете усваивать учебный материал, а не отторгать его, хорошо?

Сашка смотрела вниз, в темно-коричневый деревянный пол, полосатый от длинных крашеных досок и черных щелей между ними.

– Саша, – горбун запнулся, будто раздумывая. – Ну-ка, сядьте. Поговорим.

Она села за стол, похожий на школьную парту.

– Вы прекрасно показали себя в классе Олега Борисовича. Вы проявили себя как человек исключительного таланта. Но ведь поначалу вам было очень тяжело?

Сашка кивнула, не поднимая глаз.

– То же самое и в нашем классе. Вам трудно, да. Потому что ваши усилия связаны, гм, с выходом за грань внутренне дозволенного. У вас очень четкие представления о том, что можно, чего нельзя. Я говорю не о бытовых, житейских вещах, не о так называемых «принципах», я говорю о внутреннем устройстве вашей личности, о способности преодолевать стереотипы. Вы упрямица; в данный момент это мешает учебе, потому что мы не пойдем дальше, пока вы не научитесь полноценно работать с треками. Вы инстинктивно понимаете, как их надо отрабатывать, и инстинктивно же сопротивляетесь… Я ведь не допускаю мысли, что вы это делаете сознательно. Да?

Сашка сглотнула.

– Не надо очень уж сильно переживать, – мягко сказал горбун. – Надо собраться, сосредоточиться… И сделать первый шажок. Один только шажок, один только первый трек… Давайте-ка попробуем прямо сейчас, а я постараюсь вам помочь.

* * *

Сашка вышла из аудитории обалдевшая, с головной болью. За полчаса непрерывных «проб» защитная стенка, которую она строила между собой и тем, что было записано на диске Стерха, окрепла и сделалась толще. Чтобы держать ее, Сашке приходилось тратить не так уж много усилий. Тишина теперь была отдельно, а Сашка – сама по себе.

Стерх очень огорчился. Долго молчал, качая головой, глядя то на понурившуюся Сашку, то в окно; вздохнул:

– Попробуйте второй трек. Первый вы, похоже, блокировали совершенно. Какая энергия, Саша, какие внутренние силы у вас обнаружились – но они ведь направлены в диаметрально противоположном направлении! Не на то, чтобы понять, а на то, чтобы отторгнуть!

– Я стараюсь, – сказала Сашка.

– Вы стараетесь наоборот. Вы боретесь за себя в устоявшемся обличье, две руки, две ноги… Мечты о теплом душе… Сашенька, ничто материальное не имеет большой ценности. Все, что действительно ценно, – вне материи, вы подумайте об этом на досуге. Вы поймете, вы умная девочка, а я на вас возлагаю очень большие надежды.

И он отпустил ее, и она ушла. В коридоре дожидалась своей очереди Юля Гольдман; когда за ней закрылась дверь с табличкой 14, Сашка двумя руками принялась массировать лицо, растирать виски, мучить глаза.

Со вторым треком будет та же история, Сашка не сомневалась. Но сама мысль о том, что придется *это* слушать, почти сводила с ума.

* * *

Общеобразовательных предметов на втором курсе осталось очень мало. «Основы государства и права» Сашке не понравились: преподавательница была пожилая и вздорная, а сам предмет ничего общего не имел с процессом познания: это была экскурсия, очень поверхностная, по уголовному и гражданскому кодексу. Поток канцелярита, извергаемого преподавательницей, навевал на Сашку сон. В конце пары она на секунду задремала по-настоящему, и ей приснился Стерх, стоящий посреди аудитории с огромными ножницами в руках. Сашка проснулась; грянул звонок. Преподавательница смерила второкурсников презрительным взглядом и попрощалась до следующей лекции.

На следующей паре был английский, и занятия показались Сашке такими же бессмысленными и скучными, как и лекция по праву. Бесконечные грамматические конструкции, упражнения, которые предстояло делать в общей тетради, «знаки», которые предстояло сдавать каж-

дый месяц; Сашке казалось, что время стоит. Это отчаянное ощущение посещало ее – правда, редко – в школе, особенно весной, особенно на собрании или на классном часе…

Выйдя в холл, она остановилась перед щитом с расписанием. Вокруг толпой стояли первокурсники, Сашке пришлось оттеснить какую-то зазевавшуюся девчонку, чтобы подобраться к щиту поближе. Вот как, физкультура три раза в неделю, да еще специальностью забито почти все учебное время: с Портновым, со Стерхом, индивидуальные занятия и групповые. И еще ведь самостоятельная отработка: параграфы, упражнения, стерховские «пробы»…

Сашка выбралась из толпы и побрела вниз, в столовую.

Денис Мясковский сидел перед пустой тарелкой, разглядывая что-то вроде иллюстрированного журнала со многими яркими картинками – размытыми цветовыми пятнами. Сашка, стоя в очереди, слышала его разговор с Коротковым.

– Чего это у тебя? – спросил Андрей.

– Стерх выдал, – сказал Денис после паузы, вроде бы с неохотой. – А тебе разве нет?

– Мне книжку выдал, – Коротков почему-то смутился. – Обыкновенную книжку… хотя…

– Андрюха, наша очередь подходит! – крикнула от стойки Оксана. – Давай талон и тащи свой бульончик!

Чуть позже Сашка убедилась, что у Стерха и в самом деле был очень индивидуальный подход к каждому студенту. Оксана, Лиза и Андрей Коротков учили «Введение в практику» по книгам, Костя – по распечатке, свернутой в рулон. Женя Топорко ходила с толстой тетрадкой. Еще у троих или четверых Сашка видела плееры, правда кассетные. Но никто ни с кем не спешил делиться успехами – индивидуальные занятия с горбуном с первого дня стали закрытой темой на курсе. Табу.

* * *

– Итак, смысл – это проекция воли на пространство ее приложения. Он не абсолютен и зависит от выбора пространства и способа проекции. Самые талантливые из вас еще на первом курсе, работая с текстовым модулем, натыкались на обрывки смыслов. Но первый курс закончился! Теперь вы должны сознательно использовать текстовый модуль в качестве посредника между вами и доступным на данном этапе архивом смыслов. Теоретически вам может явиться что угодно, включая фрагмент наиболее вероятного будущего… До звонка тридцать секунд, может быть, у кого-то есть вопросы?

Сашка вздохнула. Теперь занятия с Портновым виделись ей совсем в другом свете. Пусть чтение текстового модуля казалось плаванием в мутной воде, но на поверхности ждали мгновенные озарения. Даже блоки упражнений, которые, перетекая одно в другое, образовывали в сознании сложнейший узор, приносили радость.

– Топорко, у вас есть вопросы?

– Н-нет…

– Хорошо. Все свободны, завтра индивидуальные занятия, староста, составьте список… Самохина, я вами доволен.

* * *

Портнов хвалил ее; она и сама чувствовала удовлетворение от этих занятий, зато уроки со Стерхом оборачивались все большей мукой.

Она не смогла осилить ни второй трек, ни третий. Стерх потребовал, чтобы она вернулась к первому; Сашке были неприятны эти занятия, и чем дальше, тем больше усилий ей при-

ходилось тратить, чтобы просто подняться на четвертый этаж и войти в такую светлую, такую просторную четырнадцатую аудиторию.

Стерх мрачнел с каждым занятием. В его мягком голосе все чаще проскальзывало раздражение.

– Саша, я очень разочарован. С начала семестра прошло две недели, а вы… Такое впечатление, что вы сознательно саботируете мой предмет.

– Нет. Я…

– Я вам не угрожаю. Мне просто жаль… мне страшновато за вас. Я никогда не пишу докладные кураторам – по крайней мере, на протяжении семестра. Но зимой будет зачет. А результат зачета – это документ. Он в ведомости, он в зачетке, и тут уж куратор просто обязан отреагировать, я ничего не могу поделать.

Сашка закусила губу.

– Николай Валерьевич, – сказала сдавленным голосом, – а может быть, у меня на самом деле нет способностей? Просто я профнепригодна? Может быть, меня надо, – она запнулась, – меня надо просто отчислить, потому что толку не будет? Зачем вам студенты без способностей? Я ведь стараюсь, честное слово, но у меня не получается.

Горбун коснулся подбородка длинными, тонкими, белыми пальцами:

– Сашенька, выкиньте это из головы. Во-первых, вы способны, если вас зачислили. Во-вторых… надо честно учиться, а не мечтать о том, как вы будете лодырничать.

– Но я честно учусь, – сказала Сашка. – Всегда училась. И… я делаю что могу.

– Нет, – сказал Стерх строже, его пальцы сложились «домиком». – Вы не решаетесь на внутреннее усилие. Ваши однокурсники давно уже вас обогнали, на курсе появились новые лидеры, Павленко очень неплохо работает, Гольдман, Коженников тоже… А вы слишком ограниченны, вы сами себя загнали в рамки. Вся подготовительная работа – год напряженнейшей работы! – все пока насмарку… Кстати, вы думали о том, как решить нашу деликатную проблему?

– Что, прямо здесь и сейчас? – спросила Сашка, не удержавшись.

– Не сейчас, – Николай Валерьевич улыбнулся, будто говоря: прощаю тебе эту дерзость, дурочка, понимаю, что ты не в себе. – Но чем скорее, тем лучше. Для вас, Саша.

* * *

Ласточек не было. Сашка долго стояла посреди двора, глядя в ясное сентябрьское небо. Пролетел воробей, а выше, над редкими облаками, пролетел самолет. Сашка представила себе, как она сидит в кресле, глядя в иллюминатор, а внизу плывет лоскутное одеяло земли с полями, лесами, озерами и крохотным населенным пунктом – городишком под названием Торпа. Сверху его и разглядеть-то, наверное, трудно.

Самолет улетел, а Сашка осталась. Пригревало солнце, но с лип на Сакко и Ванцетти уже вовсю осыпались листья. Зачет был где-то далеко, за дождями, за снегами, но он был неотвратим.

Сашка побрела на почту. Вернее, она побрела куда глаза глядят, но ноги привели ее на почту, она заказала междугородный разговор и через минуту стояла в душной кабинке с пластмассовой трубкой в руках.

– Алло, – сказал мужской голос.

– Здравствуйте, – сказала Сашка после секундной заминки. – Как у вас дела? Мама может подойти?

– Мама передавала тебе привет, – сказал Валентин как-то очень бодро и весело, слишком весело, как показалось Сашке. – Она в больнице, на сохранении. Можно было и дома

оставаться, но знаешь, так надежнее. Отличный врач, удобная палата, хорошие условия… И благоприятные прогнозы, знаешь, по всей видимости, у тебя намечается брат!

Он говорил легко, без пауз, без видимого напряжения. Сашка опустила плечи:

– А когда она будет дома?

– Пока неизвестно. Лучше перестраховаться, понимаешь? Тут такое дело… Я собираюсь ей купить мобильник, тогда ты сможешь ей звонить прямо в палату!

– Ага, – сказала Сашка.

– А что у тебя? Как дела? Как учеба?

– Отлично. – Сашка потерла пальцем полированную полочку для телефонного аппарата. – Ну, я пойду… Маме большой привет.

* * *

На крыльце почты стоял Костя. Сашка остановилась. В последние недели они не то чтобы избегали друг друга; они держались как знакомые, но совершенно чужие люди. Здоровались без лишних слов.

– Привет, – сказала Сашка.

– Привет. – За лето Костя изменился, его подростковая худоба сменилась уверенной жилистостью взрослого мужчины. Он загорел. Лицо обветрилось. Еще первого сентября он, Сашка помнила, чуть заикался и припадал на правую ногу, но теперь последствия портновского «этапа» окончательно сгладились: Костя, восстановившись из обломков, снова стал самим собой.

Или почти самим собой, печально подумала Сашка. Как все мы.

– Ты звонила домой? – спросил Костя, внезапно нарушая регламент установившихся между ними отношений.

– Да, – сказала Сашка. – А что?

– Ну и как там?

– Мама собирается рожать, – призналась Сашка неожиданно для себя. – От нового мужа.

– Вот как, – пробормотал Костя.

– Да вот так, – Сашка заставила себя распрямить спину. – Будь здоров.

– Погоди, – сказал Костя ей в спину. – Пять минут у тебя есть?

– Пять, но не больше.

– Но и не меньше? – Костя нервно улыбнулся.

Они отошли к серой парковой скамейке, живописно усыпанной желтыми листьями. Сашка мигнула; ей на мгновение показалось, что скамейка фиолетовая, а листья синие. В последние дни она научилась менять цвета окружающего мира – вернее, восприятие этих цветов – по своему собственному желанию и развлекалась на скучных лекциях по праву, мысленно изменяя цвет лица преподавательницы, цвет ее волос, кофточки и платочка в кармане.

– Сашка, – сказал Костя, – у меня к тебе разговор.

– Я заметила.

– Я тебя люблю, – сказал Костя.

– Что?!

– Я люблю тебя, – он пожал плечами, будто извиняясь. – Прости меня, идиота, я тебя люблю, выходи за меня замуж.

Листья стали зелеными, а скамейка – ярко-оранжевой. Сашка мигнула.

– А я тебя не люблю, – сказала Сашка. – И прощать не собираюсь. Если тебе надо регулярно трахаться, а денег на проститутку нет – женись на Женьке. Она с удовольствием.

Костя побледнел. Сашка увидела, как перекатились желваки на его щеках. Его загар, секунду назад бронзовый, сделался желтым, почти как лимон.

– Удачи, – сказала Сашка, и ее голос дрогнул. Она сама не знала, почему сказала то, что сказала, именно в такой форме. Но слово – не воробей. Сашка повернулась и, все ускоряя шаг, пошла по улице Сакко и Ванцетти по направлению к институту.

Откуда он взялся?! Почему явился к ней именно сейчас, когда над ней висит, как призрак гильотины, сессия? Когда мама лежит на сохранении, а Валентин нарочито бодрым голосом рассуждает, как все будет хорошо? Летом она не думала о Косте… Вернее, думала только тогда, когда видела его перед собой – такого же солового и отрешенного, как она, Сашка. Тогда ей было не до Кости, она превратилась в лужицу растопленного воска, видела небо насквозь, но не могла пройти в обыкновенную дверь. А первого сентября он сел рядом с Женей, и Сашка решила, что это знак судьбы и думать в этом направлении дальше нежелательно.

Зачем она ввернула ему о каких-то проститутках?

А зачем он спал с Женей в новогоднюю ночь, даже, между прочим, не поссорившись с Сашкой? Вот если бы они поссорились, орали друг на друга, хлопали дверью на весь институт… Тогда было бы понятно. Сашка, конечно, все равно не простила бы. А может, и простила, потому что ссора – это все-таки одно, а вот так, просто взять и напиться и прыгнуть в чужую постель…

У порога института тесной группкой стояли третьекурсники. Захар обернулся, махнул Сашке рукой:

– Привет, молодая здоровая смена! Как дела?

– Пока не родила, – в тон ему отозвалась Сашка и удивилась себе: у кого в общаге она подхватила эту пошлую присказку?

Но третьекурсники разом заржали, будто услышав удачную шутку.

* * *

Наступил октябрь.

Сашка сидела в четырнадцатой аудитории, а напротив сидел Стерх, и они молчали вот уже пятнадцать минут. У Сашки пересохли губы; все слова, которые она могла сказать, – «Я стараюсь», «Я честно работаю», «У меня не выходит», «Я не могу», – все эти слова были уже много раз сказаны. Стерх, грустный, осунувшийся, чаще обычного поводил плечами, как будто горб за спиной очень мешал ему.

За окном лил дождь. Шелестела вода в трубе. В чуть раскрытую форточку влетали крохотные капли.

– Как ваши успехи в классе специальности? Олег Борисович, кажется, вами доволен…

В последние недели Сашкиным прибежищем стали, как ни странно, портновские упражнения. Головоломные, иногда почти калечащие, они *получались*, поддавались усилию. А «пробы» Стерха не поддавались; вот уже почти неделю Сашка даже не пыталась браться за плеер. Ей было противно, даже не так: ей было омерзительно.

– Вы работали вчера?

– Нет.

– А позавчера?

– Николай Валерьевич, я не могу!

Горбун тяжело покачал головой:

– Плохо дело, Александра. Я терпеть не могу кому-то угрожать, кого-то ругать… Кого-то наказывать… Но сейчас вы себе – самый страшный враг. Только вы, больше никто. Идите, подумайте о своей судьбе… О зачете. Об экзамене, до которого осталось чуть больше года. И о том, как отнесется к вашему «не могу» ваш куратор… Как только у вас появится охота заниматься – дайте знать. Я готов проводить с вами дополнительные занятия. Я буду помогать вам, чем только смогу. Но вы – вы сами – должны переступить в себе черту. Должны решиться.

* * *

Денис Мясковский ждал своей очереди на индивидуальные к Портнову, ел чипсы из пакетика. Сашка уселась рядом с ним на подоконник.

– Деня, у меня к тебе серьезный вопрос.

– Давай.

– Лилия Попова – она кто?

Денис поперхнулся. Чипсы сперва встали ему поперек глотки, а потом разлетелись по коридору веером крошек.

– Блин! – прокашлял Мясковский.

Сашка похлопала его по спине. Мясковский отдышался.

– Долго думала? – спросил обиженно.

– Мне важно знать, – сказала Сашка. – Я валю введение в практику.

Денис удивленно на нее воззрился.

– Ты?!

– Ну да. Валю абсолютно, всухую. Мне важно знать, я хочу… понимаешь, может быть, реально поменять куратора? А?

– У тебя Коженников, – медленно сказал Денис.

– Да, – Сашка нервно потерла ладони.

– Не завидую. Лизка, например, если при ней сказать «Коженников», сначала белеет и начинает трястись, а потом дает в рожу. А потом ты с окровавленной физиономией долго ей объясняешь, что имел в виду Костика, который нормальный парень и сам из-за папаши страдает…

– А Попова? – жадно спросила Сашка. – Ты пробовал с ней договориться как-то?

Денис помрачнел.

– Вообще-то… знаешь… она мягко стелет. Только жестко спать. Вообще, я тут с ребятами говорил, все кураторы одинаковые. Просто одни ругаются матом, а другие нет.

Денис ухмыльнулся, довольный своей шуткой, и хотел что-то еще сказать, но в этот момент открылась дверь тридцать восьмой аудитории и в коридор вышла Женя Топорко, очень бледная и сосредоточенная.

Они с Сашкой встретились глазами. Женя вдруг вспыхнула, высоко подняла подбородок и прошла мимо без единого слова.

– Чего это она? – пробормотал Денис, подхватывая сумку. – Ну, пожелай мне…

В этот момент в дверях аудитории появился сам Портнов с незажженной сигаретой за ухом.

– Заходите, Мясковский, и откройте пошире окно… Самохина, это ваше время? Что вы здесь делаете?

– Она спрашивает, можно ли поменять куратора, – сообщил простодушный Денис. Сашка обомлела.

Портнов бросил на нее внимательный взгляд.

– Нельзя, – сказал коротко. – Мясковский, окно открывайте, я буду курить. Самохина, до свидания.

* * *

На другой день солнце поднялось, чистое и даже теплое, окруженное легким эскортом мелких прозрачных облаков. Сашка пропустила первую пару – физкультуру. Когда соседки

убрались на свою специальность, она открыла шкаф и там, в тесноте своей и чужой одежды, нащупала старую зимнюю куртку.

Сунула руку в правый карман. Пусто.

Сунула руку в левый карман. Тоже пусто, только несколько мелких монет.

Ей почему-то вспомнился тот день, когда Лиза Павленко ни с того ни с сего обвинила ее в краже ста долларов. И как Сашка догадалась, что купюра завалилась за подкладку. Вернее, на секунду *увидела* ее… Больше таких прозрений с ней не случалось. Или почти не случалось.

Почти без надежды она снова сунула руку в правый карман куртки и за подкладкой, за тонкой синтетической тканью, нащупала бумажный прямоугольник.

Нетерпеливо расширила дыру в кармане. Вместе с крошками и нитками вытащила визитную карточку без имени – с одним только номером телефона. Мобильного, хотя здесь, в Торпе, мобилки до сих пор были редкостью.

В переулке, ведущем со двора на Сакко и Ванцетти, пахло листвой и гнилью. Вода вчерашнего и позавчерашнего дождя стояла в глубоких лужах – листья бурой массой забили водосток. Сашка постояла, подставив лицо солнышку, возле телефона-автомата на углу.

Потом сняла трубку и набрала номер, сверяясь с визитной карточкой.

– Я слушаю, – сказал очень далекий мужской голос.

– Добрый день, – хрипло сказала Сашка. – Это я. Самохина.

– Привет, Саша. Что-то случилось?

– Еще нет. Но скоро случится.

– Ты меня пугаешь, – сказал Фарит Коженников.

– Стерх вам… еще ничего про меня не говорил?

В трубке помолчали.

– Стерх и не скажет, Саша, по крайней мере, до зачета… А что случилось?

Сашка помолчала, не зная, как объяснить.

– Саша? Вы меня слышите?

– Я провалю сессию, – сказала Сашка. – Я не сдам этого зачета ни с первого раза, ни со второго. Это все, конец.

Еще одна пауза.

– Откуда ты звонишь?

– С улицы. Из автомата. Дело в том, что у меня мама собирается рожать второго ребенка.

– Понимаю. Давай через полчаса – на улице перед институтом?

* * *

– Ей рожать – под зимнюю сессию.

– И что?

Они медленно шли по улице Сакко и Ванцетти. Мимо дворника, сгребающего листья, мимо девочки, выгуливающей таксу. Лепные украшения старинного особняка отсырели от дождей, бледные лица кариатид глядели бесстрастно и слепо.

Сашка не смотрела на Коженникова. Смотрела вперед и вверх, где среди редеющих крон проглядывало синее небо.

– Я хочу, чтобы… короче говоря, я хочу, чтобы она была здорова и ребенок тоже.

– Понятное желание. И?

Сашка остановилась. Обернулась. Увидела собственное отражение в темных стеклах его очков.

– Я хочу с вами договориться. Заплатить, чем смогу. Могу отработать сто упражнений за одну ночь. Могу… – она запнулась. – Могу все. Кроме этого… этих… «проб». Я физически не в состоянии. И психически. И никак. Хотите – можете мне руку отрубить…

– И зачем мне твоя рука?

– А зачем вам вообще все? – шепотом закричала Сашка. – Зачем вам этот институт? Зачем заставлять нас делать это… все это?! За что нам это, ну за что?!

Она заставила себя замолчать. Город Торпа жил медленно, картинно, кое-где поднимались дымы из каминных труб. Сизые и черные голуби топтались в луже, пили, запрокидывали головы, позволяя воде проскользнуть по горлу вниз. Капельки росы поблескивали на прижухлой траве бульвара.

Коженников стоял, чуть наклонив голову, Сашка видела два своих отражения в его темных зеркальных очках.

– С вами совсем-совсем нельзя договориться? – спросила она почти шепотом. Губы онемели.

– Саш, – ответил он ей в тон, тоже тихо и почти по-приятельски. – В мире полным-полно сущностей, с которыми *нельзя* договориться. Но люди как-то живут, верно?

– Некоторые живут. – У Сашки окоченели пальцы ног в кроссовках. – Некоторые умирают.

– Это не про тебя, – сказал Коженников еще тише. – И не про твоих близких. Я знаю, что ты справишься. Нет таких причин, которые помешали бы тебе на «отлично» сдать сессию. *Нет* таких причин.

– Я не могу! – Она помотала головой. – Я не могу сделать то, чего он от меня хочет!

Коженников снял очки. Он так редко это делал, что Сашка забыла, как выглядят его глаза – карие, обыкновенные, даже заурядные. С нормальными зрачками.

– Я однажды сказал, что никогда не потребую от тебя невозможного. И это правда. Но вспомни: все, что ты когда-либо для меня делала, было построено на преодолении – небольшом шаге за внутреннюю черту. Это было трудно. Но это было возможно, Саша. Возможно и теперь.

Сашка безнадежно покачала головой.

– Вспомни Костю, как он сдавал зимнюю сессию, – все так же тихо сказал Коженников. – Вспомни, он ведь отчаялся и опустил руки. Мог умереть и погубить многих. В то время как совершенно реально – возможно! – было сдать зачет и спастись. Выход был, и ты это доказала… Мне очень жаль, что Костя не в состоянии отплатить тебе за ту услугу. Он не поможет тебе сейчас – у него не хватит… впрочем, не важно.

– Скажите, – проговорила Сашка через силу. – Костина бабушка… Она ведь вам родственница? Вы ее знали? И как вы ее убили, скажите, пожалуйста? Сами? С чьей-то помощью?

Выражение глаз Коженникова не изменилось.

– С чего ты взяла, что я ее убил? Она была очень больна и почти не вставала. Средняя продолжительность жизни, Саша, достигает у нас шестидесяти семи лет. А семьдесят шесть – это счастливый случай.

– А если бы Костя сдал зачет?

– Люди смертны. Все.

Из подворотни вынырнул кот, светло-рыжий, почти розовый. Голуби одновременно ударили крыльями и поднялись, описали полукруг над улицей Сакко и Ванцетти и пропали за черепичными крышами.

– Мне очень жаль, что у вас с Костей все так плохо получилось, – сказал Коженников.

Сашка отвернулась. Разговор был окончен, Коженников мог что-то еще говорить, а мог молчать, но это не имело значения. Никакого.

– Послушай, – Коженников снова надел очки, поправил дужку указательным пальцем. – Мне кажется, я знаю, как тебе помочь.

– Как?!

– Прорвись за невозможное. Просто механически. Укради кошелек на базаре. Разбей окно голой рукой. Сделай что-нибудь такое, что кажется тебе невероятным. Это расшатает твою бетонную стабильность и поможет вырваться на новый уровень. Понимаешь?

– Вряд ли, – сказала Сашка.

* * *

Коженников сел за руль молочно-белого «Ниссана», махнул Сашке рукой и уехал. Она осталась стоять посреди улицы, глядя, как розовый кот лакает осеннюю воду из лужи. Миг – кот в ее глазах сделался изумрудным, а вода – карминово-красной; Сашка потерла лицо кулаками.

До базара было десять минут неспешного шага. Украсть кошелек?

Витрина хлебного магазина очень удобно располагалась на уровне Сашкиной груди. Ударить рукой? Что, что такого сделать, чтобы «переступить черту», перестать быть собой?!

А может быть, купить билет и уехать из Торпы? Навсегда.

Она побрела куда глаза глядят – но не к базару, а дальше от центра. Снова прошла мимо института; из полуподвальной кофейни выбрались, пошатываясь, две первокурсницы. Обе были пьяны вдребезги; держась друг за друга, они пересекли мостовую и скрылись в переулке. А что себе думают их родители, подумала Сашка. Неужели никто не интересуется судьбой детей, уехавших из дома на учебу в чужой город?

А что думает моя мама?

Мама думает о новом, еще не родившемся ребенке. О существе, чье право на жизнь еще не утверждено окончательно. Конечно, в наше время и медицина, и все такое, люди рожают и после сорока…

Сашка споткнулась и угодила ногой в лужу. Потопала кроссовкой, отряхивая воду, вспомнила, что под кроватью, в коробке, лежат осенние ботинки. Она привезла их с каникул – купили вместе с мамой на какой-то распродаже, хорошая, добротная обувь…

Ей захотелось к маме. Захотелось так сильно, что слезы выступили на глазах. Она была выброшена, изгнана, принудительно изъята из нормального мира, где рядом мама, где можно обнять ее в любую минуту, где можно открыть ей дверь, когда она приходит с работы. Нормальный человеческий мир…

Вполне может быть, что все родители всех студентов института как раз сейчас решают важнейшие в жизни проблемы. Кто-то разводится. Кто-то борется с тяжелой болезнью. Кто-то судится, кто-то собирается рожать. И всем им удобнее думать, что подросшие дети получают образование в приличном, хотя и провинциальном вузе. И никто не знает, что успех их начинаний, здоровье и сама жизнь зависят от успеваемости забытых, заброшенных в Торпу детей. Замкнутый круг…

Сашка сама не заметила, как прошла Сакко и Ванцетти до конца и по другой улочке, с виду деревенской, вышла на берег. По реке плыли желтые и бурые листья; некоторые распластались на поверхности, слившись с собственным отражением. Другие выгибались парусами, будто пытаясь улететь. В траве бродили чьи-то куры. И бревно, на котором когда-то сидели Сашка и Костя, на котором Сашка провела новогоднюю ночь, – это самое бревно было на месте.

Сашка уселась и вытянула ноги.

Прошло пять минут, и десять, и полчаса. Сашка пропускала теперь уже и вторую пару – английский; листья продолжали плыть по реке, бесконечный, торжественный, медленный караван. Глядя на черную зеркальную воду, Сашка впервые за последние два года – впервые в жизни, если честно – всерьез подумала о том, что, может быть, есть смысл нырнуть в эту черноту с деревянного мостика, пересекавшего реку в ста метрах выше по течению. Прыгнуть, поднять брызги, разбить зеркало вместе с отраженным в нем небом.

Она встала, все еще раздумывая. Здесь глубоко? Или по пояс? С другой стороны, тонут же люди в ваннах, для самоубийства никак не предназначенных…

Оставляя следы на мокром песке, она подошла к самому берегу. Трава на южном склоне холма была зеленая, почти как летом, и кое-где из нее поднимались одичавшие астры. Сашка двинулась вдоль берега, обходя болотистые места, глядя то на воду, то на цветы на склоне. Впереди желто-салатной шторкой висели ивовые ветки; вчера, когда она учила параграф для Портнова, у нее в голове прозвучала фраза про ивовые заросли, и она пыталась вспомнить эту фразу, когда услышала всплеск, сразу за ним крик – и еще один громкий всплеск.

Не Сашке первой пришла в голову мысль прыгнуть с мостика. Кто-то более смелый – или более глупый – проделал это только что, и теперь вода несла по стремнине двух человек.

Сашка разинула рот.

Двое барахтались, один кричал. Другой подбирался к нему, загребая воду широкими гребками. Обоих течением пронесло мимо Сашки, и она, наконец-то опомнившись, кинулась следом – вдоль берега. Продралась сквозь ивовые ветки, вылетела на песчаный пляж в форме подковы. Река в этом месте чуть меняла направление, противоположный берег был довольно высокий, в нем темнели стрижиные гнезда. Под кручей ходили водовороты, и туда, в омут, несло угодивших в реку людей. Один все еще что-то кричал, захлебывался, кашлял и кричал снова.

Сашка в панике огляделась – пляж был пуст. Метрах в тридцати тянулся вдоль берега бетонный забор, размалеванный граффити.

– Помогите! – крикнула Сашка, хотя было совершенно ясно, что помощи ждать неоткуда.

В панике она зачем-то сбросила кроссовки. Мокрый песок оказался холодным, как лед, и таким же твердым. Сашка подскочила к воде, в ужасе глядя на тонущих и прекрасно понимая, что не сможет спасти ни одного: куда там, ее саму под воду утащат…

Крик оборвался. Кажется, один из тонущих что-то сделал с другим: придушил? Притопил?! Судорожное барахтанье сменилось размеренными гребками: теперь один плыл к берегу, волоча другого.

Сашке казалось, что он плывет очень долго. Течением обоих сносило все ниже, туда, где берега были болотистые и топкие, где выбраться было невозможно. Пловец перевернулся на спину и изо всех сил заработал свободной рукой; человек, которого он тащил за собой, казался грудой мокрого тряпья.

На мелководье пловец встал на ноги, и Сашка его узнала. Это был первокурсник Егор: светлые волосы облепили голову, глаза красные, а губы посинели. Утопленник оказался другим первокурсником, которого Сашка видела в институте, но имени его не знала. Он выглядел гораздо хуже: одутловатое синюшное лицо и почти черные губы.

Егор обвел берег блуждающим взглядом. Увидел Сашку:

– Есть мобила?

Сашка мотнула головой.

– Беги к автомату. «Скорую», быстро.

Сашка побежала. Наступила босой ногой на ракушку, охнула от боли. Вернулась; прыгая, без носков натянула кроссовки. Успела увидеть, как Егор кладет утопленника на живот, грудью на камень, как, что-то бормоча, нажимает сплетенными ладонями ему на спину; дальше смотреть не было времени.

Телефонная будка нашлась неподалеку от моста, напротив последнего дома тихой, почти деревенской улицы. Сашка сорвала трубку, с облегчением услышала далекий гудок; мимоходом вспомнилось, как тогда, зимой, она давила на кнопочки окровавленными пальцами, а за спиной в сугробах неподвижно лежали негодяи, которых она сама изувечила… Люди.

Сашку обдало холодом, но в этот момент в трубке ответили.

– Здесь человек утопился! – крикнула Сашка. – Утонул! Его вытащили, а он не дышит!

– Адрес?

– Возле реки!

– Река большая… Адрес? Куда ехать?

Сашка огляделась. На противоположном заборе масляной краской были выведены загогулины, весьма отдаленно похожие на буквы и цифры.

– Луговая, семь дробь один!

– Понятно. Ждите.

* * *

«Скорая» приехала через тридцать минут. К тому времени первокурсник, отвечая реанимационным усилиям Егора, не только задышал, но и открыл мутные глаза, начал дергаться и вырываться. Он орал, ругался гадкими словами и был, кажется, совершенно невменяем.

– Он утопился или белку поймал? – угрюмо спросил санитар в сером халате, когда студента наконец-то затолкали в машину.

– Прыгнул с моста по пьяни, – сказал Егор. – Вообще нормальный парень.

– Нормальный, – проворчал врач, измученный, с черными кругами вокруг глаз. – Тут две машины на всю Торпу… Сейчас, может, ребенок где-то кончается или сердечный приступ у кого-то, а мы возимся с этими наркашами… Студенты, блин…

Врач сплюнул.

– Где вы видели… какие наркаши?! – выкрикнула Сашка.

Возмущение накрыло ее, как волна накрывает песчаный замок. Чужие люди, равнодушные лица, Егор спас человека, хоть бы кто-то его поблагодарил!

Ледяная рука ухватила ее за локоть: Егор удержал ее и оттащил на полшага назад.

– Он захлебнулся, – сказал, глядя в глаза врачу. – Вода была в легких, а там песок, тина…

– Поучи, – сказал врач. – Все? Мы поехали.

Машина сорвалась с места и умчалась, оставив на берегу облако вонючего выхлопа. Егор и Сашка некоторое время смотрели ей вслед. Потом Егор выпустил Сашкину руку: его начало трясти.

– Спасибо, – сказала Сашка.

– За что?

– Мне злиться нельзя. Я тогда… – Сашка запнулась. – Знаешь, тебе надо водки выпить.

– Побежали, – сказал Егор, стараясь не цокать зубами.

И потрусил вдоль улицы прочь от берега, а Сашка за ним.

Давние ежедневные пробежки не успели окончательно забыться; она бежала ровно, не отставая от Егора. Тот тяжело топал, роняя капли, мерное хлюпанье его кроссовок то сливалось с Сашкиными шагами, то приходило с ними в диссонанс. Оба молчали; как всегда на бегу, Сашке легче стало сосредоточиться.

Первый курс. Истерики, депрессии. Пьянство. Как зовут этого парня? Что, если бы ему в самом деле удалось утопиться? Нет, не удалось бы; слишком неэффективно, слишком напоказ… Он же видел, что Егор рядом… А может быть, он ни о чем не думал, а просто допился до «белочки», повредился умом от портновских занятий?

На улице Сакко и Ванцетти она все-таки отстала. Егор не обернулся, нырнул в переулок, и, когда Сашка, пыхтя, взбежала по ступенькам общаги, его уже и след простыл.

Она поднялась к себе в комнату. Обеих соседок не было дома. Беспорядок творился жуткий: на кроватях свалена одежда, под кроватями – обувь, на столе, среди бумаг – крошки, грязная банка из-под варенья и перепачканная пластиковая посуда. Сашке сделалось противно; она не была фанатом уборки, но чудовищный «срач», который порой устраивали в комнате соседки, раздражал ее все больше.

Она открыла окно и выбросила вниз, на газон, чей-то правый ботинок, правую кроссовку и туфлю на шпильке. Может, задумаются в следующий раз.

Переоделась в спортивный костюм. Натянула теплые носки. Идти на обед не хотелось: аппетита не было совершенно. На третьей паре и на четвертой предстояли индивидуальные с Портновым, но Сашка была записана на шестнадцать пятнадцать, а значит, время у нее было.

Она села за стол. Открыла ящик с учебниками и наткнулась на плеер; сразу вспомнилось все. Разговор с Коженниковым. «Укради кошелек». «Мне жаль, что у вас с Костей так плохо получилось»…

Запихнув плеер в глубину ящика, она взялась за текстовой модуль с цифрой 4 на обложке. Параграф тридцать шесть; она успела прочитать текст три раза от начала и до конца, когда в дверь постучали.

– Войдите, – сказала Сашка, не оборачиваясь.

Скрипнула дверь.

– Извини… Ты занимаешься?

В дверях стоял Егор. Он переоделся, на нем был теплый осенний свитер и синие тренировочные штаны. В руках Егор держал правую туфлю на шпильке и правый же ботинок.

– Извини, у тебя под окном вот это лежит… Так надо?

– Да, – сказала Сашка.

Поднялась, взяла у Егора обувь и снова выбросила в форточку. Отряхнула ладони.

– Я провожу воспитательную работу среди твоих однокурсниц, – пояснила в ответ на удивленный взгляд Егора. – Видишь, что они мне устроили?

И она широким жестом обвела беспорядок в комнате. Егор смутился: вид девичьих трусов, брошенных на кровати, заставил его нервно отвести глаза.

– Прости их. Понимаешь, у нас на первом курсе…

– Ты думаешь, я не училась на первом курсе? – Сашка прищурилась.

– У вас было то же самое?

– Ну конечно. И ничего, живы.

Егор вздохнул:

– Я хотел с тобой поговорить… Саша.

– Говори, – Сашка улыбнулась. – Заварить тебе чаю? Пошли на кухню, там хоть трусы где попало не валяются…

Она вышла в коридор вслед за Егором, заперла дверь и ключ положила в карман. Пусть побегают, козы, за ключом.

– Я летом на Сакко и Ванцетти насобирала липы. Знаешь, как она цветет! Пчелы просто с ума сходят… Сплошной гул стоит… И пахнет, пахнет липой по всей улице, и в комнате пахнет, если окна не закрывать…

– Ты летом домой не ездила?

– Ездила на две недели… А так у нас была практика… Ничего особенного, вишню собирали, – Сашка говорила легко, в этот момент ей самой казалось, что лето с липой и вишней было простым и беззаботным, настоящим студенческим летом. – Я на вишню потом смотреть не могла. И липы насушила целую жестянку. Тебе после холодной воды – самое оно.

Она поставила чайник.

– А как ты оказалась на берегу? – спросил Егор, протирая тряпкой клеенку на столе.

– Гуляла, – коротко ответила Сашка. Подняла крышку большой жестяной банки, вдохнула запах липы. – Вижу – вы барахтаетесь… Как он, такой пьяный, на мостик-то поднялся?

– Не такой уж он был пьяный, – сказал Егор. – Просто… Ну понимаешь.

– Позор, – коротко сказала Сашка и подумала, что за несколько минут до происшествия на реке сама смотрела на мостик, примериваясь. В чашках запузырился кипяток, сухие липовые цветки начали стремительно набухать, над столом поплыл замечательный запах.

– Здорово, – Егор принюхался, его ноздри вздрогнули. – Саш… А кроссовки ты зачем сняла? Там, на берегу?

Сашка поставила чайник на место. Сняла с полки сахарницу с отбитой ручкой.

– Честно говоря… А что мне было делать? Хотела, наверное, за вами нырять… Спасать, – она криво улыбнулась, не глядя на Егора.

– Спасибо, – помолчав, сказал Егор.

– Да за что?

Егор придвинул к себе чашку, положил ладони на теплый фаянс.

– Это Степка. Задолбал со своими истериками… Каждый день вещи собирает, домой, говорит, еду! Каждое утро разбирает опять. Послал матери телеграмму… Мать перенервничала, только о нем и думала, наверное, и вот – улицу переходила, под машину попала, теперь в больнице лежит с сотрясением. У Степки еще брат есть, старший… Я с ним по телефону говорил. Он говорит – Степка с детства истерики закатывает, мать пугает. Из пионерлагеря письмо прислал, что их крысятиной кормят… Вот. Брат-то думает, что он опять выламывается, придумывает всякое, не хочет в самостоятельную жизнь, хочет у мамы под крылышком. А я… понимаешь, Саш, я-то брата Степкиного слушаю – по телефону… И поддакиваю! Да, говорю, у нас хороший вуз, нормальные условия… Понятно, конечно, общага – это не дома… А Степке говорю потом: что же ты делаешь, идиот. Мать пожалей хотя бы. А он… Видишь как.

– Вижу, – сказала Сашка. – Он учится?

– Какое там! Наша препод по специальности, Ирина Анатольевна, его на каждом занятии дрючит, докладную обещает подать куратору…

– «Обещает», – горько повторила Сашка. – Я один только раз занятие пропустила… случайно. А наш Портнов сразу докладную написал. И… – Сашка махнула рукой. – Скажи этому Степке, что если не сдаст зимнюю сессию…

Она запнулась. Не хотелось вслух говорить то, что вертелось на кончике языка.

– Ты здорово его вытащил, – улыбнулась, меняя тему. – И откачал лучше любой «Скорой». Где научился?

* * *

Они сидели на кухне часа два с половиной. Егор прогулял философию и математику. Кто-то приходил, уходил, курил, смеялся, пахло подгоревшим молоком; Егор уверял, что липовый чай, и только он, спасет его от неминуемой простуды, поэтому они выпили еще по чашечке, и еще, и еще.

Его родители были врачи «Скорой помощи». Он сам собирался стать врачом. Даже успел проучиться два года в медицинском, когда появилась Лилия Попова, его куратор, и перечеркнула все планы на будущее.

Сашка слушала и кивала. По рассказу Егора выходило, что Попова ничем не лучше Коженникова. Всего лишь за одно лето ей удалось убедительно доказать взрослому, уверенному в себе Егору, что мир устроен совсем не так, как он до сих пор думал. И что у него нет другого пути, кроме как бросать медицинский, где он два курса отучился на «отлично», и ехать в неизвестный городишко, в непонятный институт – первокурсником.

– Родители были в шоке… Но понимаешь, какое дело, у отца как раз пошел один проект… Это означает, если все получится, что у него будет своя клиника. Он сейчас в Германии, поехал еще в августе, решается вопрос с финансированием… уже почти решился… Дело всей его жизни, понимаешь. То, что случилось со мной, он воспринял… просто как выходку. Ну, попала вожжа под хвост.

– А у меня мама замуж вышла, – сказала Сашка. – Сейчас ребенка ждет.

– Да?!

– Да, – она опустила глаза. – Я вот что думаю. Наши близкие получают… аванс, когда мы сюда попадаем. Удачу… счастье. Им становится не до нас.

Егор долго молчал.

– Знаешь, – сказал наконец. – Я столько сил положил на то, чтобы они ни о чем не догадались… Я не могу сказать, что моим родителям «не до меня»!

– Конечно, – сказала Сашка примирительно. – У меня с мамой то же самое.

На кухню вошла Женя Топорко. Очень подозрительно поглядела на Сашку и Егора, взяла с полки два стакана, вышла, оглянувшись на пороге.

– Чего они от нас хотят? – тихо спросил Егор. – Чему они нас учат, ты-то знаешь?

– Не знаю, – сказала Сашка. – Мне на первом курсе тоже казалось: уж второкурсники должны-то знать. Нет. И третьекурсники не знают… Во всяком случае, до переводного экзамена. А потом их нет, и нельзя спросить.

Егор вдруг улыбнулся:

– Ты совсем не страшная.

Сашка поперхнулась:

– Я?!

– Знаешь, как наши девчонки тебя боятся?

– Меня?

– Ну конечно. Иногда так посмотришь… глазами стрельнешь… Вика и Лена поначалу боялись с тобой спать в одной комнате.

Сашка рассмеялась:

– Они правы. Ходят теперь, собирают свои туфли на газоне…

Они хохотали во все горло, сидя над чашками с остывшим чаем, когда в кухню вошел угрюмый Костя.

И сразу же вышел, не сказав ни слова.

* * *

В четыре часа Сашка вспомнила наконец, что у нее индивидуальные с Портновым. Торопливо распрощалась с Егором, натянула джинсы и свитер, подхватила сумку и бегом бросилась в институт. Портнов внимательно выслушал заученную Сашкой белиберду, посветил ей в глаза бликом от своего перстня и сделал строгий выговор: Сашка, по его мнению, читала параграф мало, а учила плохо, поэтому на следующее занятие ей предстоит, кроме обычного материала, сделать еще три штрафных упражнения.

Сашка молча согласилась. Упражнения больше не внушали ей ужаса, а Портнов был прав: увлеченная липовым чаем, она, конечно, недоучила. С другой стороны – если она не сдаст зачет Стерху, помогут ли ей успехи в классе Портнова?

– Кстати, Самохина, как оценивает ваши знания Николай Валерьевич?

Вопрос застал ее уже в дверях. Сашка нехотя обернулась: Портнов сидел за преподавательским столом, лампа дневного света отражалась в узких стеклах его очков.

– Нормально, – сказала Сашка сквозь зубы.

* * *

Почти совсем стемнело. Вся усталость этого дня навалилась на Сашкины плечи, стоило ей выйти из аудитории. Завтра занятие со Стерхом; завтра опять оправдываться, лепетать, и снова слушать, слушать отвратительную тишину, и бороться с ней, зная, что бороться не смеешь…

– Сань, тебя искали твои девчонки! – Оксана несла по коридору шипящую яичницу на сковородке. – Вика с Ленкой. Ты ключ утащила, что ли?

– Ну да. – Сашка отперла свою комнату.

– У тебя там что, дедовщина? – Оксана смеялась.

Сашка не ответила, закрыла дверь, но запирать, подумав, не стала. Собравшись с силами, вытащила из ящика плеер. Включила автоматический повтор первой дорожки. Стиснув зубы, надела наушники и повалилась на кровать.

Наступила тишина.

Через полчаса распахнулась дверь; ворвались Вика и Лена с башмаком, кроссовкой и туфлей наперевес. Сашка видела, как разеваются их напомаженные рты, видела даже пломбы в зубах. Кажется, они орали, кажется, даже грозили. Сашка смотрела сквозь них и слышала только тишину.

Через несколько секунд соседки отступили. Может быть, испугались. Ушли из комнаты. Сделалось пусто.

Была тишина. Жуткая. Небытие. Сашка боялась моргать: потолок в трещинках, паутина в углу и железная спинка кровати оставались единственным, что привязывало ее к существующему миру. «Ничто материальное не имеет большой ценности. Все, что действительно ценно, – вне материи…»

А теплая ладонь? А запах? А липовый цвет?!

Тишина длилась и повторялась сначала. Сашка потеряла счет времени. Окончательно стемнело за окнами, соседки вернулись, включили свет и выключили снова, кто-то еще приходил и уходил; тишина давила на барабанные перепонки.

Наступила полночь – как далекий удар барабана.

Сашка встала. Сунула плеер за пояс. Наушники будто приросли, сделавшись частью ее головы; общежитие еще не думало ложиться, везде горел свет, там, наверное, слушали музыку и пели, может быть, громко смеялись, но Сашка не слышала.

Комната Егора, номер двенадцать, была на первом этаже. Сашка стукнула в дверь согнутым пальцем. Потом кулаком. Потом потянула дверь на себя – она не была заперта.

Егор сидел в комнате один. Горбился над текстовым модулем.

– Послушай… – начала Сашка, но не услышала своего голоса и замолчала. Егор толчком отбросил учебник, кинулся к Сашке, что-то спросил; она не услышала. Тишина ломилась в ее душу, и все Сашкины силы шли на то, чтобы не впустить ее.

Тогда Егор погасил в комнате свет.

Сашка не ожидала. Оказаться в тишине и одновременно в темноте – это было слишком; она хотела сдернуть наушники, но они так прижались к ушам, что Сашка перестала различать, где поролон – и где ее собственные ушные раковины.

В этот момент Егор ее обнял.

Мир свелся к прикосновению.

Сашка обомлела. Егор тяжело дышал, она ощущала, как движутся его ребра, вздымаются и опадают. Может быть, он заболел, может быть, у него поднималась температура, а может, сам по себе он был такой горячий, раскаленный, будто батарея; они прижались друг к другу, прилепились, как две пластилиновые фигурки. Плеер болтался между ними, но каким-то чудом продолжал работать, продолжал заливать Сашку тишиной. Егор обнимал ее, обволакивал, она почувствовала его вес, его силу, и тишина оборвалась вдруг – дыханием, стоном, чьим-то фальшивым пением под гитару, далеким звоном разбитого стекла…

В плеере сели батарейки.

* * *

Утром, в семь часов, Сашка стояла под горячим душем в гулкой душевой на втором этаже. С потолка падали тяжелые капли конденсата. Вода убегала в сток, уносила пену, закручивалась воронками. Сашка то улыбалась, то хмурилась, то слизывала с подбородка слезы.

На первую пару они с Егором явились, не разжимая рук. На Сашке красовалась зеленая мужская рубашка, сохранившая запах его одеколона. В холле, на глазах у всех, они обнялись, поцеловались и разошлись в разные стороны: Егор – к Ирине Антоновне, которая вела у них на курсе специальность. Сашка – на занятие к Стерху.

Горбун встретил ее внимательным взглядом. Сашка внутренне напряглась, ожидая, что он скажет; Стерх поздоровался, как всегда, приветливо, и предложил Сашке надеть наушники.

Чужое молчание поднялось, затопив Сашку сперва по горло, а потом и с головой. Перехватило дыхание. Горбун неслышно шевелил губами, Сашка смотрела на него, чувствуя, как дерет по коже мороз и волосы поднимаются дыбом.

Трек закончился. Сашка поспешно нажала на «Стоп». Николай Валерьевич прошелся по аудитории, остановился у окна, за которым опять накрапывал дождь.

– Я вижу, что вы пытались, Саша. И вижу, что вам в самом деле трудно… Да, девочка. Задали вы мне задачу.

Он казался обеспокоенным и печальным.

* * *

– Поздравляю, – сказала Лиза Павленко. Она курила в женском туалете, стряхивая пепел в умывальник.

– Спасибо, – механически сказала Сашка, думая о горбуне и о зачете.

– По зову сердца? Или по требованию учебной программы?

Сашка на секунду замерла. Медленно оглянулась через плечо.

– Что ты имеешь в виду? – спросила очень холодно и очень тихо.

Лиза выпустила струю дыма под потолок – будто пытаясь дотянуться до пожелтевшей, в разводах сырости штукатурки.

– Не стесняйся. Не ты одна с такой проблемой. Вон, Юлька Гольдман до сих пор ищет дефлоратора. Правда, она не лучшая студентка на курсе, ей можно и не спешить…

– Славно, что у *тебя* такой проблемы не возникло, – проговорила Сашка, глядя на Лизу в зеркало.

Их взгляды встретились где-то на мутноватой грани между стеклом и явью. У Лизы были красные, воспаленные глаза: наверное, от дыма.

* * *

– Группа «А», закрыли книги и все посмотрели на меня… «Все» – это значит и Ковтун тоже. Вот так, спасибо. В связи с тем, что половина группы не справляется с текстовым модулем, назначаются дополнительные индивидуальные занятия в субботу после обеда. Являться на них будут те, кого я назову, с выученными назубок параграфами. Завтра, в субботу, я жду на дополнительные занятия Бирюкова, Онищенко, Бочкову, Мясковского. До звонка тридцать секунд, у кого есть вопросы?

Костя поднял руку. Женя Топорко, сидевшая рядом, почему-то покраснела.

– Что, Коженников?

Костя встал, нервно пощелкивая шариковой ручкой.

– У меня есть объявление.

– Для меня? – удивился Портнов. – Для группы?

– И для вас, и для группы, – Костя заметно нервничал. – Мы с Женей решили пожениться. У нас приняли заявление в местном ЗАГСе… Короче говоря, скоро будет свадьба, и я… мы хотим всех пригласить.

Кто-то свистнул, так что задрожало стекло. Кто-то зааплодировал. Аудитория наполнилась удивленным и одобрительным гулом, Сашка ловила на себе откровенно любопытствующие взгляды.

Женя сидела очень прямая, красная и смотрела на Портнова – с вызовом, как показалось Сашке. И Сашка тоже перевела взгляд на Портнова; ей вдруг подумалось: а что, если он запретит им жениться?!

Гул в аудитории постепенно стих. Прозвенел звонок, но никто не двинулся с места. Портнов стоял у доски, сунув руки в карманы джинсов, покачиваясь с носка на пятку и как-то странно, очень безмятежно, разглядывая Костю и Женю.

В аудитории воцарилась привычная тишина.

– Спасибо, что поставили в известность, – ласково сказал Портнов. – Дело молодое, совет да любовь, и прочие радости. Единственная тонкость, о которой я должен вас предупредить, – студентка, вздумавшая забеременеть до получения диплома, будет вынуждена сделать аборт по медицинским показаниям. Да, это не считая проблем с куратором… Все ясно, молодожены?

Женя покраснела теперь уже до свекольного оттенка, на глазах у нее выступили слезы. Сашка поймала себя на мимолетном удовлетворении.

– Все свободны, – буднично сказал Портнов. – Самохина, останьтесь.

– А почему?! – ни с того ни с сего, неожиданно для себя, очень громко и истерично выкрикнула Сашка.

Взгляд Портнова – и удивленные взгляды однокурсников – заставили ее опомниться и поскорее взять себя в руки.

– Потому что я кое-что должен тебе сказать, – все так же буднично сообщил Портнов. – Группа «А», живее, вы опоздаете на физкультуру.

Широко распахнулась дверь. Сашка успела увидеть снаружи, в холле, Егора, который ждал ее. Он будет ждать, даже когда прозвенит звонок и начнется следующая пара; нервно сжимая ручку сумки, Сашка смотрела, как однокурсники цепочкой вытягиваются из аудитории.

Последним вышел Коротков и прикрыл за собой дверь.

– Иди сюда, – сказал Портнов.

Она подошла к преподавательскому столу, мысленно перебирая все поводы и проблемы, которые могли бы дать им с Портновым тему для разговора.

– Вот что, Самохина… Как залетают глупые девочки, знаешь?

Сашка втянула воздух, будто испорченный водопроводный кран.

– А вам… что за дело?

– А кто тебе будет давать советы? Мама? Папа? Дай-ка руку.

Твердыми пальцами он взял Сашкино запястье, поддернул рукав ее свитера и налепил на тыльную сторону руки, чуть ниже локтя, переводную картинку, фальшивую «пляжную» татуировку: улыбающаяся мордочка размером с копеечную монету.

Сашка выдернула руку. Уставилась на картинку; та прилипла прочно, будто приросла. Мордочка, только что прозрачная, теперь наливалась желто-морковным цветом.

– Это простейший тест. Когда тебе можно, он зеленый и желтый. Когда он красный, тебе категорически нельзя, и не говори потом, что тебя не предупреждали.

Сашка перевела взгляд на Портнова. Тот, откинувшись на спинку стула, протирал очки подолом клетчатой рубашки навыпуск.

– Свободна, Самохина. Иди, твой мальчик тебя заждался, – Портнов обнажил в ухмылке зубы.

Уже выходя, Сашка позволила себе хлопнуть дверью. В последний момент решимость пропала, но хлопок, какой-никакой, все-таки получился.

* * *

Бегая на физкультуре по кругу, наклоняясь и приседая, бросая мяч в кольцо, Сашка вернула себе подобие душевного равновесия. Костя женится на Топорко? Прекрасно, разве не она, Сашка, подала ему хороший совет? Дело молодое, как говорит Портнов.

Зеленую рубашку Егора она не сняла даже на физкультуре. На правой руке, под рукавом, едва чувствовалась наклейка. Отрабатывая баскетбольную передачу под руководством Дим Димыча, Сашка призналась самой себе: Портнов прав. В свои восемнадцать она была непростительно инфантильна и несведуща в «бабских» вопросах. А мама далеко… Не с Лизой же о таких вещах советоваться?!

С другой стороны, Портнов…

Как он догадался? Что ему за дело до Сашкиной личной жизни?

Но и Лиза ведь догадалась. А Сашка и Егор ничего не скрывали. Наоборот – они выставляли свою любовь напоказ.

Зеленая рубашка Егора начала ее стеснять.

Костя и Женя сидели на скамейке бок о бок, как воробьи на проводе. Вот к ним подсела Аня Бочкова, что-то быстро говорит, смеется… Сашке показалось – или говорят о ней? О них с Егором?!

Мяч глухо ударился о баскетбольный щит, прокатился по краю кольца и вывалился наружу. Костя выбрал свою судьбу, а она, Сашка, выбрала свою.

И это тем более бессмысленно, что до зимней сессии остается без малого три месяца.

* * *

Очередное занятие со Стерхом обернулось кошмаром. Сашка не выдерживала напряжения; чужая тишина лезла в ее душу, и горбун был на стороне этой неслышной, липкой, тяжелой твари. Сашка больше не пыталась впустить ее и не пыталась отторгнуть – она зависла, будто сведенная судорогой, между двумя пропастями. Ей казалось, что занятие длится много, много суток.

Наконец Стерх покачал головой и снял с нее наушники.

– Саша… Ничего, не надо падать духом. Не надо падать духом…

Он уселся за стол и долго молчал. Сашка, мокрая и едва живая, смотрела за окно, на улицу Сакко и Ванцетти, но видела только свое отражение в стекле. Стемнело; Стерх всегда ставил ее фамилию последней в списке индивидуальных занятий.

– Возможно… Нет. Мне нужно посоветоваться. Идемте, Саша.

Индивидуальные с Портновым еще не закончились. Когда Стерх открыл дверь тридцать восьмой аудитории, Сашка увидела Лору Онищенко, стоящую посреди аудитории, упершую неподвижный взгляд в стену напротив. Лора никак не отреагировала на появление новых людей в аудитории – напряженная, с выпученными глазами, она выглядела одновременно смешно и страшно. Сашка отвернулась.

Стерх кивнул Портнову. Тот жестом попросил обождать. Лора с шипением втянула в себя воздух и закашлялась.

– Сейчас начнем еще раз, – холодно пообещал Портнов. – Готовьтесь.

– Я работала…

– У меня еще есть надежда в этом убедиться. Минута у вас есть. Выйдите и сосредоточьтесь.

Лора вышла, не поднимая глаз. Портнов перевел взгляд с Сашки на Стерха и обратно.

– Проконсультируй, – коротко попросил горбун.

Портнов протер свой перстень краем свитера. Кивнул Сашке. Та подошла. Острый луч – острее, чем обычно, – полоснул ее по глазам.

– Не катит, – сказал Портнов. – Вряд ли.

Стерх вздохнул:

– Ну хорошо… Допустим, ты прав.

– Неделю еще можно покуражиться, – пробормотал Портнов, будто раздумывая. – Но я бы перестроил сейчас.

– Понятно, – сказал горбун. – Сашенька, будьте добры, поднимитесь в четырнадцатую, я сейчас приду.

В коридоре четвертого этажа было почти темно. Сашка нащупала выключатель, вошла в аудиторию, уселась на свое место и улеглась головой на стол. Казалось, прошла секунда; Сашка вскинулась, как от толчка.

– Спите? Конечно, вы ведь недосыпаете… Сашенька, я ошибся в вашем профопределении, у вас другая природа, другая судьба, а я обманывал себя и вводил в заблуждение вас… Жаль… Ну ладно, не будем об этом. Вот что попробуем сделать: отложите плеер, не прикасайтесь к нему больше. Мы попробуем другой подход, совершенно другой.

Форточка, чуть приоткрытая, впускала запах дождя и шелест последних листьев. Там, где над деревом светит фонарь, листья живут дольше. Сашка заметила это еще в прошлом году.

– Я дам вам… – Николай Валерьевич рылся в своем черном «дипломате», – я дам вам вот такое пособие.

Он вытащил и положил на стол альбом в мягкой обложке, форматом похожий на глянцевый журнал, но совершенно черный.

– Мы можем попробовать прямо сейчас? У нас еще есть время. Возьмите, Саша, откройте на первой странице.

Она послушно открыла альбом. Внутри не было ничего, кроме черных, как старинная копирка, листов. Сашка потянула носом: ей показалось, что она слышит запах типографской краски. «В черном-черном городе, на черной-черной улице стоит черный-черный дом…»

Кто-то, может быть, улыбнулся бы. Но не Сашка.

– Страница два, – сказал горбун. – Фрагмент номер один. Вы видите в центре его три белые точки… Видите?

Сашка кивнула. Картинка выглядела как известное произведение Малевича, подпорченное тремя каплями белой масляной краски.

– Внимание, Саша. Три точки – это «якорь» для вашего взгляда, для направления ваших мыслей. Вы должны смотреть очень внимательно, задержав дыхание, медленно считая про себя до десяти… Сделайте сейчас, а я проверю.

Три белые точки казались двумя глазами и круглым ртом. Ни о чем не думая, а только ожидая конца занятия, Сашка набрала в грудь воздуха и перестала дышать. «Один, два, три…»

Три точки ринулись ей навстречу, оказавшись прожекторами поезда в тоннеле. На мгновение возник пейзаж – объемный, четкий. Сашка увидела арочные мосты, проникающие друг в друга, далекие зубчатые горы, тоннели, похожие на переплетенные сухожилия; ей не хватало, не хватало кислорода, очень хотелось вздохнуть, но почему-то было нельзя. Сделалось совсем темно, потом перед глазами проявились аудитория, преподавательский стол и горбун над открытым «дипломатом».

Сашка схватила воздух ртом, как ныряльщик, едва не захлебнувшийся. И задышала, то и дело сглатывая горькую слюну, а черный альбом лежал перед ней на столе, раскинув страницы, будто приглашая повторить опыт.

– М-да, – с сомнением сказал Николай Валерьевич. – Не совсем то, чего я хотел бы… Но это уже работа, Саша. Это уже намек на развитие, пусть и скромный. Пожалуйста, возьмите этот альбом и очень тщательно – как только сумеете – поработайте с фрагментом номер один. В идеале – я очень хотел бы, – чтобы вы довели задержку дыхания до двух минут. На счет «сто двадцать».

* * *

– Я должна сдать этот зачет, – говорила Сашка вслух. – Я должна сдать этот зачет!

И открывала альбом, выданный горбуном. Страницы были пронумерованы, черные поля – «фрагменты» – были пронумерованы тоже, и только по номерам их можно было отличить один от другого. В центре каждого белели три точки, будто три звезды или три дырки в темной ткани.

– Я должна сдать, – бормотала Сашка и, задержав дыхание, фокусировала взгляд на трех белых точках. «Один, два, три, четыре…»

Все сливалось перед глазами, а потом прояснялось снова. Из темноты проступали резкие, странные очертания. Сашка видела город, острые пики крыш, пересечение линий и проводов; плоские существа, коричневые, как кофейная гуща, прыгали по ним, будто блохи по немытым волосам.

Похожие на крестики, проставленные толстым коричневым фломастером в списке покупок, они подергивали ножками, изгибались и двигались рывками. Сашка не смогла бы объяснить, почему ей так омерзительны эти существа, но всякий раз при их появлении передергивалась от гадливости. «Тридцать один. Тридцать два. Тридцать три»…

На счет «шестьдесят» коричневые крестики-насекомые замечали, что за ними наблюдают. Они видели либо чуяли Сашку, они подбирались ближе, к самым глазам, а она не могла отдернуть голову.

Позади на черном листе разворачивались графически четкие пейзажи: горы, арки, дома и башни, прекрасный и жуткий город. Масляно блестела мостовая – как поверхность аспидно-черного кукурузного початка. От фрагмента к фрагменту отдаленный пейзаж менялся, наполнялся деталями, становился объемнее, но и кофейно-коричневых крестиков собиралось все больше. Они кидались на Сашку, как стая оголодавших клопов. Лишенная рук, не имея возможности дышать, она отгоняла их как могла: напряжением. Взглядом. Иногда стонала над альбомом, приводя в ужас соседок по комнате.

– Я должна сдать этот зачет!

– Ты сама на себя не похожа, – тихо говорил Егор.

Сашка выучила его расписание. Каждый день она являлась в столовую, держа Егора за руку. Она переносила все его рубашки и свитера. Она целовалась с ним при всех, будто в последний раз. Она бесстыдно изгоняла соседок из комнаты и занималась любовью с Егором, заперши дверь на ключ – и на ручку от швабры.

Потом Егор, натянув спортивные штаны, выскальзывал из комнаты и уходил к себе, а Сашка лежала целую ночь без сна.

Она должна сдать этот экзамен.

Или умереть.

* * *

В конце ноября Костя и Женя расписались-таки в ЗАГСе и сыграли «студенческую свадьбу» в маленьком ресторанчике неподалеку от института: водка, минеральная вода, бутерброды с колбасой и сыром, бесконечные банки с солеными огурцами. Приглашены были все однокурсники, каждый мог привести с собой не более одного человека. Сашка привела Егора. Лиза не пришла совсем.

На свадьбе Сашка впервые увидела мать Кости – рано постаревшую полную женщину, суетливую, с резким голосом. И подумала о Фарите Коженникове, который был мужем этой женщины и бросил ее… Или они расстались по обоюдному желанию?

И еще ей не давала покоя одна мысль: как Костина мать не замечает, не видит, что с институтом, где учится ее сын, не все в порядке? Или, если взглянуть со стороны, подвоха не разглядеть?

Сашка пыталась поставить себя на место этой женщины: сын, которого иначе забрали бы в армию, перешел на второй курс провинциального вуза и женился на однокурснице. Все в порядке. Все естественно. На третьем курсе сын изберет специализацию, и его мать в шелковом платье, слишком плотно облегающем расплывшуюся фигуру, надеется, что он выберет «экономический уклон»…

Сидя на коленях Егора (места за столом было предостаточно, но Сашке было важно именно так сидеть за Костиным свадебным столом), она думала о том, что на ее глазах полсотни молодых людей разыгрывают спектакль для единственной женщины. Все сидящие за столом – второкурсники, третьекурсники, даже первокурсник Егор – знали, что Костя никогда не станет «экономистом». Но – играли свадьбу как по нотам. Произносились тосты, играла музыка, розовощекий голосистый юморист, приглашенный на роль тамады, рассказывал анекдоты, иногда смешные, пел караоке и приглашал петь всех желающих. Сдвигались стаканы и рюмки, и Костина мать целовала новоявленную невестку, вытирала слезы платочком и желала «сынуле» счастья…

Костя в новеньком черном костюме выглядел нескладным и напыщенным. Казалось, он ждет не дождется, когда свадьба наконец закончится. Жене очень мешала тюлевая фата; девушки «в кулуарах» обсудили платье и нашли его безнадежно провинциальным. Женя обиделась.

В разгар веселья, когда пол дрожал под ногами танцующих, а в воздухе плотной пеленой висел табачный дым, Сашка с Егором наконец улизнули. В старом парке шел дождь, все листья облетели и лежали теперь под ногами зыбким слипшимся половиком.

Сашка с Егором долго шли молча под одним зонтом.

– Я думал, все напьются, – сказал Егор.

– Нам Портнов пить запрещает. Что-то связано с этим… с метаболизмом.

Снова замолчали. Дождь вкрадчиво постукивал по перепонкам зонта.

– Сашка… давай сбежим вместе из института.

– Что ты сказал?

– Давай. Сбежим. Вдвоем. Заработаем денег или украдем. Купим билеты на самолет. Разве они нас достанут?

Подсвеченные старинными фонарями, летели сквозь ночь холодные капли. Сашка шла, вцепившись в его локоть, и думала.

Если она завалит зачет Стерху… А она его, кажется, все равно завалит, хоть по стенке размажься…

Что ей терять?

Она помотала головой, будто пытаясь вытрясти из нее болезненные мысли. У Егора, насколько она знала, по специальности все в порядке, он-то свой зачет сдаст…

– Спасибо, что предложил, – сказала она.

Они миновали алебастровую арку и вышли из парка на улицу Мира, откуда рукой было подать до Сакко и Ванцетти.

* * *

На другой день, в понедельник, Портнов сдержанно поздравил молодоженов и тут же предупредил, что никаких поблажек в учебе им не полагается.

– Медовый месяц переносится на каникулы! Кстати, где жить собираетесь? Квартиру снимать?

Костя промямлил что-то невразумительное насчет заявления коменданту общаги.

– Семейную комнату вам дадут только после зимней сессии, когда появятся места. До того – вертитесь как хотите, с милым рай и в шалаше. На этом торжественная часть закончена, всем раскрыть книги на странице шестьдесят три… Самохина, вы плохо выглядите.

– Училась всю ночь, – негромко предположила Лиза. – Новые позы разучивала.

– А хоть бы и так, – огрызнулась Сашка. – Тебе завидно, что ли?

* * *

Вернувшись со свадьбы, она всю ночь просидела над альбомом Стерха. Слова Егора – «давай сбежим» – звучали в ее ушах то громче, то тише, затихали и возвращались, будто эхо в пустом колодце. Егор – первокурсник, он не пережил ни единой сессии, он ничего пока не понимает. Пусть его куратор Лилия Попова, она, может быть, добрее Фарита Коженникова… Если здесь применимо слово «добрее». Но Егор просто не понимает, что именно он предложил Сашке, бредя с ней по лужам под одним зонтом.

Коричневые крестики-насекомые будто специально дожидались, пока Сашка откроет страницу и сосредоточится над фрагментом номер семнадцать. Суча и перебирая лапками, кинулись в глаза. Сашка закричала; Вика с Леной проснулись. Лена заплакала от страха, а Вика молча взяла одеяло и подушку и ушла спать на кухню на сдвинутых стульях.

* * *

– Саша, что вам на сегодня задано? Двадцать первый фрагмент? Вы работали?

Опять был понедельник. Накануне Сашка, как и обычно, звонила домой и разговаривала с Валентином. Мама делила свое время между больницей и домом; роды предполагались двенадцатого января. УЗИ показало: мальчик. Крупненький. Валентин был радостно взвинчен и сообщил Сашке, что коляску, кроватку и прочие необходимые вещи отправится покупать только после того, как все благополучно завершится.

– Это суеверие, – сказала ему Сашка.

– Это традиция! – фальшиво засмеялся Валентин. – Ну, как ты? Приедешь на каникулы, на брата посмотреть?

Сашка пообещала.

А сегодня с утра в институте вывесили расписание сессии. И Сашка узнала, что зачет по «Введению в практику» для группы «А» второго курса назначен на одиннадцатое. Одиннадцатое января.

Шел снег.

– Я работала, – сказала Сашка глухо. – Николай Валерьевич, я работала, честное слово. Я все делаю, как вы говорите. Я…

Сашка замолчала. Стерх поддернул рукав; на запястье у него, на кожаном ремешке, помещался вместо часов круглый металлический отражатель.

– Ну, давайте посмотрим, Саша, в каком состоянии ваш, гм, внутренний мир…

Резкий луч света, отразившийся на металле, заставил Сашку моргнуть. Горбун хмыкнул, закрыл браслет рукавом, провел ладонью по длинным седым волосам. Его обычно бледное лицо казалось серым.

– Не очень хорошо. Не очень… Что-то не так, Саша. Такое впечатление, что вы, с помощью вашей недюжинной воли, стараетесь избавиться от моего предмета.

– Нет, я работаю. Честное слово! Я все делаю.

На голые ветки лип за окном красиво падал снег. Внизу, по Сакко и Ванцетти, проехала грузовая машина.

– Саша, присядьте, пожалуйста.

Она села за свой стол у окна. Над батареей поднимался дрожащий воздух, а из щелей тянуло холодом. Между стеклами рамы коротала вечность большая дохлая муха.

– Когда я увидел вас в первый раз, я просто обомлел от радости, – признался горбун. – Мне показалось, у вас такой дар… Редкий, ценный… Невиданной силы и чистоты. А теперь я не знаю, что с вами делать. Ладно еще зачет… Пересдадите, в конце концов… Но ведь экзамен!

Сашка замотала головой:

– Я не могу на пересдачу! У меня…

Она осеклась. Горбун поднял руку:

– Я знаю, что вы не любите пересдач. Никто из вас не любит. Но экзамен тем и сложен, что пересдавать его нельзя, только с одного раза. С первого. И до него осталось чуть больше года, Саша. Ах, какая была надежда…

– Если я неспособная, – прошептала Сашка, – может, я вам не нужна в институте? Может, я здесь лишняя? Может, меня по ошибке приняли в институт, и теперь меня можно…

Она замолчала, боясь продолжать. Потому что против воли вдруг увидела картину: ее выпускают, а Егор остается здесь. Она может забыть Торпу как страшный сон и вместе с ней забыть и Егора…

Стерх за преподавательским столом ссутулился, отчего его горб сделался больше. Сашке показалось, что он смотрит на нее с интересом. Как будто идея, поданная студенткой, вовсе не так уж глупа.

– Вот что, Саша. Сегодня в шесть часов подойдите, пожалуйста, в учебную часть. Кое-что обсудим.

* * *

– Давай поженимся, – предложил Егор.

Они сидели на горе матов в спортзале. Егор только что помог Дим Димычу установить столы для настольного тенниса, девчонки-первокурсницы разобрали ракетки, и от стены к стене летало жизнерадостное «пинг-понг».

Сашка сидела, будто не слыша его. И только когда он готов был обидеться – на подобные предложения люди, как правило, хоть как-то должны реагировать, – обернулась и очень внимательно посмотрела Егору в глаза:

– Зачем? Разве нам плохо так?

Егор растерялся.

– Ну как – зачем… Зачем люди женятся?

Стучали теннисные шарики. Целлулоидная капель.

– Сегодня в шесть Стерх меня ждет в учебной части, – сказала Сашка.

– И… что?

Сашка набрала в грудь воздуха – и выдохнула снова. Ее надежда ни на что не опиралась – ни на что серьезное. Просто хотелось, страшно хотелось надеяться. Если я вырвусь, то наверняка освобожу Егора, думала Сашка. Только выбраться. Только пусть скажут: мы ошиблись. В тебе нет таланта к нашей специальности, поезжай домой.

Сашка видела мысленным взглядом, как горбун печально качает головой и говорит эти слова. И Портнов протирает очки подолом рубашки навыпуск. И она, Сашка, делает вид, что страшно удручена, идет, и собирает вещи, и возвращается домой…

– А потом? – спросил Егор.

Сашка вздрогнула, как будто он прочитал ее мысли:

– Что – потом?

Егор положил ей руку на плечо:

– Сашка. Я тебя люблю. Я… После шести ты ведь освободишься?

Сашка автоматически поддернула рукав спортивной куртки. Улыбающаяся рожица была ярко-красной, будто от сильного стыда. Сашка натянула рукав на ладонь. Зябко поежилась.

– Егорка, я ничего сейчас не знаю. Давай решим… после.

* * *

Ровно в шесть часов она стукнула в дерматиновую дверь с табличкой «Учебная часть». Потянула ручку на себя – и заглянула внутрь.

Раньше она бывала здесь только один раз. В длинной комнате по-прежнему стояли диваны вдоль стен, вешалка с чьими-то пальто, но голого манекена, как в прошлый раз, не было. Здесь разговаривали Портнов и Стерх; Портнов курил, уже, по-видимому, не первую сигарету: под потолком тянулись сизые пряди дыма.

– Самохина, подожди, – резко сказал Портнов.

Сашка вышла. Прислонилась к стене и обхватила себя за плечи.

Остановить фантазию не представлялось возможным. Стерх уговаривает Портнова отпустить Сашку. Признать профнепригодной и отпустить. Сейчас она войдет, и ей велят написать заявление…

В первый же день занятий на первом курсе Портнов сказал, что из института не уходят по собственному желанию. Но не бывает ведь правил без исключений. Не бывает! Они так рассчитывали на Сашку, а вот – осечка. Разумеется, тяжело признавать собственные ошибки…

Время шло, никто ее не звал. Сцена, в которой Портнов и Стерх отпускают ее на волю, прокрутилась перед глазами, будто кино, пять или шесть раз – и стерлась, вылиняла, потеряла убедительность. Разве они дураки, чтобы вот так, до половины «переработав» Сашку, терять над ней контроль, дарить свободу?!

Она поверила в невозможное. Как ребенок верит, что на Новый год ему подарят живого пони. Эти двое спорят, скорее всего, что теперь делать с Сашкой, каким путем ее, негодный материал, утилизировать.

Подземный коридор уходил в полутьму. Справа и слева виднелись двери, обитые дерматином, а кое-где, наверное, кожей. Возможно, под этим коридором есть еще один, и еще; может быть, третьекурсники после зимней сессии – а также четверокурсники и дипломники – живут и учатся в подземелье?

А может, вдруг пришло ей в голову, нет никаких четвертых и пятых курсов? Может быть, «переводной экзамен» – всего лишь… жертвоприношение?! Жертвы, подготовленные определенным образом, входят в актовый зал – и больше никогда оттуда не возвращаются…

Ей представился конвейер, вроде эскалатора в метро, тянущий третьекурсников, одного за другим, на алтарь. В руках у каждого зачетка; мерно опускается и взлетает истыканная шипами дубина. Еще живые, с переломанными костями, студенты скатываются с алтаря вниз, в мясорубку, и кровавые кляксы на страницах зачеток складываются в слова: «Зачтено. Три». «Зачтено. Пять…»

Распахнулась дверь учебной части.

– Самохина, иди, – сказал Портнов, выходя с сигаретой в коридор.

И, ничего не прибавив, ушел в темноту.

Сашка стояла не шевелясь. Эти двое что-то решили; возможно, ее, Сашку, отправят на «экзамен» прямо сейчас.

– Саша, – послышался изнутри голос Стерха. – Заходите, пожалуйста. Уже четверть седьмого.

Сашка вошла.

Горбун закрыл за ней дверь. Он казался еще печальнее и бледнее, чем обычно. Горб, судя по всему, очень ему мешал – расхаживая по узкой длинной комнате, Стерх то и дело нервно поводил плечами.

Сашка остановилась у двери. Горбун, в последний раз пройдясь к окну и обратно, остановился тоже.

– Значит, так… Саша. Я только что говорил по телефону с Фаритом Коженниковым… Не пугайтесь, речь идет о том, чтобы вам помочь. Вы не справляетесь с учебной программой, сессия на носу, время работает против вас. Фарит подсадит вас на колечко, это единственный способ как-то вас поощрить… подтолкнуть… Но в целом все зависит, конечно, от вашей решимости, настойчивости… Что с вами?

Сашка молчала. Ей было тяжело дышать.

– Сашенька, – горбун подошел, с беспокойством вглядываясь ей в глаза, – да что же вы… испугались?

Он был выше ее на две головы. Высоченный. В черном костюме, оттеняющем пепельное лицо. Сашка отступила.

– Да вы не поняли, о чем я говорю! Это всего лишь временное кольцо, обычное дело, можно сказать рутина. Сегодня шестнадцатое декабря, и завтра для вас будет шестнадцатое, и послезавтра… вы останетесь в этом дне столько, сколько нужно будет для работы. Я договорился с Олегом Борисовичем – он разрешает вам не заниматься в этот день ни модулем, ни упражнениями. Только практика. Только наше с вами занятие. Что в этом страшного?

– Но я не хочу, – сказала Сашка в панике. – Я… а если я *никогда* не смогу… я ведь даже не понимаю, чего вы от меня хотите! Какого результата!

– Я хочу от вас честных усилий, – горбун посуровел. – Как любой преподаватель. А когда появится результат – вы первая его заметите.

* * *

Егора не было в коридоре.

Сашка выбрела на парадное крыльцо института и остановилась – без шапки, в расстегнутой куртке, вдыхая морозный воздух, выдыхая белый пар.

На карнизе чистой ватной лентой лежал снег. Сашка набрала его в ладони и вытерла лицо. Мимо прошли две пожилые женщины, поглядели странно; в городе нас считают наркоманами, вспомнила Сашка.

Ее жизнь съежилась, превратившись в один тяжелый бессмысленный день. Так уже было однажды; тогда сохранялась иллюзия, что Сашка по своей воле распоряжается временем. «Я хочу, чтобы это был сон!»

Проснуться бы на раскладушке посреди лета, два с половиной года назад. Проснуться бы.

– Саня! Наконец-то! Я думал, они тебя уморили!

По улице, залитой белым светом фонарей, шагал Егор. Под мышками у него были лыжи – две пары, новенькие, узкие, без креплений.

– Смотри, что выкинули в спорттоварах! По смешной цене! Они старые, еще советские, но смотри какие классные! Теперь такое знаешь сколько стоит?! Завтра куплю крепления, мазь…

– Почему же не утром? – шепотом спросила Сашка.

Егор удивился:

– Утром? Что?

– Жаль, что ты утром их не купил.

И она посмотрела на небо, на единственную звезду в прорехе белой тучи. Это был бы настоящий день… Они с Егором катались бы на лыжах, а потом он, раскрасневшийся, говорил ей: «Давай поженимся». Если из всей жизни выбирать один день для вечного повторения – почему не такой?

Егор присмотрелся внимательнее:

– Чего он от тебя хотел? Стерх?

– Значит, сегодня кататься нельзя? – спросила Сашка, не слушая.

– Сегодня? – Егор замялся. – Нет. Это завтра. А сегодня… Идем ко мне.

Сашка закрыла глаза. Прислонилась лицом к воротнику его куртки. Глубоко вдохнула теплый воздух – пар от его дыхания.

– Идем, – повторила, как в полусне. – Идем, Егорка.

* * *

Утром она проснулась в своей кровати, едва живая, разбитая, и первым делом спросила у Вики, подкручивавшей локоны щипцами для завивки, какое сегодня число.

– Шестнадцатое, понедельник, – хмуро ответила Вика. – А если хочешь орать во сне, так и стели себе в коридоре!

– Ага, – согласилась Сашка.

Вика бросила на нее удивленный взгляд через плечо. В комнате ощутимо запахло паленными волосами.

Первой парой была специальность. Сашка вошла в аудиторию последней, за пять секунд до появления Портнова.

– Здравствуйте, группа «А». Самохина, на сегодня я вас отпускаю. Ступайте.

У однокурсников вытянулись лица. Сашка внимательно посмотрела на Портнова; до его разговора со Стерхом еще почти целый день. Что, он *уже* знает о том, что Сашку «подсадили на колечко»?

Портнов кивнул ей, отвечая на незаданный вопрос и одновременно подгоняя:

– Идите, Самохина, не отбирайте время у группы!

Сашка ушла. Вернулась в общежитие, достала черный альбом Стерха и сконцентрировала взгляд на фрагменте номер двадцать один.

* * *

– Здравствуйте, Саша, как наши успехи?

– Никак.

– Не надо так пессимистично… Будь я восемнадцатилетней девушкой, я никогда не отчаивался бы, о нет… Вы работали с двадцать первым?

– Николай Валерьевич, – сказала Сашка. – Как вы это делаете? Если сегодня шестнадцатое число, то вы еще *не знаете*, что случится вечером!

Стерх рассеянно покачал головой:

– Сашенька, вы ребенок, выросший в красивой удобной комнате, вы понятия не имеете, что находится за ее пределами, вы думаете, что тиканье настенных часов – неотъемлемая характеристика времени как физического явления… Откройте альбом, и вместе попробуем обработать фрагмент двадцать два.

* * *

– Давай поженимся, – сказал Егор.

Звенели целлулоидные мячики, прыгая на столах, ударяясь об упругое покрытие ракеток. Лариса промахнулась, проиграла и выругалась матом. Дим Димыч, проходивший рядом, сделал ей строгое внушение. Лариса бросила ракетку и ушла в раздевалку.

– Неспортивно, – пробасил физрук. – Саша, не хотите поиграть?

Сашка мотнула головой.

– Ты что, не слышишь? – Егор обиделся. – Я говорю…

– «…давай поженимся», – закончила Сашка с тяжелым вздохом. – Давай.

– Похоже, что тебе каждый день кто-то делает предложение, – уязвленно сказал Егор.

– Извини, – пробормотала Сашка. – Это все Стерх… Знаешь…

– Что?

– Ничего, – Сашка взяла себя в руки.

– Приходи сегодня ко мне, – сказал Егор. – Степки не будет, Мишу попросим погулять…

Сашка взглянула на свою руку. Наклейка-рожица краснела маковым цветом, но чего бояться, если завтра никогда не наступит?

– Хорошо. Приду.

* * *

Она проснулась в своей кровати, уже ощущая запах жженых волос. Вика перегрела щипцы и теперь ругалась, счищая со стального зажима прилипшие к нему оплавленные волосинки.

– Через двадцать минут звонок! Ты идешь на специальность?

– Нет, – сказала Сашка и снова закрыла глаза.

Когда она снова открыла их, рядом стояли и Вика, и Лена.

– Чего вам?

– Не боишься?

– Да ну их всех, – сказала Сашка и перевернулась на другой бок.

* * *

– Здравствуйте, Саша. Вы работали? Давайте посмотрим…

Сашка зажмурилась от резкого света в глаза.

– Есть маленькая подвижка, – успокаивающе сказал Стерх. – Пока крошечная, но все-таки это работа. Работайте, Сашенька, не сдавайтесь. А сейчас сделаем вот что: вернемся к первому фрагменту и медленно, один за другим, пройдем все по порядку. Что ж, садитесь поудобнее, сосредотачивайтесь, смотрите на «якорь». У нас много времени, некуда спешить.

* * *

– Только не говори, что нам надо пожениться.

Егор хлопнул глазами:

– Сань… Ты чего?

– Разве ты не собирался мне сказать, что давай, мол, поженимся?

– Собирался, – тихо признался Егор. – Только… почему ты злишься?

– Я не злюсь, – сказала Сашка.

И про себя подумала: я схожу с ума.

* * *

Костя вошел на кухню, когда она отливала холодной водой только что сваренное яйцо. Вокруг было полно народу, кто-то ел, кто-то пил чай, мыл посуду или просто болтался – но Сашке сразу стало ясно, что Костя ищет ее. И вот – нашел.

– Тебя сегодня не было на специальности. Что случилось?

– Надоело всем объяснять. – Сашка вытащила яйцо из кастрюльки десертной ложкой. – Портнов разрешил мне сегодня не являться.

– Портнов?!

– А что такого? Я лучшая студентка на курсе, могу и отдохнуть немножко… Почему нет?

Она яростно колотила по яйцу ложкой, снимала скорлупу, будто вражеский скальп.

– Чего они от тебя хотят? – тихо спросил Костя. – Что они опять с тобой сделали?

Сашка подняла глаза. На кухне громко работало радио, на завтра обещали потепление, снег, порывистый ветер… Сашка подумала, как это здорово – иметь «завтра». Слушать прогноз погоды. Составлять расписание. Отрывать листки на календаре. Множество людей живут так изо дня в день – и даже не осознают своего счастья.

– Я в кольце, – сказала она Косте неожиданно для себя. – У меня все время один и тот же день. Они так сделали… *он* так сделал, чтобы я научилась… смогла… для Стерха выполнить задание. А я не могу.

Костя сел на табуретку, будто у него подкосились ноги.

– Поэтому Портнов разрешил мне не ходить… сегодня. Потому что у меня всегда сегодня.

Костя долго молчал.

– А как же, – сказал наконец. – Если я завтра приду в аудиторию… Разве там не будет тебя? *Завтра*?

– Не знаю. Ты ведь не можешь сходить на день вперед, вернуться и сообщить мне, что там.

Яйцо остывало на блюдце. Сашка опустила подбородок на сплетенные ладони.

– Я все это тебе говорю потому, что завтра… то есть сегодня с утра… ты все равно ничего не будешь помнить.

Костя помотал головой, будто отказываясь принимать всерьез такую вероятность.

– Да-да. Все сначала. Будешь удивляться, почему меня нет на паре. Может быть, еще раз спросишь… А я что-нибудь придумаю. Не объяснять же каждый раз, каждый день, до бесконечности…

Костя двумя руками взлохматил короткие волосы. Ожесточенно потер ладонью нос.

– А что ты должна сделать для Стерха?

– Долгая история. Сначала он дал мне плеер и диск с… треками. Не вышло. Тогда он дал мне альбом… с черными картинками. И я морочусь с этим альбомом. Такое впечатление, что *оно* в меня стучится, стучится, стучится… а я не пускаю.

– А *оно* хочет выломать дверь, – тихо сказал Костя.

– У тебя было что-то похожее?!

Костя огляделся. На кухне шумели, дымили, хохотали первокурсники. Не осталось ни одной свободной табуретки.

– Идем… куда-нибудь, где потише?

Они прошли в самый конец коридора и, спрятавшись за широко распахнутой дверью душевой, уселись рядом на подоконник.

– Стерх мне дал распечатку, – сказал Костя. – Такую, на ленте, длинную, вроде свитка. Велел читать вертикально – столбиками. Я начал… и похожая история случилась. Как будто ломится внутрь что-то чужое. Я закрылся. А оно – бам! – и дверь мою выломало… Или что там вместо двери… Вот. Потом это чувство гадостное исчезло, музыка слышится, приятно даже. Стерх меня хвалит… – Костя помолчал. – Все потому, что у меня воля слабая. У тебя – сильная. Так просто не вломишься.

– Он сказал, что я какая-то особенная, – пробормотала Сашка. – А потом – что ошибся и я как все… Тебе что-то подобное говорил?

– Нет. Знаешь, как он мягко стелет… «Очень хорошо, Костенька, на завтра вот этот столбик, что я пометил красным…»

Костя очень похоже изобразил Стерха. Сашка невесело усмехнулась.

– Чем я могу тебе помочь? – спросил Костя.

– Подойди ко мне завтра… то есть сегодня… вот так же. И снова спроси, почему меня не было на паре.

Костя повернул голову. По его взгляду Сашка поняла: он думает, что над ним издеваются.

– Я серьезно, – она потупилась. – Мне… не с кем поговорить.

– А Егор?

Сашка задумалась.

Не о Егоре. Сейчас, на стылом подоконнике продуваемого сквозняками коридора, она впервые поняла, что этот день, прожитый начерно, никто не будет помнить, кроме нее… и еще разве что Стерха с Портновым, но их здесь нет, и им нет дела до Сашкиной личной жизни. А значит, она может говорить Косте все что угодно. Все спишется. Все уйдет. Завтра утром Костя снова удивится и встревожится, почему Сашка не пришла на специальность.

– Если бы у тебя был день, который никак тебе не зачтется, ни в какие «ведомости» не пойдет… что бы ты сделал?

– Ограбил банк, – пробормотал Костя. – Знаешь, был такой фильм…

– Да, я что-то помню… мама вроде бы приносила кассету. И мы смотрели вдвоем. Еще без Валентина. Я тогда не знала… не думала, что это случится со мной.

По коридору прошла, шлепая тапочками, Аня Бочкова. Остановилась в двери душевой:

– Сашка, ты Портнова не боишься? Почему на специальность не ходишь?

– Мне разрешили, как лучшей студентке. – Сашка мельком взглянула на Костю.

Аня хмыкнула, вошла в душевую и закрыла дверь.

– Донесет Женьке, – сказала Сашка.

Костя ощетинился:

– Что именно донесет?

– Уж найдет что. Но это не имеет значения, потому что завтра начнется все сначала, и все переиграется по-новому… Послушай, ты говоришь, у меня сильная воля. А я ни на что не могу решиться. Пройтись по институту голой, напугать англичанку крысой, утопиться в проруби… Вот какие у меня дурацкие мысли. И ведь они неосуществимы. Потому что я должна и должна сдавать Стерху новые фрагменты. Он говорит: «Есть крохотная подвижка». Триста шестьдесят пять одинаковых дней, и крохотная подвижка превратится в маленькую подвижку. Десять повторяющихся лет – и мне разрешат сдавать первый зачет.

– Сашка, – тихо сказал Костя. – Я твой должник… Давай я тебе помогу.

– Как?!

В душевой приглушенно шумела вода.

– Ты меня прости, что я тогда так сказала, – проговорила Сашка. – Я… была не права.

Костя молчал.

Сашка неловко спрыгнула с подоконника:

– В общем, спасибо за сочувствие, но если я не пойду сейчас работать, то завтра… то есть сегодня…

– Погоди, – сказал Костя. – Покажи, как ты работаешь для Стерха.

* * *

В половине десятого вечера она вспомнила, что обещала Егору зайти в девять. Подумала – и решила, что суетиться поздно. Все равно с утра Егор не будет знать, что она не пришла. Они снова усядутся на матах в спортзале, и Егор снова скажет ей: «Давай поженимся».

Ну почему ее с каждым разом все больше злит это предложение?!

Они с Костей сидели в Сашкиной комнате, три белые точки посреди черного листа то налетали огнями поезда, то отдалялись, как созвездие на мутном небе. Сашка пыталась проработать фрагмент под номером двадцать четыре, но всякий раз, досчитав до семидесяти, обрывала попытку.

– Я не могу понять, что происходит, – признался Костя. – Это… как музыкальное вступление, которое все повторяется и повторяется, а самой-то песни и нет. Может быть, если я сам попробую… посмотреть на этот фрагмент, мне придут какие-то мысли? Хоть намек, хоть идея, как тебе помочь?

– Нет, – сказала Сашка поспешно. – Не стоит. Это *чужое* упражнение. Стерх убьет нас обоих.

– Я могу поговорить с ним, – сказал Костя. – Со Стерхом.

– Завтра.

– Да… А завтра будет поздно… – Костя несильно подергал себя за волосы. – Может, тебе стоит вернуться к этим… к трекам на диске, к плееру?

Сашку передернуло от омерзения.

– Я думаю, Стерх был не прав, когда дал тебе альбом, – сказал Костя.

– Ты считаешь? Может, будешь преподавать на его месте?

– Не смейся. Он психологически был не прав. Он решил, что проблема в диске, а проблема в тебе! Если он даст тебе распечатку, как мне, или тетрадь, как Женьке… Все равно ничего не получится, потому что ты не хочешь.

– Ты же видишь, я хочу. Я на стенку лезу, так стараюсь!

Костя упрямо покачал головой:

– Ты сопротивляешься. Ты борешься за себя.

– Стерх точно так же говорил, – вспомнила Сашка. – «Вы боретесь за себя в устоявшемся обличье, две руки, две ноги…»

– Да. И ты права. А я вот не смог бороться.

– Да, но ты живешь нормально, а я…

– Я живу *нормально*?

После этих его слов стало тихо, и в тишине прошло длинных пятнадцать минут. Сашка не решалась заговорить; Костя, сын своего отца, внук своей мертвой бабушки, муж Жени Топорко, которая не стала менять фамилию, чтобы не быть Коженниковой… Костя, студент-второкурсник института специальных технологий города Торпы…

– Прости, – сказала Сашка.

– Да и ты меня, – Костя сгорбился. – Я хочу тебе помочь, но у меня нет злости. Я ударил бы тебя, – он криво улыбнулся, – но… не могу тебя бить. Наверное… *он* прав.

– Кто? – спросила Сашка, заранее зная ответ.

– *Он*, – повторил Костя. – Он обо мне очень невысокого мнения, знаешь. Я пытался раскрутить маму на разговор… о нем. Как так вышло, что он стал моим отцом? – Костя в отчаянии хлопнул ладонью по подоконнику. – Как меня угораздило стать его сыном? Кто он вообще такой?

– И что сказала мама?

– Ничего. Она вообще не желает о нем говорить. У нее истерика начинается – после стольких-то лет!

– Как же она отпустила тебя в Торпу?

– А как твоя мама тебя отпустила? Наверняка нашлись какие-то… резоны. У моей всю жизнь, всю свою жизнь, сколько я себя помню, был бзик насчет армии. Будто бы ей цыганка нагадала, или что-то в этом роде, что меня в армии обязательно убьют. Если она меня во дворе видела с деревянным пистолетом… такое начиналось! – Костя вздохнул.

– Он сыграл на ее страхе, – сказала Сашка.

Костя поднял глаза:

– Он вообще… играет на страхе. Твоем. Моем.

Сашка промолчала. Они сидели рядом, понурившись, почти соприкасаясь головами.

– Я хотел бы, Сашка, когда-нибудь встать – и осознать, что не боюсь ничего. Я устал.

– От страха?

– Да. Каждую секунду…

– И сейчас?

– Боюсь.

– Чего?

– Завтра прийти в аудиторию… Что там на первой паре, английский? А тебя нет. Тебя вообще нет в жизни, потому что ты осталась…

Костя не договорил. Сашка, повинуясь почти материнскому побуждению, положила ладонь ему на плечо:

– Не бойся. Я постараюсь. Завтра ты придешь в аудиторию, я скажу тебе «спасибо»…

Затопали ноги в коридоре, и дверь распахнулась. На пороге стояла не Лена и не Вика – на пороге стояла Женя, красная, как помидор, в махровом халате, с белыми от злости глазами.

* * *

Город Торпа был усыпан снегом. Дома стояли в светлых капюшонах, надвинутых на жестяные козырьки; воздух увлажнился и потеплел. Завтра будет оттепель, вспомнила Сашка. Оттепель и порывистый ветер.

Она купила батарейки в ларьке возле почты. Все, что там были. Сто штук; продавщица бегала за ними на склад, а Сашка до копейки потратила деньги, оставшиеся от последней стипендии.

Она вернулась к себе в комнату. Надела наушники. Положила кулек с батарейками под кровать. Вытащила запылившийся конверт с золотистым диском, защелкнула крышку плеера, включила первый трек.

А потом второй.

Восемнадцать треков разной длины. Восемнадцать отрезков чужого молчания. Давящего. Равнодушного. Отрешенного. Восемнадцать разновидностей молчания, партитура полной тишины.

Летели на пол севшие батарейки, Сашка ставила на их место другие; тишина становилась все плотнее. Закладывало уши. Сашка смотрела в темноту.

В середине ночи она была уверена, что у нее три руки. Третья росла откуда-то из области грудины. Ее тело утратило очертания, раздулось и едва помещалось на кровати; ее тело лезло из рамок, как дрожжевое тесто из кастрюли. Она терпела, стиснув зубы; последовательность из восемнадцати треков повторялась раз за разом, проходили часы…

Она не заметила, как заснула. Спокойно и глубоко, не снимая наушников.

* * *

Солнечный свет бил сквозь окно без занавески, падал на пыльный линолеумный пол. Простыня казалась старым парусом, вся в квадратиках переплетенных нитей. Одеяло сползло, квадратное отверстие пододеяльника делало его похожим на туз бубен. Сашка удивилась, как много можно заметить одновременно.

Она повернула голову. Шея ворочалась с трудом. Комната подрагивала, будто отражение в воде под порывами слабого ветра. Постели соседок были пусты, кое-как накрыты покрывалами. Первая пара – английский…

Который час? Какой сегодня день?!

Время, единицы времени, значки. На тумбочке, в старом блокноте, записана важная информация, сдвоенный код, время суток, четыре символа один за другим… Вечерние индивидуальные занятия с Портновым…

Потому что сегодня вторник.

Сашка повернулась на бок, потянулась к тумбочке – и увидела свою руку.

Она закричала. Вместо крика получился хрип. В горле клекотало. Сашка села на кровати; что-то отчетливо хрустнуло. Обе ее руки были подобием механических протезов, сделанных из слоновой кости и обтянутых полупрозрачной, ослепительно-белой кожей. Она поднесла правую ладонь к лицу, сжала пальцы; шестеренки, проворачиваясь, разорвали кожу и вылезли наружу острыми иголками. Боли не было.

Сашка с трудом поднялась. Пол не качался под ногами, но голова казалась очень большой. А ощупать ее этими новыми, белыми, механическими руками Сашка боялась. Вдруг что-то сломается?

Колени почти не гнулись. Ступни казались деревянными. Сашка дохромала до стола, нашла зеркальце. И закричала – захрипела – опять.

У нее в глазах не было ни зрачков, ни радужки. Только белки в красных прожилках. Сашка отшвырнула зеркало, но продолжала себя видеть; теперь оказалось, что она смотрит не глазами. Всей кожей лица, голых локтей, шеи; трясясь, она стянула футболку и увидела комнату кожей спины. Сняла спортивные штаны, в которых уснула вчера, вместе со штанами соскользнули и трусы. Теперь каждая точка ее тела видела картину, и, складываясь, они образовывали мир-без-Сашки. Ее тело – белое, тощее, трясущееся посреди захламленной комнатушки общежития – было единственным пространством вне этого мира.

По ее коже пробегали искры. Робкие огоньки, будто скатывающиеся капли. Маленькие молнии. Из-под оболочки, местами почти прозрачной, проступали вены, капилляры и волокна мышц – таинственный лес. Очень чесалась спина; что-то происходило с позвоночником – он похрустывал, подвижный, живущий собственной жизнью.

Она услышала шаги в коридоре. Осознала, что уже поздно. Две первые пары прошли, и заканчивается обед.

Две пары и обед нового дня! Она вырвалась из кольца, она сделала… Что-то… И что-то случилось с ней.

К ее двери подходили – снаружи. Белыми руками она схватила швабру, стоящую в углу, и просунула древко в дверную ручку. И в ту же секунду в дверь постучали – это был стук Егора, быстрый, уверенный: тук. Тук-тук. Тук-тук.

– Саня? – В голосе Егора были и напряжение, и беспокойство. – Ты дома?

Швабра-задвижка дернулась – дверь пытались открыть.

– Сашка? Алло?

– Я…

Голос звучал жутковато. Сашка прокашлялась.

– Ты что там, заболела?

– Да, – сказала Сашка. – Я заболела и сплю.

– Послушай, – сказал Егор, приблизив, по-видимому, губы к замочной скважине. – Надо поговорить.

– Я… не могу. Я плохо выгляжу.

– Плевать, – сказал Егор, в его голосе было нетерпение. – Переживу. Открывай.

– Не могу. Потом.

Пауза. Егор, наверное, оглядывался; наверное, он чувствовал себя идиотом – вот так стоять посреди коридора перед запертой дверью.

– Впусти меня. Что я тут торчу как дурак!

– Не могу, – прохрипела Сашка. – Я… сплю.

– С кем? – после коротенькой паузы спросил Егор.

Она попятилась от двери. Она понимала, что сейчас надо сказать что-то остроумное, пошутить, будто бы в ответ. Но она так растерялась, что не могла ничего придумать.

– Ну ладно, – тихо сказал Егор.

И она услышала, как удаляются его шаги по коридору.

* * *

Она надела перчатки, чтобы скрыть свои руки. Она надела самые черные колготки и самые плотные джинсы. Два свитера один на другой. Теперь она видела мир только кожей лица, и картинка получалась привычной, хотя и неполной.

Ее темные очки не были достаточно темными, чтобы скрыть белые слепые глаза. Тогда она нарисовала глаза фломастером на веках. Трудно и неудобно было ходить с закрытыми глазами, но ничего лучшего она не могла придумать.

Спрятавшись таким образом – прежде всего от себя, потому что больше никого в комнате не было, – Сашка села за стол и раскрыла текстовый модуль. По привычке, потому что читать сейчас она все равно не смогла бы.

Дело стронулось с мертвой точки. Тишина, или что там было на диске, вошла и воцарилась. Сашкино тело продолжало меняться; она чувствовала, как натягивается и обмякает кожа, как пульсирует студенистый ком в груди, а позвоночник подрагивает, будто труба, качающая вверх-вниз массы горячей воды.

Ничто и никогда не будет по-прежнему. Мама… Егор… Костя… Оцепенев за письменным столом, Сашка думала, что, может быть, *вчера* было лучше и *вчера* следовало оставить все как есть?

За окном шел снег. Оттепель, мокрый снег, ветер! Все как обещали, все сбылось… И наступило завтра.

А Костя пришел утром на пару – и *не увидел* Сашку!

Она встала. Накинула куртку. Села опять. Костя помнит все, что она сказала… И все, что случилось вчера, уже внесено в историю их жизни. И подоконник. И эти батарейки… Они раскатились по всей комнате, дешевые, китайские, но все равно их слишком много, они не

успели бы истратиться за одну только ночь. Или ночь тоже повторялась кольцом – еще, и еще, и еще?!

Сашка метнулась по комнате из угла в угол. Открыла форточку. Закрыла опять. Она должна была прийти на первую пару! Но как она пойдет в таком виде? Как она хоть перед кем-то покажется в таком виде?!

Она снова уселась перед столом и подумала о Егоре. Любовь ее привела к нему в постель – или добрый совет горбуна? «Имеет значение ваш чувственный опыт, ваш гормональный статус…» Она сколько угодно может врать себе, что вот, любовь подкралась незаметно, но исключительно вовремя, такое удачное совпадение…

Вчера Егор сказал: «Давай поженимся». Нет… нет! Сашка схватилась за голову; вчера, именно вчера она в раздражении оборвала его: «Только не говори, что нам надо пожениться». Она не думала, что именно этот день, эта раздраженная реплика останется в ее жизни… И в его жизни. Она не удержала себя в руках… Потом не пришла, хотя и обещала, потом этот скандал с Женей, он внесен в историю. Костя молодец, что не стал оправдываться. Но Егор…

О чем она думает, превращаясь в чудовище, может быть, умирая?!

…А Егор – первокурсник. Он понятия не имеет, каково это – сдавать сессию и что связывает на самом деле Сашку и Костю. Не пошлая история о том, как мальчик девочку любил, она ему не давала, тогда он нашел другую, покладистую. Их связывает прошлогодняя Костина пересдача, те пощечины, от которых у Сашки болели ладони – она била его, чтобы он учился, чтобы он сдал, чтобы он выжил.

Их связывает вчерашний вечер, когда Костя не решился ее ударить… но все равно вернул долг. Потому что хотел, чтобы выжила Сашка. И будь проклята та килька в томате, водка с пепси-колой, нечистая постель и дверь, запертая на швабру. Все у них могло быть по-другому. Все.

А Егор – собственник; его девушка должна открывать ему дверь всегда и по первому требованию. Что бы с ней ни происходило. Надо было открыть ему дверь! Надо было открыть и сбросить одежду! Чтобы он понял…

Может быть, Костя придет? Спросит, что с ней случилось? Или после вчерашнего Жениного демарша побоится без крайней надобности подниматься на второй этаж?!

Сашка осталась одна. Совершенно, космически. И не ужасная метаморфоза тому причиной, а чья-то ревность и чья-то гордость. Обычные вещи. Можно сказать, бытовые.

За окном постепенно темнело. Приближалось время занятий с Портновым; Сашка с трудом поднялась. Забыв на столе раскрытый учебник, накинула куртку. В карманах звенела мелочь.

Низко надвинула капюшон, поправила темные очки на носу. Вышла из комнаты. Мир покачивался; Сашка видела его кожей щек, и потому казалось, что она стала на несколько сантиметров ниже.

В конце коридора болтали два первокурсника; увидев Сашку, вытаращили глаза и замолчали на полуслове. Она прошла мимо, неуклюже кивнув – будто дернув головой. Первокурсники смотрели с ужасом.

Пусть расскажут Егору, отрешенно подумала Сашка.

Снег во дворе был вытоптан. Бездомные собаки разукрасили углы желтыми иероглифами. Сашка видела глаз вороны, умостившейся на голой липе. Видела каждый окурок, втоптанный в грязь перед входом в институт. Поворачивая лицо, видела потоки воздуха разной температуры – теплые струйки поднимались из форточек, сырое марево дрожало над крышей. Оттепель.

Отвечая на чьи-то приветствия, ловя недоуменные взгляды, она вошла в институт. Уже взявшись за ручку аудитории, вспомнила, что так и не успела даже по первому разу прочитать для Портнова параграф.

Отступать было некуда. Она вошла.

Женя Топорко как раз закончила занятие. Не было другого человека, которого Сашке в этот момент хотелось бы видеть меньше.

Облик Сашки, в капюшоне, в черных очках, темным чучелом остановившейся в двери, произвел на Женю впечатление. Она потрясенно разинула напомаженный рот.

Портнов обернулся, хотел было что-то сказать – и замолчал. Сашка впервые в жизни увидела, как он меняется в лице.

– Свободна, Топорко. Поторопись, пошло чужое время.

Женя нарочито медленно закрыла книжку, положила ее в сумку, подергала «молнию» – та не закрывалась. Женя мельком взглянула на Сашку – и снова на сумку. Сделала озабоченное лицо: как же ее закрыть?

– Топорко! За дверь!

Голос Портнова произвел магическое действие. Женя вылетела из аудитории, как подхваченный сквозняком бумажный шарик.

Сашка стояла неподвижно.

– Подойди.

– Я не прочитала параграф.

– Понятно… Сядь.

Портнов вытащил мобильный телефон. Бросил в трубку:

– Пришла.

Сунул телефон обратно в карман.

– А разве в Торпе есть покрытие? – тихо спросила Сашка.

– Теперь есть, – сказал Портнов, перебирая бумаги на столе. – Прогресс неудержим… Как ты себя чувствуешь?

Сашка сглотнула. Под двумя свитерами и майкой катились, будто капельки пота, трескучие искорки.

– Сними очки. Вообще, убери этот маскарад, сейчас придет Николай Валерьевич.

Сашка зубами стянула шерстяные перчатки. Ее руки видоизменились еще больше: кожа стала почти прозрачной, колесики-суставы блестели белым никелем, по трубочкам-венам текла золотистая, вязкая на вид жидкость. Портнов подался вперед, выглядя почти таким же потрясенным, как Женя; Сашка сняла очки. Открыла глаза. Потом закрыла снова, демонстрируя картинку на веках.

– Остроумно, – глухо сказал Портнов.

Без стука раскрылась дверь. Вошел Стерх и тут же повернул ключ в замке. Он был очень бледен, пепельные волосы спутались, как будто Николай Валерьевич долго бродил без шапки на сильном ветру. Горб топорщился на спине заметнее, чем обычно.

Сашка расстегнула куртку. Уронила на пол. Сняла через голову свитер, потом еще один, осталась в синей майке. Мельком глянула на свои предплечья и локти; посиневшая бугристая кожа кое-где была покрыта лиловыми перьями.

Портнов присвистнул и снял очки. В его взгляде появилось теперь нечто новое. Если бы Сашка не знала Портнова – подумала бы, что это страх.

– Вы довольны? – спросила Сашка, глядя на Стерха. – Я хорошо поработала?

– Да. Я доволен.

Стерх не был похож на себя. Куда девался мягкий, немного рассеянный Николай Валерьевич; горбун стоял, хищно подавшись вперед, и смотрел на Сашку, как китобой на лучшего в своей карьере кита. Как кот – на выдающуюся мышь. Как охотник на призовую добычу. А у Сашки не было глаз, чтобы достойно ответить на этот взгляд.

– Спасибо, – сказала Сашка. – Вы своего добились. Вы сделали из меня *вот это*.

Комната поплыла. Сашка видела ее зудящей кожей, видела стену за спиной, ключ в замочной скважине, круглую бирку «38», щербинку на дверной ручке. Институт специальных технологий переработал ее, переварил, как хотел.

– Все, – сказала Сашка шепотом. – С меня хватит. Я больше не могу.

Горбун подхватил ее, падающую. Обнял. Это было так неожиданно и дико, что она замерла, не посмев вырываться.

– Я был прав, Олег. Ты видишь, я даже недооценивал… Ты подарок, Сашенька. Талант. Ты вырвалась из оболочки, вылупилась из яйца… ты видела цыплят? Им надо дать время, чтобы прийти в себя… Освоиться с новым миром и своим новым местом в мире… Ну-ка, перестань. Все хорошо. Ты прорвалась на свою главную дорогу, теперь ты пойдешь по ней, шаг за шагом, будешь учиться и выучишься. И все тебе будет понятно… Нет, но какой подарок!

И Сашка, смотревшая на горбуна кожей щек, разглядела на его глазах слезы.

* * *

Он вел ее по коридору, и студенты, идущие навстречу, расступались. Сашка, в куртке с низко надвинутым капюшоном, в темных очках, в шерстяных перчатках, шла под конвоем, съежившись, опустив глаза. Стерх держал ее за локоть – чтобы не свалилась или чтобы не удрала. Скорее всего, и то и другое.

Они были на первых ступенях лестницы, ведущей в административное крыло, когда из-за бронзовых копыт конной скульптуры выбежал Костя.

Сашка рванулась, освобождаясь. Стерх поймал ее за капюшон.

– Костя! – крикнула Сашка. – Прости. Я… не смогла прийти на английский!

Костя остановился, переводя взгляд с Сашки на горбуна и обратно.

– Что вы с ней сделали?!

– Завтра, – с улыбкой предложил Стерх. – Вы встретитесь завтра и обо всем побеседуете… Извините, Костенька, у нас совсем нет времени.

И он повлек – почти поволок – Сашку вниз, в кабинет. Она хотела на ходу крикнуть Косте: «Спасибо»…

Но у нее не повернулся язык.

* * *

Она вернулась в общежитие в половине двенадцатого ночи, едва живая, но в человеческом обличье. Еще пробегали по коже колючие искорки, еще ныл позвоночник, но в глазах были и зрачок, и радужка, а руки, хоть и непривычно белые, перестали быть похожими на механические протезы.

Стерх возился с ней долго. Ей казалось, что это никогда не закончится. Она сидела за столом – в наушниках, перед ней лежала стопка бумаги, а скрюченная рука держала карандаш. Стерх рисовал перед ней знаки, один за другим, сложные незнакомые знаки, не связанные на первый взгляд никакой системой, а Сашка должна была вписывать недостающие линии, а тишина давила на барабанные перепонки, и Сашка, покорившись неизбежному, каким-то чудом догадывалась, чего не хватает, и водила карандашом, и стопка исписанных листов перед ней росла. Стерх менял диски в плеере и сам переключал треки.

За эти часы Сашка много нового узнала о тишине. Молчание могилы, которой две тысячи лет, не было похоже на беззвучие ледяной пустыни где-то в далеком космосе. Сашка перестала ощущать боль и время – зависла, как муха в янтаре, и пришла в себя только тогда, когда Стрех пустил ей в глаза световой луч, отразившийся в перламутровом зеркальце.

– Ну-ка… Смотрим на меня… Славно. Вот это совсем другое дело. Просто дух захватывает, что тут еще можно сделать, какая предстоит нам с вами работа… Редкий дар. Редкостный.

За маленькой дверью обнаружилась крохотная душевая с зеркалом во всю стену. Сашка смотрела на себя и видела осунувшуюся, с перепуганными глазами, растрепанную, но совершенно нормальную девицу. Человека.

– Вам не холодно? Наденьте свитер… Значит, так, Сашенька, вы начинаете работать по специальному графику, мы с вами будем заниматься каждый день, кроме субботы и воскресенья. У нас наметилась тенденция к бесконтрольному метаморфозу, вот с этим-то и начнем бороться в первую очередь. Хотите есть? Может быть, чай? Спокойнее, Саша, спокойнее, это день вашей победы, это праздник… Вы устали, я понимаю.

Она добрела до своей комнаты, держась за стену. Лена и Вика, разумеется, не спали – сидели над учебниками.

– И где ты была?

– На занятиях.

– Здорово вас гоняют на втором курсе, – с сочувствием сказала Лена.

– Нас будто мало гоняют, – проворчала Вика. – А что еще будет…

И обе согнули спины над текстовыми модулями, а Сашка легла в постель и потеряла сознание.

* * *

Она проснулась рано утром – не позже пяти – оттого, что надо было подниматься и выходить на пробежку. Села на кровати, ничего не соображая, помотала головой и тогда только вспомнила, что обязательных пробежек больше нет, что она учится в институте специальных технологий, что вчера она превратилась в чудовище…

И что Егор оскорблен. Сашка обещала прийти – и не пришла. Он просил впустить его – а она не открыла дверь. И еще была сцена с Женей, ставшая, конечно, достоянием всего общежития.

Посапывали в тяжелом сне соседки. Сашка встала, зажгла настольную лампу и тогда только обнаружила, что ее запястья покрылись чешуей и шея, по всей видимости, тоже.

Она нашла зеркало. Да: розоватая, перламутровая, мягкая, но с каждой минутой все более твердеющая чешуя.

Вытащила из сумки плеер. Хоть бы не сели опять батарейки; поставила диск, полученный вчера от горбуна. Три минуты сидела не двигаясь, пропуская через себя тишину, как губка – горячую воду.

Чешуя превратилась в кожу – грубую, обветрившуюся. Все как обещал Стерх: «Учтите: по утрам возможны рецидивы. Организм во сне, в бессознательном состоянии, станет выходить из-под контроля. Не пугайтесь; я даю вам вот этот диск, он ничего не значит для вашего развития, у него единственное назначение: стабилизировать вас в человеческом теле. Встаете утром, идете в туалет, чистите зубы – слушаете. Даже если чувствуете себя хорошо, все нормально – все равно слушаете. И не надо бояться, Сашенька, самое сложное позади!»

Потерев шею, помассировав запястья, Сашка легла на спину и уставилась в потолок.

Пора подводить итоги. Она вырвалась из «кольца», в которое заключил ее по воле преподавателей Фарит Коженников. Она вернула себе человеческое обличье. Она чувствует себя в общем-то нормально, даже хорошо: сна ни в одном глазу, голова свежая, тело легкое, хоть сейчас выходи на пробежку. Что дальше?

Егор. Сашка обязана загладить свою невольную вину. Должна объяснить, что случилось. Хотя…

Сашка несильно прикусила язык.

Если Егор узнает, что Сашка слушала его «Давай поженимся», как заевшую пластинку…

И ничего ему не сказала о повторяющемся дне…

Но ведь он и не спросил! Костя заметил, что творится неладное, а Егор…

Егору было не до того. Ему надо было собраться, сосредоточиться перед этими словами: «Давай поженимся»… Или он их так сказал, без подготовки? Что называется, ляпнул?

Совершенно ясно было одно: если Егор узнает, что позавчерашний день был для Сашки всего лишь дублем, одним из многих повторяющихся дней, – он почувствует себя таким дураком, что никакие хорошие отношения под этим прессом не выживут. Значит, надо молчать. Надо попросить Костю, чтобы молчал тоже… Это в его интересах…

Сашка глубоко вздохнула. Опустила веки. Прислушалась к своему телу: вроде бы все нормально; немножко хочется есть. Вот руки, вот пальцы на ногах… можно ими пошевелить… вот кровать…

Сашка широко раскрыла глаза.

Кровать стала частью ее тела. Почесывался матрас, который давно пора было выстирать. Железные ножки ощущали линолеум, на ощупь он казался мягким и даже теплым. Сашка сглотнула; несколько метров пола под кроватью тоже сделалась частью ее тела. Грубоватой, не очень чистой. Но зато просторной и твердой. Все более, более просторной…

Сашка охнула, прижала кулаки к груди. Вот оно, ее тело. Кровать – отдельно. Комната – отдельно. И отдельно – Сашка.

Прошла минута в тишине. По Сакко и Ванцетти проехала машина.

Я не буду больше этого пробовать, сказала себе Сашка. И тут же удивилась: а почему – нет? Разве это неприятно? Разве это постыдно?

Она чуть расслабилась и снова присвоила кровать. Часть пола. Весь пол в комнате. Стены. Она стала комнатой. Чуть качнула белым казенным абажуром… Поморщилась от пыли… Хлопнула форточкой, как хлопают ладонью по колену.

Полетели осколки. Сашка вздрогнула от неожиданной боли, ощущение было сродни тому, какое бывает, если сломаешь ноготь. От звона стекла проснулась Вика и села на кровати.

– Блин… Что это… Ветром форточку разбило? Вот блин, я же вчера закрывала!

Сашка молчала. Она снова вернулась в себя, две руки, две ноги, пот, выступивший над верхней губой, и панически бьющееся сердце. Лена молча помогала Вике загородить форточку подушкой без наволочки.

– Вот же елки-палки… Картоном теперь закрывать? У них стекла не выпросишь… А ветер какой… Ну ладно, полшестого, поспим еще, что ли?

Снова сделалось тихо. Сашка лежала затаив дыхание, и кровать под нею была кроватью, больше ничем другим.

А что она еще может делать?

А что она *сможет* делать, когда выучится окончательно? Горбун твердит о блестящих перспективах… Чудесных открытиях… О том, что она, Сашка, феноменальный талант…

Тикал будильник. На самом краю стола, спрятанный под стопкой общих тетрадей, лежал альбом горбуна. Тот самый, что не принес Сашке успеха; Костя был прав. Дело не в диске и не в альбоме, дело в ней, в Сашке. Она справилась с диском.

Интересно, а справится ли с альбомом?

Стерх ничего не говорил на этот счет. Ему было не до того.

Сашка решительно подтянула одеяло и перевернулась на другой бок. Завтра она вернет альбом горбуну. Ни за что на свете не раскроет «фрагменты», не упрется глазами в проклятый «якорь»…

Это интересно. Это как упражнения для Портнова – сперва невыносимо, а потом затягивает. Теперь, переступив невидимую черту, что увидит Сашка в черном альбоме?

Что именно она увидит?

Приступ любопытства был похож на острый голод. Сашка поворочалась, сминая простыню, потом встала. Ее ногам, в отличие от ножек кровати, линолеум вовсе не казался теплым. Она надела тапочки и подошла к столу. Вот рукописный английский словарь, вот конспект по праву, еще какие-то бумаги…

А вот альбом.

Черные квадраты фрагментов маслянисто поблескивали. И в центре каждого белым созвездием светился «якорь» – три точки.

Сашка открыла самую последнюю страницу. Сконцентрировала взгляд на белом треугольнике в центре и задержала дыхание.

Три точки исчезли. Несколько секунд Сашка висела в черноте, абсолютной, как тишина в наушниках Стерха. А потом из черноты проступил – выпрыгнул, выступил – город, окруженный высоченной стеной до неба.

Теперь Сашка видела его в мельчайших, подробнейших, реальнейших деталях. Город был угольный, аспидный. Чем-то похожий на Торпу, но – совершенный. Сашка почувствовала мрамор под босыми ногами, хотя стояла в тапочках на линолеуме, Сашка почувствовала струи воздуха, холодного и теплого, на лице. Запах дыма от горящих сосновых дров. Прохладный камень и нагретый камень, гладкий и шероховатый, высокие стены, узкие окна, шпили в небо…

Сашку охватила радость. Она огляделась, запрокинув голову; она захотела забрать этот город себе. Включить в себя, сделать своей частью. Она раскинула… нет, не руки. Она распахнула себя и вдруг начала расти, расти, вздуваться и втягивать очертания, запахи, фактуру камня. И там, где Сашка дотягивалась до города, – он переставал быть аспидно-черным и делался мягко-серым, как на старинной фотографии.

На краю видимости метались крестики-насекомые. Сейчас они казались такими незначительными, что Сашка не обращала на них внимания. Она присваивала себе жизнь и радость; присваивала вот этот дым и этот изгиб крыши, блестящий, будто под дождем, этот клочок тумана, этот величественный шпиль… Чем больше она забирала себе – тем сильнее разгоралось ее нетерпение. Она знала, что не остановится, пока весь город не станет такой же частью ее, как ладони, подбородок, волосы…

Но когда она втянула в себя ратушу – та вдруг раскололась, раскрылась, будто цветок, и из ее нутра на Сашку глянуло чудовище, подобного которому она не видела никогда, нигде, ни в каких кошмарах.

Сашка отпрянула.

Чудовище медленно выбиралось из расколотой башни. Меняло форму, пульсировало, растекалось, но Сашка видела только глаза. Неподвижные. Мутноватые. Глядевшие на Сашку и больше ни на кого.

И, встретившись с ним взглядом, Сашка всей кожей ощутила то, что до нее много раз понимали другие. Существу безразлично, что ее кто-то любит. И что она кого-то любит. И что у нее было детство и она плескалась в море; и что у нее на старом вязаном свитере вышит олень. Много было таких, кем-то любимых, носивших в кармане ракушку, или пуговицу, или черно-белую фотографию; никого не спасли ничьи воспоминания, никого не защитили слова и клятвы, и те, кого очень любили, умерли тоже.

Сашка оцепенела.

Разросшаяся, вместившая в себя полгорода, она смотрела, как надвигаются на нее мутные пристальные глаза. И когда до чудовища оставалось всего несколько шагов, она вдруг вспомнила, что стоит в своей комнате в общежитии, вспомнила, что смотрит на «фрагмент» и может еще спастись.

Она упала назад. Опрокинулась. Сильно ударилась затылком, так что зазвенело в голове. Свалился с грохотом стул, за который она, оказывается, держалась одной рукой; через мгновение, будто помедлив, со стола соскользнул альбом и лег на полу, разбросав черные страницы.

– Ай!

– Мамочки!

– Да что же такое!

– Что ты делаешь! Скотина! Дай поспать!

Переждав боль, Сашка поднялась на локте. Увидела собственные домашние тапочки в разных концах комнаты. Слой пыли на плинтусе. Осколок чашки под кроватью, чашки, разбившейся месяц назад. Над головой вопили в два голоса Вика и Лена, в стену ударили чем-то тяжелым соседи.

Тикали часы. Если им верить, с момента, когда Сашка поднялась с постели, чтобы глянуть в черный альбом, прошла ровно одна минута.

* * *

– Вы на втором курсе! Не на первом! Вы делаете такие вещи, Александра, что… у меня просто нет слов!

Никогда в жизни она не видела Стерха разъяренным. Он метался по четырнадцатой аудитории и, как показалось Сашке, едва сдерживался, чтобы не пинать стулья.

– Но вы ведь мне дали этот альбом…

– Я его дал вам раньше! Когда вы были в другом статусе! Понимаете?! Этот альбом вообще не для вас… Моя ошибка, надо было сразу же забрать… Но кто знал, что вы полезете в сотый фрагмент?!

– Я не знала, что нельзя. Простите меня, пожалуйста.

Стерх остановился перед ней:

– Ладно. Ладно, будем считать, что и вы и я равно виноваты в том, что случилось. Больше, пожалуйста, никакой самодеятельности. Выполняйте только те задания, которые даю я, и вовремя! Не раньше, не позже.

– Да. Я обещаю. Только я хотела спросить…

– Спрашивайте, – казалось, горбун немного остыл. Или, по крайней мере, взял себя в руки.

– Это… которое было там… что это?

Горбун уселся за преподавательский стол.

– А вот это, Александра… вам рано знать. Незачем. Узнаете на экзамене.

* * *

Она опоздала на право. Постучала посреди лекции и попросила разрешения войти.

– Александра, вы пропустили четыре занятия подряд. Месяц. Спасибо, конечно, что вы почтили меня вниманием, опоздав всего на полчаса… Но как вы собираетесь сдавать экзамен?

Слово отдалось в Сашкиной душе, как эхо камня, брошенного в колодец. «Экзамен». Такой же эвфемизм для обозначения изуверской процедуры, как, например, «допрос с пристрастием» или «светский суд».

– Садитесь, Александра! Или вы так и будете стоять в дверях?

Сашка села на свое место. Между ней и Костей был проход – и Женя Топорко. Сашка ждала звонка, водила ручкой по чистому листу бумаги, и все время, против ее воли, на листе возникали три белых круга на заштрихованном поле. Они смотрели на Сашку как неподвижные мутноватые глаза.

Прозвенел звонок. Белая страница перед Сашкой была покрыта узорами из плотно заштрихованных треугольников; она с отвращением захлопнула тетрадь.

– Женя. Мне надо поговорить с твоим мужем. Разреши, пожалуйста. Мы станем говорить только об учебе, и больше ни о чем, – она произносила слова громко и твердо, так, чтобы слышал весь курс.

Женя поджала губы, закинула на плечо сумку и с высоко поднятой головой вышла из аудитории. Прочие – Юля, Аня, Игорь – не торопились, делая вид, что никак не могут собрать конспекты.

– Идем, – сказала Сашка Косте.

Под многими взглядами они вышли в коридор, поднялись на четвертый этаж и выше, на лестницу, ведущую на чердак. Возле круглого окошка остановились.

– Ты меня спас. Только я теперь не знаю, может, лучше было остаться в том закольцованном дне…

– Что опять случилось?

В коридоре четвертого этажа гуляли сквозняки, вертелась пыль в столбе света, падавшего из круглого окошка, а сверху, с лестницы, ведущей на чердак, смотрела круглым замком чердачная дверь.

– Знаешь… сегодня утром я первый раз подумала, что, может быть, они нам не врут? Мы выучимся и поймем что-то… запредельное. И тогда скажем им «спасибо».

– «Спасибо», – повторил Костя со странной интонацией. – А теперь что ты думаешь?

Сашка вздохнула:

– Не знаю. Потом я подумала: может быть, из нас готовят боевых бестий. А экзамен… что-то вроде гладиаторской арены. Кто-то, кого мы не знаем, будет смотреть и делать ставки. А мы будем биться и умирать… Но это бред, Костя. Для того чтобы вырастить боевое чудовище, не нужны подобные тонкости.

Костя молчал.

– Ты посмотри на них… На Портнова. Или посмотри на Стерха. Когда я заявилась к ним без глаз, без рук… Он плакал от радости. Представляешь?!

– Вспомни, что ты мне говорила, – сказал Костя.

– Что?

– «Если мы пройдем до конца этот курс, то, наверное, станем такими, как они. И сможем говорить с ними на равных. Тогда мы отомстим».

Сашка покачала головой:

– Если мы пройдем этот курс, нам не захочется мстить. Потому что мы станем такими же, как они.

Костя сжал губы:

– Только не я. Я ничего не забуду.

Прозвенел звонок.

* * *

Егор сидел на скамейке, очищенной от снега. Курил, глядя в небо. Сашка остановилась рядом.

– Привет.

– Привет, – отозвался Егор, не глядя на нее.

– Можно я сяду?

– Садись.

Сашка провела ладонью по много раз покрашенным, мокрым доскам скамейки. Села на самый краешек.

– Ты приставил крепления к лыжам?

– К каким лыжам? – удивился Егор.

Сашка растерялась.

– Знаешь, в спорттоварах беговые лыжи, еще старые, продаются по смешной цене. К ним только надо приставить крепления…

Егор молчал.

Утром, собираясь на пары, она наткнулась среди своих вещей на его зеленую рубашку. Запах одеколона еще не выветрился. Она хотела надеть рубашку – и подать тем самым знак к примирению, но не было времени на утюжку, а рубашка измялась безнадежно.

И сейчас, повинуясь импульсу, она коснулась его рукава.

Часть ее кожи – плотная ткань зимней куртки, слой синтетического утеплителя, скользкая подкладка из искусственного шелка. Гладкая и теплая.

Теплая.

Сашка потянулась к нему. Обняла. Не руками.

Егор стал частью ее. Она присвоила его, может быть, даже украла. На скамейке посреди двора перед общагой. У всех на глазах.

На коротенький миг она ощутила, что значит быть Егором. Какие у него колючие жесткие щеки. Как замерзли ноги в ботинках. Как колотится сердце – в этот момент, когда он старается казаться равнодушным. Как он обижен и как мучается… но почему?

И тут же, еще оставаясь Егором – сделав Егора своей частью, – она поняла, как глубоко он оскорблен. Ему рассказали об условии Стерха. Его заставили поверить, что Сашка сошлась с ним по чисто физиологическим причинам – Стерх велел избавиться от девственности, она и избавилась…

Сашка осознала это оскорбление как свое.

– Да как же ты мог поверить! Идиот!

Она присвоила скамейку (холодно, равнодушно), и липу (сонно, неподвижная кровь), и землю, укрытую грязными сугробами (подтаявший снег щекотал и чесался, как корочка на зажившей ссадине). На секунду она сделалась маленькой страной, и Егор был ее столицей.

– Это вранье! Что же ты за мужик, если так легко покупаешься на подлое вранье?!

Он рванулся и выскользнул. Вернее, она выпустила – ощутив его страх и испугавшись сама. Он упал со скамейки, как будто его сбросили, тут же вскочил на ноги; колени у него дрожали.

– Ты что?!

– Кто тебе сказал? Павленко? Ты поверил этой стерве?

Он пятился, глядя на Сашку с таким ужасом, что ей сделалось неприятно.

– Ну что ты на меня так смотришь?!

Он что-то прошептал. Сашке почудилось слово «ведьма».

А потом Егор повернулся и почти бегом кинулся в переулок, ведущий на Сакко и Ванцетти.

* * *

Утром Сашкина кожа покрылась хитином, а на руках вместо одного локтя обнаружилось три. Она дождалась, пока соседки уйдут в душевую, вытащила плеер из сумки и поставила диск, который ей было велено слушать каждое утро после пробуждения.

Три минуты тишины. Сашка плыла в ней, как рыба.

Вчера Вика и Лена настойчиво искали возможность перебраться из двадцать первой комнаты куда-то в другое место. Сашка искренне желала им удачи, но подозревала, что до зимней сессии в переполненном общежитии ни одной, ни другой ничего не светит. «Придется вам терпеть, девки, – так она сказала им вчера. – Заодно присматривайтесь – вам через год такое же предстоит».

Трек закончился. Тишина схлынула, Сашка опомнилась. Согнула и разогнула руку. Коснулась лица; щека, холодная и грубая на ощупь, была покрыта человеческой кожей.

Сашка перевела дыхание.

Странно, но она чувствовала себя хорошо. Гораздо лучше, чем в последние месяцы. Хотелось встать, размяться, пробежаться, нырнуть под горячий душ, а потом включить холодную воду и завизжать, чтобы крик эхом запрыгал по душевой. А потом пойти на занятия… Да-да, Сашка с удивлением поняла, что хочет идти на занятия к Стерху.

* * *

– Все отражается друг в друге. Помните? Ветер меняет направление, огибая камень, камень крошится, отражая ветер. Хамелеон меняет цвет, отражая листья… Обыкновенный заяц становится белым, отражая зиму. Я отражаюсь в вас, когда вы меня слушаете. Вы сами отражаетесь во многих людях более или менее глубоко. Та Саша Самохина, которую вы знаете, – всего лишь отражение истинной Сашиной сущности. Теперь эта сущность меняется – отражение тоже пытается измениться, но оно материальное, устоявшееся, ему нелегко… Я говорю условно, учтите. В рамках той коммуникационной системы, которой мы с вами сейчас пользуемся, возможны только приблизительные объяснения. Поэтому мы ничего не объясняем студентам, чтобы не сбивать с толку и не тратить время. Сейчас мы с вами просто беседуем, приятно проводим время.

– Николай Валерьевич, мне кажется… что я распадаюсь. Или расту.

– Растете, Саша. Растете. Вы перерастаете собственные рамки, вернее, те границы, которые привыкли считать пределом своей личности.

– Это… бывает со всеми? Я имею в виду, со всеми студентами?

– Со всеми, но по-разному. У вас явная склонность к метаморфозу, Сашенька, а фантазия богатая. Вы в детстве не рисовали? Нет? А могли бы… Представьте хамелеона, которого поместили… гм… под стекло? Нет… в финансовый поток.

– Как это?

– Да вот так. Он-то привык менять окраску под стать обстоятельствам, но что делать, если новая среда не имеет такой характеристики, как «цвет»? Вообще не имеет? Или вот еще… Представьте себе, что младенец вдруг, за одну минуту, сделался взрослым человеком с соответствующей комплекцией и физиологией. Изменилась его суть. Прежняя форма будет ему мешать, вы не находите? Маленькое тельце, ползунки, памперс… Все это разорвется, выпуская наружу более зрелую особь. Так и в вашем случае, Саша. Содержание ваше меняется, и форма не успевает адекватно реагировать… Отсюда мелкие неприятности в виде чешуи, перьев и лишних рук.

– Это надолго?

– Не думаю. Скорее всего, несколько дней… Хотя потом возможны рецидивы. Вы, главное, не бойтесь, Саша. Девочки пугаются первой менструации, но мы-то, взрослые, понимаем, насколько их страхи смешны?

Сашка смутилась.

– И вы поймете. Еще чуть-чуть, и станет легче. Вы осознаете, что вас не наказывают, а вознаграждают, и ждет вас захватывающая, интересная жизнь, и ждут вас великие возможности… Саша, поверьте мне, вы будете очень счастливы, и очень скоро.

– Я боюсь провалить экзамен…

– А вот это как раз понятный страх! Каждый добросовестный студент волнуется, когда тянет билет, даже если знает все-все… Вы должны учиться изо всех сил, и тогда ничего непреодолимого для вас в экзамене не будет.

– А что будет потом? Я имею в виду… совсем потом? После экзамена? После диплома? Что со мной будет?

Горбун улыбался:

– Будет замечательно. Поверьте. Но на данном этапе я не смогу вам объяснить.

* * *

Прошло еще несколько дней.

В те редкие часы, когда Сашке удавалось заснуть, – ей снилось чудовище из черного города. Во сне она знала, что должна сражаться, но не чувствовала в себе силы – только ужас и беспомощность, а потому орала и просыпалась. Лена и Вика, так и не сумевшие найти себе другого пристанища, накрывали головы подушками.

Егор ее избегал. Сашка очень жалела, что «в историю» ее жизни вошел самый неудачный для их отношений день – с ее раздражением. Со скандалом, который закатила Женя. Со сплетней, которую недоброжелатели успели донести до Егоровых ушей.

Но несмотря на потери и страхи, несмотря на страшную нагрузку этих дней, Сашка чувствовала себя все более счастливой.

Занятия со Стерхом, кошмар всего долгого семестра не то чтобы нравились ей – все больше захватывали. Увлекали шаг за шагом, от одного маленького успеха к другому. Она впервые ощутила связь между своими усилиями – и нарастающей внутренней мощью. А что это была именно мощь, сомневаться больше не приходилось. Сашка, всегда пропускавшая мимо ушей слова Стерха о ее «редком даре», впервые поняла, что он прав, что она в самом деле обладает *исключительным* талантом в пока еще таинственной, но бесконечно интересной области и перед ней, с детства любящей учиться, раскрываются завораживающие, не вполне ясные, но притягательные перспективы.

Ей очень хотелось поговорить с Костей. Рассказать ему все, спросить по секрету: а как у него? Что *он* чувствует, выполняя задания горбуна?

Но Женя, краснощекая и грозная, вечно следовала за мужем как тень. И Сашка не решалась быть назойливой.

* * *

– По традиции нашего института новогодний вечер готовят второкурсники. Учитывая, что у нас с вами зачет третьего января, я предпочел бы, чтобы организацией капустника занялась Самохина. Я поставлю вам зачет автоматом… И вам тоже, Павленко, если вы сегодня сдадите мне «долги». Маленькое послабление – для того чтобы Самохина не занималась капустником в одиночестве.

– Я не могу заниматься капустником, – сказала Сашка.

Портнов заложил руки за спину.

– Это почему же?

– Я очень занята.

– Вы заняты? – Портнов снял очки. – Что же мне, сдергивать с занятий ваших однокурсников, которые то ли сдадут зачет, то ли отправятся на пересдачу? Вы знаете, сколько ваших коллег висят сейчас на ниточке и в последний момент пытаются отработать материал за целый семестр?

В аудитории сделалось тихо, как в наушниках у Стерха.

– Не ищите себе проблем, Самохина. Николай Валерьевич готов поставить вам зачет хоть сейчас и высвободить немного вашего драгоценного времени для художественной самодеятельности. Привлекайте группу «Б», привлекайте первый курс.

– Я не умею! – Сашка встала. – Я никогда в жизни не занималась никакой… самодеятельностью! Я не буду этого делать, не хочу!

– Самохина, – сказал Портнов очень холодно. – Ваша *обязанность* как студентки – старательно учиться и выполнять общественно полезные поручения. И вы будете их выполнять, иначе последует неприятный разговор с куратором… Павленко, у вас тоже проблемы? Вам тоже не по душе самодеятельность?

– Нет, – Лиза опустила поднятую было руку. – Я буду готовить вечер… пожалуйста. Но зачет у Николая Валерьевича…

– Я с ним поговорю, – великодушно пообещал Портнов. – Насколько мне известно, ваша работа в этом семестре его вполне удовлетворяет.

* * *

– Я ничего ему не говорила, если тебе интересно. *Я* ничего ему не говорила.

Лиза привычно сидела на подоконнике, в ее опущенной руке дымилась сигарета.

Она много месяцев не жила – и носа не показывала – в общежитии. Вид старой комнаты вызвал у нее скорее отвращение, чем ностальгию, – она долго оглядывалась, хмыкала и даже принюхивалась. Потом устроилась на подоконнике и щелкнула зажигалкой:

– Тебе не помешает, Александра, если я закурю?

– Кури, – сказала Сашка, делая вид, что не замечает насмешки.

Соседки Лена и Вика сбежали на кухню. Сашка уселась за письменный стол и раскрыла текстовый модуль.

– Так вот, я ничего Егору не говорила. Но точно знаю, кто сказал.

– Мне неинтересно, – сказала Сашка.

– Совсем? – Лиза затянулась.

– Совсем. Потому что это вранье.

– Ну ты крутая. – Лиза помахала рукой, разгоняя дым. – Ладно. Есть у тебя какие-то планы насчет этого… капустника?

– Пусть Топорко покажет стриптиз.

– Неплохое предложение.

– Осталось уговорить Топорко.

– Осталось уговорить наших мужиков, чтобы они на это убожище смотрели… Ты умеешь показывать фокусы?

– Да, если ты согласишься сидеть в ящике. А пилу попросим у завхоза.

– Двуручную?

– Циркулярную!

– А в ящик посадим Коженникова, – сказала Лиза.

Сделалось тихо.

– Фарита Коженникова, – уточнила Лиза, отводя глаза. – Вообще согласна… дурацкая шутка. Так что же нам делать, а?

* * *

В рубке киномеханика стоял здоровенный проекционный аппарат, чудо техники полувековой давности. Еще здесь был примитивный звукооператорский пульт, и Сашка, глядя на сцену сквозь мутное окошко и прислушиваясь к репликам, запускала через колонки то одну мелодию, то другую.

Лиза оказалась незаменимым человеком в деле подготовки вечеров. Сашка только диву давалась – и мысленно благодарила Портнова, что поставил Павленко зачет. Невесть как (уго-

ворами? подкупом?!) Лизе удалось привлечь на сцену почти десяток первокурсников, пару дамочек из деканата и Оксану из группы «Б» (Оксана «автомата» не получила, но училась хорошо и была в себе уверена). За несколько дней был придуман, выстроен и отрежиссирован получасовой эстрадный спектакль. Сашкино участие свелось к тому, чтобы сидеть в радиорубке и включать музыку.

На репетиции все прошло гладко, но когда зал заполнился возбужденными, галдящими студентами, когда явились преподаватели и уселись в третьем ряду, Сашка обнаружила вдруг, что дико волнуется. К тому же слова со сцены доносились не так ясно, как в пустом зале, – Сашка боялась пропустить реплику и что есть силы прислушивалась у окошка.

Актеры, по-видимому, волновались тоже. Начало прошло неудачно, один первокурсник забыл реплику, и соль шутки пропала. Сашка с перепугу включила музыку слишком громко, Лизе, чтобы перекричать ее, пришлось орать во все горло, она свирепо зыркала в сторону рубки, а Сашка, вместо того чтобы сделать тише, еще и усилила звук. Лиза, к чести ее, самообладания не потеряла; когда первые минуты прошли и артисты немного освоились, капустник пошел как по маслу, и зал, поначалу анемичный, смеялся с каждой репризой все громче.

Сашка, напряженно слушая реплики, почувствовала, как открылась и закрылась дверь рубки за ее спиной. Она включила «Танец маленьких лебедей» – и только тогда обернулась.

– Прости, я тут посижу, можно? – шепотом спросил Захар.

Сашка удивилась. Они приветливо здоровались в коридорах, но, в общем-то, дружбы не поддерживали.

– Меня повсюду ищет Светка. А я… не настроен с ней разговаривать.

– Светка? С первого курса, из пятой комнаты?

– Ну да.

– И ты от нее прячешься? – спросила Сашка с ноткой презрения в голосе.

Захар осторожно сел на трехногий табурет.

– Это не то, что ты думаешь. Я… у меня экзамен. Тринадцатого января.

Сашка, спохватившись, метнулась к окошку и едва успела выключить музыку в последний момент.

В зале смеялись не переставая. Кажется, капустник удался.

– И что?

Захар пожал плечами:

– У меня почему-то… Ну, не знаю. Я хотел бы когда-нибудь увидеть еще раз родителей, брата… ребят с курса. Тебя… У меня такое ощущение, что конец света, Сашка. Что после экзамена не будет уже ничего.

– Ерунда, – сказала Сашка, мельком вспомнив собственный ужас в административном коридоре – когда ей представился конвейер, волочащий третьекурсников на жертвенный камень. – Ты же сам знаешь, что это чушь. Нас учат не затем, чтобы уморить. Просто мы станем другими.

– Мы уже стали другими, – сказал Захар. – Вот этот Новый год… Все смеются… Сашка, ты классная девчонка. Я хочу, чтобы ты это знала.

– Что ты несешь?!

– Я? Ничего… Я просто… Ну, до свидания, Сашка. В конце концов… Прощай.

Сашка смотрела на него разинув рот, и до нее не сразу дошло, что в зале установилась какая-то подозрительная тишина, затянулась пауза…

«Турецкий марш»! Здесь должен включаться «Турецкий марш»!

Когда, мокрая как мышь, под грохочущую музыку она поднялась от пульта – Захара уже не было в рубке.

…Капустник имел успех. Пожалуй, только это спасло Сашку; если бы провал, в какой-то момент казавшийся неизбежным, все-таки случился – Лиза убила бы ее своими руками. Так она потом и призналась – в очень крепких непарламентских выражениях.

* * *

Второго числа был зачет у первого курса. Долгих полтора часа из аудитории не доносилось ни звука.

Потом будто прорвало плотину – первыми вышли две девушки, потные и счастливые, потом парень, потом сразу трое парней. И так, один за другим, вышли восемнадцать человек; Егора среди них не было.

Сашка, притаившаяся за бронзовой ногой гигантского коня, закусила руку. Если только Егор сдаст… Если только сдаст… Она подойдет к нему первая. Пусть он только выйдет.

Минуты шли. Голоса в коридоре стихали. Егор не выходил.

Я приношу несчастье, в ужасе думала Сашка. Тот, кто любит меня… Вернее, нет – тот, кто любил меня и бросил… Если Егора направят на пересдачу… что же мне делать?!

Открылась дверь.

Егор постоял в проеме – и вышел в полутемный зал. Сашка прыгнула на него из-под брюха скульптуры. Егор отшатнулся.

– Сдал?!

– Сдал, – Егор сглотнул. – Да… Вот.

Сашка обняла его, обхватила изо всех сил. Прижалась лицом к его свитеру, вдыхая знакомый запах. Она так долго никого не обнимала… Ей так хотелось замереть надолго и чтобы рука Егора легла ей на плечо, на затылок… Погладила по голове…

Егор стоял неподвижно.

Сашка слышала, как бьется его сердце. Ощущала дыхание.

Она подняла голову. Егор смотрел на нее сверху вниз. Без улыбки.

– Егорушка, – сказала Сашка, не размыкая рук. – Прости, если я тебя обидела. Я тебя люблю, и никого не слушай. Это вранье. Мне было очень плохо… Но теперь уже лучше. Послушай… пойдем ко мне.

Егор молчал. Она чувствовала, как он все больше напрягается. Может быть, удерживает себя?

– Ты мне не веришь?

Егор молчал. Его руки висели вдоль тела, как плети.

Сашка отстранилась.

– Извини, – сказал Егор. – Мне надо английский готовить.

И ушел.

* * *

– Здравствуйте, группа «А» второго курса. Вот и настал волшебный день, вот и пришел наш зачет…

Портнов говорил, перебирая зачетки, стопкой сложенные на краю стола. Вытащил две, неторопливо расписался, отодвинул в сторону:

– Самохина, Павленко, поздравляю. Самохина, лидер курса, так держать… И Павленко, проделавшая славный путь от «незачета» в отличницы. Обе свободны. Берите зачетки и убирайтесь.

– Вот же сволочь, – сказала Лиза, когда они с Сашкой оказались в коридоре.

Сашка согласно кивнула.

– Хоть бы все наши сдали, – Лиза нервно поежилась. – Слушай… может… пальцы за них в чернилах держать? Как ты думаешь?

Чернил они не достали.

Зачет длился четыре часа, за все это время из аудитории никто не вышел. Лиза, не выдержав, ушла в город. И Сашка пошла было с ней, но вернулась с половины пути. И ходила, как маятник, взад-вперед, и слушала звук своих шагов. Усаживалась – и снова вставала; все повторялось. Все было почти так же, как вчера. Над входом в актовый зал еще висели елочные гирлянды; Сашка не могла отделаться от мысли, что гирляндами и венками украшают жертвенных животных.

В начале пятого, когда за окнами уже темнело, группа «А» второго курса вывалилась, пошатываясь, в коридор. Кто-то остался стоять, привалившись к стене. Кто-то, выпучив глаза, понесся в сторону туалета.

Сашка бросилась к Косте:

– Как?!

– Нормально, – ответила Женя Топорко, невесть откуда появившаяся рядом.

– Всем поставил, – отдуваясь, сообщил Денис Мясковский. – Издевался, зараза… Ох.

Костя молча и крепко пожал Сашке руку. Повернулся и пошел по коридору, а Женя засеменила за ним.

Сашка в изнеможении закрыла глаза.

* * *

Двенадцатого января – точно в срок! – у Сашки благополучно родился брат, которого назвали Валентином.

Накануне, одиннадцатого, она сдавала зачет Стерху. Горбун зазывал в аудиторию по одному; Сашка вошла последней. Ее трясло, но не от страха.

– Сашенька, не надо так волноваться, все в порядке. Возьмите наушники, сейчас я поставлю вам трек, которого вы прежде не слышали, а вы должны будете воспринять его как можно полнее. Это будет не столько зачет, сколько суммарное, итоговое занятие. Вы готовы?

Сашка пришла в себя уже в коридоре. Ее однокурсники, обезумевшие от радости, играли в «конный бой» – Женя верхом на Косте против Лизы верхом на Денисе. «Всадницы» лупили друг друга тетрадками, свернутыми в трубочку, каждая норовила сбросить соперницу на пол; «кони» ржали, брыкались, по всему коридору стоял топот и смех, Сашка подумала, что средневековый карнавал – мгновенное высвобождение из-под чудовищного гнета – в истеричности своей похож на час, когда зачет по специальности окончательно сдан…

«О чем поют воробушки в последний день зимы? Мы дожили, мы выжили, мы живы, живы мы!»

Стерх только что своей рукой написал в ее зачетке: «Отлично». Зачеты по специальности всегда дифференцированные.

А до экзамена остался ровно год.

* * *

С утра тринадцатого января первый этаж общежития был завален чемоданами и сумками. Комнаты стояли с распахнутыми настежь дверями. Первый курс разъехался еще вчера – кроме нескольких девочек, невесть зачем задержавшихся еще на день; впрочем, Сашка подозревала, что им нужно кое с кем попрощаться.

– Пока, мелкие! – напутствовал первокурсниц Захар. – До новых встреч… по ту сторону!

Третьекурсники один за другим вошли в актовый зал, и двери за ними закрылись.

* * *

Шестнадцатого января второкурсники сдавали экзамен по правоведению. Сашке попалось что-то про раздел имущества после развода. Она не помнила, как правильно делить нажитое, и что-то невнятно мямлила, сгорая от стыда. Преподавательница была недовольна, но поставила почему-то четверку.

В коридоре на подоконнике сидел Костя. Наверное, ждал, пока освободится Женя.

– Я на столе оставила зачетку, – сказала Сашка. – Заберешь потом, хорошо?

– Хорошо, – отозвался он. И, понизив голос, вдруг спросил: – Когда ты уезжаешь?

– Не знаю, – сказала Сашка. – Я еще билетов не брала. У меня сейчас мама в роддоме, неизвестно, когда ее выпишут, и я…

Костя смотрел куда-то за Сашкино плечо. Она обернулась. В десяти шагах от них, у лестницы, стоял Стерх – пепельные волосы его, на этот раз приглаженные, обрамляли серое лицо и касались воротника.

– Добрый день, Николай Валерьевич, – сказал Костя.

– Добрый день, Костенька… Саша, вы уже отвечали?

– Да, – сказала Сашка.

– Тогда идемте, есть разговор. – Горбун поманил ее длинным пальцем, и она пошла как привязанная.

* * *

Она ждала, что он поведет ее в кабинет. Но вместо этого горбун взял пальто и шляпу, велел одеться Сашке, и они вместе вышли на улицу. Был ясный день. Над Торпой куполом стояло голубое небо.

– Вы ведь еще не обедали?

– Н-нет…

– Вот и хорошо. Поздравляю вас, Саша, с успешным окончанием сессии… Нам сейчас налево. Туда, где вывеска. Там, на втором этаже, замечательный ресторан.

– У меня родился брат, – сказала она неожиданно для себя.

– Тем более есть повод для праздника.

Рестораны, столы под бархатными скатертями, швейцары и гардеробщики всегда стесняли Сашку. Их с горбуном проводили в отдельный закоулок, и Сашка сразу же забилась под окно – оттуда была видна улица, голуби на карнизе и кусочек неба.

– Вот меню, Саша. Что вы будете есть?

– Это, – Сашка наугад ткнула пальцем. – И вот это. И грибы.

Принесли закуски.

– Как вы себя чувствуете?

– Более-менее… ничего. Я хотела спросить… как там третий курс? Они… у них все в порядке, они сдали… все?

Стерх покачал головой:

– Еще не было итогового заседания экзаменационной комиссии. Ничего не могу сказать.

– Хотя бы приблизительно?

– После каникул, Саша, вы приедете и все узнаете. Экзамен прошел нервно, неровно, вот что я вам скажу. Но они молодцы… почти все. Их ждет сейчас новая жизнь, новые задачи… новые успехи… Это потрясающе интересно, Саша. Это гораздо интереснее, чем у вас теперь. Вы увидите – после переводного экзамена учеба только начинается… Ну да ладно. У вас-то теперь каникулы, вам надо отвлечься и отдохнуть. Никаких книг по специальности, никаких

занятий… Никаких эмоциональных потрясений… И вот еще, Саша. На вашем месте я бы никуда не ездил.

Сашка поперхнулась ломтиком помидора.

– Я не могу! У меня ведь брат родился… Маму на днях выпишут, ей нужна помощь… И кроме того – она же меня ждет!

– Понимаю. Но – Саша… Помните, что случилось на прошлых каникулах, зимой?

– Я себя контролирую, – горячо сказала Сашка. – Гораздо лучше. И потом – ведь то был несчастный случай. В первый раз в моей жизни кого-то били… грабили… на моих глазах. Ни раньше этого не было, ни потом, надеюсь, не будет. Я за себя отвечаю!

– Нет, Сашенька, – Стерх покачал головой, – это *я* за вас отвечаю. Сейчас вы повзрослели, и проблемы могут быть другие… Что это у вас с ногтями?

Сашка быстро спрятала руки под стол. Когда она нервничала, ногти темнели и начинали расти с немыслимой скоростью. Дорастив на экзамене миллиметра три, сейчас они снова стали удлиняться – твердые, блестящие, похожие на хитиновые спины коричневых жуков.

Горбун потер острый подбородок.

– Саша, я ведь не буду вам приказывать. Я и не могу, если честно. Каникулы – ваше право, сессию вы сдали… Но подумайте, что скажут ваши близкие, если вы на их глазах впадете в метаморфозу.

Сашка молчала.

– Самоконтроль… конечно, вы многому научились. Но представьте: нервы, экстремальная ситуация, маленький ребенок… Я боюсь за вас. Вы слишком ценны, чтобы… вести себя легкомысленно.

– Николай Валерьевич…

– Да?

– Я уже не человек?

– А почему это для вас так важно?

Сашка подняла глаза. Стерх сидел за столом напротив, спокойный, доброжелательный. Пепельные волосы двумя параллельными линиями обрамляли бледное треугольное лицо.

– Почему для вас так важно быть именно человеком, Саша? Уж не потому ли, что другого вы просто ничего не знаете?

– Я привыкла, – Сашка потупилась.

– Вот-вот. Сила привычки в вас – необычайная, из-за этого так тяжело нам дался ваш прорыв… Но теперь дело пойдет веселее… Ого, вот и парная телятина.

Перед Сашкой оказалась на столе огромная, как поле, тарелка. Поднимался пар над озерцами белого соуса, над густыми укропными зарослями.

– Я не могу не поехать. – Сашка судорожно проглотила слюну. – Они не поймут… Особенно мама. Я ведь полгода ее не видела. И то на летних каникулах – я ведь была не совсем… Не в себе, короче. Я соскучилась! Хотя бы на несколько дней!

– На несколько дней… – Плечи Стерха опустились. – Эх, Саша, а я так надеялся вас уговорить!

Теперь он казался сокрушенным и подавленным. Сашка смутилась.

– Я… Я там нужна, понимаете?

– Понимаю… Дело ваше, Сашенька. Но я вам этого не советовал.

* * *

Она уехала не сразу. Потянула еще несколько дней, но не потому, что в кассе, как обычно, не было билетов. И не потому, что мама все еще была в роддоме, а Валентин взял отпуск. Сашке важно было убедиться: она, хотя бы внешне, походит на человека. Без перьев и коросты.

Без лишних суставов. Она прекрасно понимала правоту Стерха: маме, пережившей роды, не нужна дочь, покрытая чешуей.

Она вышла из общежития, когда только начало темнеть. Протащилась с чемоданом по Сакко и Ванцетти и на автобусной остановке увидела Егора.

Споткнулась и замедлила шаг.

Егор смотрел в сторону. Будто не видел ее. А может, в самом деле не видел; рядом на утоптанном снегу стояла большая спортивная сумка.

Сашка остановилась чуть в стороне. Она сама не знала, чего ей сильнее хочется – чтобы Егор заметил ее или чтобы тут не было никакого Егора.

Подошел автобус. Егор с сумкой вошел через переднюю дверь, Сашка с чемоданом – через заднюю. Прошлась кондукторша, проверяя билеты, щелкая компостером. Автобус тронулся.

Сашка смотрела в окно. Впереди, среди чужих шапок, лысин, капюшонов, светлел коротко стриженный затылок Егора.

Он так и не оглянулся за все время пути.

Автобус пришел на станцию. Сашке повезло: она почти сразу купила очень хороший билет, нижнее место в середине вагона. Открыт был станционный буфет, Сашка взяла два пирожка и теплый чай в пластиковом стаканчике. Села в зале ожидания и через окно увидела, как Егор, по-прежнему не оглядываясь, садится в электричку.

Она заставила себя доесть пирожки. Потом пошла в станционный сортир, мокрый, вонючий, закатала рукав и отодрала с локтя наклейку-рожицу – порядком покоробившуюся, зеленую, как трава.

И утопила в унитазе.

* * *

Ночью в поезде Сашке стало плохо. Знобило, тошнило; хватаясь на ходу за поручни, она пробралась в туалет, заперлась, и здесь, в крохотной вонючей комнатушке среди лязга и грохота, у нее прорезались крылья.

Было холодно. Из сточной дыры тянуло морозом. Сашка видела свое отражение одновременно в зеркале – и в темном окне. Видела, как китайская спортивная курточка, бирюзовая с белыми полосками, напрягается на спине, вздувается, пульсируя, как будто у Сашки между лопаток мечется под курткой живое существо. Ей почти не было больно, и тошнота прошла, но что делать дальше, она решительно не знала.

Она сняла куртку. Стянула футболку. На покрытой мурашками спине судорожно подергивались два розовых, едва покрытых пухом крылышка. Поезд несся, как носятся в чистом поле ночные поезда. Под тонким железным полом гремели колеса – совсем рядом. Сашка стояла, голая до пояса, медленно замерзая, глядя, как крылья понемногу успокаиваются, перестают трястись, прижимаются к спине, будто выбирая наиболее удобное положение.

В дверь постучали. Потом постучали еще, решительнее, и голос проводника спросил громко:

– Эй, вы там не умерли? Санитарная зона, я запираю туалет!

– Запирайте, – сказала Сашка.

– Что?!

– Погодите, – она закашлялась. – Я сейчас выйду.

Она торопливо оделась. Несколько маленьких перьев, пестрых, нежных, разлетелись по туалету. Одно опустилось на раковину. Сашка, не думая, смыла его водой.

Вышла, сгорбившись, в полутьму коридора. Проводник поглядел сочувственно:

– Прихватило? Живот?

– Да, – сказала Сашка и пошла к своему месту – очень хорошему, нижнему, не боковому, в середине вагона. Первым делом вытащила из косметички ножницы и остригла ногти – украдкой, чтобы никто не увидел. Обрезки запихала под коврик; поезд подкатил к ночному перрону и встал, кто-то прошел по коридору, протащил чемоданы, кто-то заворочался на верхней полке. Вдоль состава брел рабочий, постукивая железом о железо, будто играя на огромном металлофоне.

Сашка нашла в сумке плеер. Поставила «реабилитационный» диск. И нырнула в абсолютную, умиротворенную тишину.

* * *

На вокзале ее встретил Валентин – исхудавший и веселый. При нем был мобильный телефон; Валентин продемонстрировал его Сашке с гордостью:

– Теперь на связи ежесекундно! Все-таки Оля одна дома с ребенком, мало ли что может понадобиться… А ты чего так горбишься? Не сутулься, выпрями спину!

– Я устала, – сказала Сашка невпопад. – Трудная сессия… И в поезде было душно.

– Пар костей не ломит… Я вот ездил в ноябре в командировку… Такой стоял колотун…

Валентин говорил и говорил, волоча Сашкин чемодан к метро. Сашка уже успела отвыкнуть от такого количества людей; на эскалаторе у нее закружилась голова. К счастью, она быстро успела взять себя в руки, и Валентин ничего не заметил.

Крылья никуда не делись.

Это ничего не значит, говорила себе Сашка. И раньше бывало, что «реабилитационный» диск Стерха помогал не сразу. Помнится, однажды вдоль позвоночника у нее выросли шипы, не особенно острые, не очень длинные, костяные. И торчали до вечера, а потом сами втянулись. Наверное, и на этот раз будет то же самое… Одно только плохо: среди массы нормальных людей, переполнявших утреннее метро, Сашка с потными крыльями, прилипшими к спине, чувствовала себя ужасно.

В прихожей их встретил отчаянный плач новорожденного. В дверях комнаты стояла мама в халате, радостная и растерянная одновременно:

– Не спит… Второй час убалтываю… Санечка, наконец-то! Смотри, вот твой брат!

Сашка вытянула шею. На руках у мамы возился, надрываясь от крика, краснолицый младенчик в белоснежном памперсе. Вопил, водя по сторонам бессмысленными голубыми глазенками.

«Свидание» длилось одну секунду: Валентин что-то пробормотал про сквозняки и микробов, мама прикрыла дверь комнаты, Валентин, сунув ноги в тапки, побежал мыть руки, а Сашка осталась стоять в прихожей, прислонившись спиной к входной двери.

Крылья зудели и ныли. Сашка повела плечами, как будто у нее затекла спина, и, упершись носком правой ноги в пятку левой, начала снимать сапоги.

* * *

– Почему ты горбишься? Выпрями спину!

Они сидели втроем за кухонным столом. Младенец наконец-то уснул; мама выглядела усталой, Валентин – замотанным. Сашка не снимала толстой вязаной кофты, хотя на кухне было тепло, даже жарко.

– Меня продуло в поезде. Тянет… мышца, наверное.

– Надо растереть мазью, – сказала мама. – Забыла название… эта, на пчелином яде… Валь, у нас есть в аптечке?

– Не надо, – сказала Сашка. – Само пройдет.

– Что-то ты мне не нравишься, – сказала мама. – У тебя нет температуры?

И она приложила ладонь к Сашкиному лбу давно знакомым, естественным жестом:

– Вроде бы нет… Ты вся взмокла. Сними кофту, зачем ты кутаешься?

Крылья, прилипшие к спине, дернулись. Мама, почувствовав неладное, протянула руку к ее плечу – но в этот момент Сашкин брат заверещал как резаный, и мама, отвлекшись, быстро ушла в комнату.

– Первый месяц самый тяжелый, теперь будет полегче, – пробормотал Валентин. – Кстати, учись менять памперсы – скоро пригодится!

Он улыбнулся, дружески, искренне, но Сашка не ответила на его улыбку.

* * *

Узор на запотевшей кафельной стенке помнился ей до мельчайших деталей, она знала его с детства – с тех самых пор, когда эту плитку положил мрачноватый усатый мастер. Сделано было добротно, вот уже почти восемь лет плитка держалась, радуя глаз, и Сашка, оказавшись в мире привычных вещей, на секунду растерялась.

Она стояла в своей родной ванной, поливая себя из душа, она, Сашка Самохина, вернувшаяся домой. Эта ванная помнила все ее дни; здесь она сонно чистила зубы, собираясь в школу. Здесь она плакала из-за случайной тройки. Здесь она, помнится, мечтала, чтобы Ваня Конев ей позвонил…

Она прикрыла глаза и направила струю прямо себе на макушку. Вспомнился Конев, вспомнилась их единственная пробежка – вместе – по парку, в пять утра. Все могло быть по-другому… Если бы тогда, год назад, она не кинулась на помощь неизвестному прохожему… И не изувечила ненароком троих здоровенных мужиков…

И если бы Конев не убежал, как заяц, увидев эту схватку.

Можно ли его осуждать? Кто из парней остался бы? Кто продолжил бы с ней дружбу или хотя бы потребовал объяснений?

Теплая вода струйками бежала по лицу. Мелкие перышки, черные и серые, уносились в водосток. Их было немного, но Сашка все равно боялась, что забьется канализация. Пробовала ловить их, но они выскальзывали и все равно утягивались вниз, в воронку, и Сашка отрешенно думала, что надо купить «Флуп» и на всякий случай почистить трубы…

Она не знала, как мыть крылья. Перьев на них было всего ничего, нежная розовая кожа собиралась складочками. Они были совершенно бесполезны. Не годились, чтобы летать. Белый пар окутал ванную, запотело зеркало; Сашку беспокоило и мучило не столько само наличие крыльев, сколько вот этот парадокс: ее ванная, ее дом. Она – обыкновенная. И – все, что случилось и что ее ждет. Переводной экзамен будущей зимой…

Мама стукнула в дверь:

– Санечка, ты там долго? Малой укакался, мне его надо помыть!

– Сейчас, – сказала Сашка.

Крылья было больно и неудобно вытирать полотенцем. По идее, их следовало просушить феном или просто расправить у батареи; но у Сашки больше не было отдельной собственной комнаты. Не было места, где можно было бы высушить без помех дрожащие мокрые крылья. Она пыталась представить себе, что будет, если мама или Валентин застанут ее за этим занятием… И не могла.

– Саш, ну скорее!

– Иду.

Она надела халат и накинула сверху полотенце. Вышла, сгорбившись. В комнате плакал младенец. Мама улыбалась:

– Идем, я тебя научу его мыть. У тебя ногти… Что это за ногти?!

Сашка сунула ладони под мышки.

– Это что, накладные? – в ужасе спросила мама. – Слушай, это же безвкусица полная… почему черные?

– Я смою, – сказала Сашка. – Это… так.

* * *

На следующее утро крылья остались на месте и, кажется, чуть подросли. Сашка усилием воли подавила панику.

Мама чувствовала себя неважно. Сашка вызвалась погулять с коляской. Был теплый, почти весенний день, светило солнце, а малышу уже было десять дней от роду. Полчаса, сказал Валентин. Больше нельзя.

Ветки мокрых тополей блестели на солнце, и с них падали капли. Сашка шла, толкая перед собой коляску, удивляясь непривычному ощущению. Брат утопал среди одеял и матрасов, только маленький нос выглядывал наружу – розовый нос спокойно спящего младенца. И весь этот день был удивительно спокойным: тихий двор. Застывшие в безветрии деревья. Солнце.

Чуть не доехав до места, где в прошлом году случилось побоище, Сашка развернула коляску. Разумеется, никаких следов не осталось – и снег лежал другой, чистый, хотя и подтаявший. Сашка вытащила плеер, надела наушники и погрузилась в тишину.

Напряженное молчание, будто в ожидании приговора. Оно может длиться часами, но Сашка уже знала: в ее силах изменить запись на диске. Молчание станет другим. Наблюдатель влияет на наблюдаемый процесс, так когда-то говорил Портнов.

Чтобы управлять этой силой, нужно впустить ее в себя. Сделать частью себя, присвоить. И только тогда – от ее имени – плести узор Молчания.

Тишина перед бурей. Тишина на кладбище. Тишина, когда нет слов. Беззвучие космоса. Бесконечное повествование, и тот, кто слушает, – одновременно и рассказчик, и действующее лицо, и ухо, и воздух, и слуховой нерв…

Тысячи людей одновременно задержали дыхание. Что-то случится; Сашка медленно шла вдоль строя влажных кустов, мимо тополей и берез, мимо старой ивы, мимо рябины с остатками ягод на ветках. А справа от Сашки шла по снегу ее тень, держась за тень коляски, ее проекция на мир слежавшихся водяных кристаллов, длинная, голубоватая, включившая в себя цвет неба.

Предмет и его проекция соединены обоюдной связью. Так когда-то сказал Портнов. Он говорил – «набрасывал», по его собственному выражению, – слова и фразы, порой лишенные смысла, порой банальные донельзя или просто непонятные, Сашка слушала – и забывала…

А сейчас, на долю секунды, она ощутила одновременно – включила в себя, сделала своей частью – все свои проекции.

Ее соседка по парте до сих пор помнила слова, сказанные сгоряча когда-то в мае, в самом конце седьмого класса.

Дерево, которое она посадила четыре года назад, подросло.

В застывшем бетоне у новостройки остался отпечаток ее подошвы.

Она отражалась в маме, в Валентине, еще в сотне людей; она отражалась – неожиданно ярко – в Косте. Она была ночным кошмаром Ивана Конева. Она отражалась в судьбе далекого чужого человека – своего отца, который жил на другом конце города.

И она сама была отражением. Это осознание заставило Сашку распасться на мелкие частицы, а потом снова собраться заново; когда она открыла глаза, прямо перед ней стоял Валентин в расстегнутом пальто, удивленный и злой.

Сашка сняла наушники.

– Сорок минут прошло! Я что, должен за тобой бегать? Его же кормить пора!

Младенец по-прежнему спал, выставив из груды одеял розовый носик. Валентин взял у Сашки коляску и повез к подъезду – торопливо, так что брызги летели из-под колес.

– Только о себе думают, лишь бы плеер послушать, – сказала старушка на скамейке.

Сашка постояла, грея дыханием замерзшие руки. Потом вздохнула, расправила плечи – и поняла вдруг, что крыльев на спине больше нет.

* * *

Каждый день она ходила в магазин со списком продуктов. Гладила пеленки. Помогала маме готовить молочную смесь; брат был «искусственником», мама очень сокрушалась по этому поводу, Сашка не понимала, из-за чего сыр-бор. Ну, нет молока, и не надо. Возни не оберешься с этими бутылочками-сосками, но зато кормить ребенка может кто угодно. Валентин, например. Или даже она, Сашка.

Брат не вызывал у нее никаких чувств. Ни умиления, ни раздражения. Она научилась не просыпаться ночью от плача: мама и Валентин «дежурили» по очереди, а вставать к ребенку приходилось каждые три-четыре часа. Это был мир, вращающийся вокруг одного светила, полностью подчиненный младенцу. Мама, не вполне здоровая, ослабевшая, могла думать только о нем. Валентин по макушку ушел в домашнее хозяйство, лишал себя сна и отдыха ради купаний, уборок и стирки; соседки считали, что о таком муже любая женщина может только мечтать.

Сашка была как астероид на временной орбите. Она по-прежнему гуляла с коляской, ловя на себе заинтересованные взгляды проходящих женщин, старушек, редко – мужчин. Она кипятила бутылочки, готовила и убирала, иногда меняла памперсы. Раз или два брат улыбнулся ей; это была бессмысленная, хотя и очень милая, почти человеческая улыбка.

Однажды, в очень солнечный день, Сашка рискнула прикатить коляску в знакомый парк. И там, выхаживая по кругу, по вычищенным и посыпанным солью аллеям, подумала – впервые со времени экзаменов – о Фарите Коженникове. И о том, что могло случиться, если бы она, Сашка, не сдала зачет по специальности.

Брат спал под пуховым одеялом, укрытый, закутанный, как крохотное зернышко в толстой скорлупе. Его могло бы не быть. Все живое очень хрупко. «С вами совсем-совсем нельзя договориться?» – спросила Сашка на берегу реки, по которой плыли осенние листья. И он ответил: «Саш, в мире полным-полно сущностей, с которыми *нельзя* договориться. Но люди как-то живут, верно?»

Но как же хрупко они живут!

Под солнцем подтаивал снег. Близилась весна. По парку расхаживали бабушки с внуками, мамаши с колясками. На месте катка остался изношенный, исцарапанный ледовый пятачок, и три пацана играли на нем в хоккей – на коньках из них был только один, и он все время проигрывал.

Брат завозился. Сашка испуганно качнула коляску: пора было разворачиваться к дому. Однажды маленький Валечка заплакал во время прогулки и орал не переставая всю дорогу обратно – тогда Сашка бежала с дикими глазами, распугивая прохожих, проклиная себя за то, что ушла от дома так далеко…

Валечка чмокнул губами и затих. Сашка перевела дыхание, развернула коляску и почти сразу столкнулась с Ваней Коневым.

Делать вид, что они друг друга не узнали или не заметили, было поздно. Первой опомнилась Сашка:

– Привет, – и небрежно покачала коляску.

– Привет, – пробормотал Конев. – Твой?

– Ага, – ответила Сашка прежде, чем успела подумать.

– Поздравляю… Мальчик?

– Ну да, – Сашка безмятежно улыбнулась. – А у тебя как дела?

– Хорошо. – Иван облизнул губы, чего на морозе делать не следует. – Отлично.

– Ну, пока, – равнодушно сказала Сашка. – А то его кормить пора.

– Пока.

Сашка зашагала к выходу из парка. Не оглядываясь.

* * *

Ночью накануне отъезда в Торпу она не спала совсем. Лежала в темноте и слушала часы, тикавшие по всему дому. Проснулся ребенок, заплакал, затих. Заплакал снова. Сашка слушала, как в соседней комнате мама бормочет колыбельную. Она вдруг узнала песню, вернее, напевный речитатив: это был кусочек ее собственного младенчества. Короткий обрывок информации. Слово, унесенное сквозняком.

Ребенок уснул. Мама, как видно, отключилась моментально; поворочался Валентин, и снова сделалось тихо. Тикали часы.

Сашка поднялась. Споткнулась о наполовину собранный чемодан. Шторы были задернуты не до конца, сквозь щели пробивался свет уличных фонарей. Проехала машина, мазнула фарами по потолку.

Босиком, по ледяному полу, Сашка прошла в соседнюю комнату.

Здесь было тесно. Детская кроватка стояла вплотную к большой кровати, так чтобы мама могла, протянув руку, коснуться ребенка. Сейчас она спала, подложив ладонь под щеку, почти уткнувшись лицом в прутья кроватки.

Стараясь не смотреть на спящего рядом Валентина, Сашка подошла ближе и остановилась над кроваткой. Луч света с улицы перечеркивал одеяльце косой чертой. Младенец лежал на спине, закинув на подушку сжатые кулачки, слепив ресницы, полуоткрыв крохотный рот.

Он тоже был словом. Отзвуком. Материальным воплощением чьей-то короткой просьбы. Сашка не отдавала себе отчет, откуда в ней взялось такое знание; она сделала еще шаг и взяла ребенка на руки.

Мотнулась головка; Сашка успела ее придержать. Ребенок был не до конца оформившейся волей, подвижным сгустком информации; он был частью Сашки. Частью ее мира. Он был *ее*.

Два слова слились в один звук.

Ребенок открыл сонные голубые глаза. Казалось, он сейчас закричит. Тикали часы. Беспокойно дышала мама, измученная постоянным недосыпом.

Сашка смотрела на себя. И снова смотрела на себя; это было похоже на два зеркала, установленные друг против друга. Ребенок, ставший частью ее личности, молчал. Его глаза медленно темнели. Взгляд был почти осмысленным.

Сашка едва удержала крик.

Так же молча, прижимая ребенка к груди, она вышла на кухню. Еще не понимая, что произошло, но уже мокрая с головы до ног от холодного пота. Положила Валечку на стол; согнулась, прижимая руку ко рту. Ее вырвало золотыми монетами – впервые за много месяцев. Монеты звенели, раскатываясь по полу, и каждый звук, каждый ничтожный шорох мог разбудить чутко спящую маму.

Мальчик на столе лежал неподвижно. Кулачки сжимались и разжимались. Глаза, сделавшиеся теперь карими, смотрели напряженно. Неотрывно. Смысл – сумма смыслов – составлявших это человеческое существо, растворялись в Сашке стремительно, как мыло в воде. Колыбельная связывала их, будто общая кожа.

Сашка забилась, пытаясь разорвать эту связь. Пытаясь снова выделить младенца в особый «пакет информации». В какой-то момент ей казалось, что вот, она понимает и контролирует все: два их тела, как отражения двух схожих смыслов, два прозвучавших слова, одно из которых – приказ, повеление, сгусток воли…

И этот сгусток окончательно вырвался из-под контроля. И втянул в себя безволие младенца, как большая капля ртути поглощает мелкую.

Валечка на столе устало расслабился. Закрыл глаза. В ту же минуту в комнате скрипнули пружины кровати – заворочалась мама. Сейчас она привычно протянет руку сквозь перекладины кровати, нащупает вместо спящего сына холодную простыню…

Не сводя глаз с ребенка, Сашка отошла к двери. Закрыла; заперла. К счастью, дверь кухни изнутри снабжена была задвижкой – на случай сквозняков.

Трясущимися руками сняла телефонную трубку. Набрала номер мобильного телефона; этот номер был в ее памяти таким экстренным, таким аварийным, что вспоминался только в крайних случаях – как будто написанный алыми буквами на бетонной стене.

На часах было полчетвертого утра.

«Абонент находится вне зоны досягаемости».

Не может быть! Сашка, закусив губу, набрала номер снова. Ответь! Пожалуйста!

Гудки.

– Алло, – сказал негромкий голос. Не сонный. Не похоже, чтобы этого человека разбудили в глухую ночь.

– Фарит, – пробормотала Сашка, впервые называя его по имени. – Я что-то сделала… я что-то такое… пожалуйста, помогите мне связаться с Николаем Валерьевичем!

– Что ты сделала?

– Я не понимаю. С ребенком… Пожалуйста, помогите мне!

– Погоди, – сказал Коженников. Последовала длинная пауза; Сашка услышала шаги в коридоре и неуверенный голос мамы:

– Саня? Эй, ты взяла малого?

– Да, – сказала Сашка, глядя на ребенка, безжизненно лежащего поперек стола. – Спи. Не волнуйся. Я его укачиваю.

Дернулась дверь.

– Сань, ты заперлась? Открой!

– Спи, – повторила Сашка, прижимая трубку к уху. – Не волнуйся. Я за ним слежу.

– Что за ерунда! Открой дверь! Зачем ты заперлась!

– Я сейчас. Ты спи.

– Александра!

Мама окончательно проснулась. Теперь в ее голосе был гнев – и страх. Что-то творилось, что-то происходило, случилась беда, она это чувствовала – но не могла распознать природу опасности.

– Саша, – очень сухо сказал Коженников в телефонной трубке. – Проверь, жив ли ребенок.

– Что? – пролепетала Сашка.

– Проверь пульс.

– Открой немедленно! – Мама ударила в дверь кулаком. – Валя! Валя!!

Сашка схватила младенца за ручку. Она была такая крохотная, на ней невозможно было нащупать пульс; уже уверенная, что ребенок мертв, Сашка вспомнила вдруг уроки Дим Димыча («Считаем пульс за шесть секунд, умножаем на десять») и прижала пальцы к тонкой шейке ребенка.

Шейка была теплая. Пульс нашелся.

– Жив, – прошелестела Сашка в трубку.

– Открой дверь! – ревел теперь уже Валентин, грозя снести дверь с петель.

– Сейчас! – крикнула Сашка, в голосе ее были слезы. – Чего вы орете? Чего вы кричите? Я сейчас открою!

– Положи трубку, – сказал Коженников. – Сейчас перезвонит Стерх.

Сашка нажала «отбой».

В дверь на секунду перестали ломиться. Мама плакала, Валентин ее утешал:

– Ну что за истерика… что случилось, я не могу понять… Сейчас все будет… сейчас… Александра, открой немедленно. Я считаю до трех. Раз…

Зазвонил телефон.

– Алло!

– Слушайте, – без долгих предисловий сказал Стерх. – И *работайте*, хорошо, внимательно, у вас три минуты на обратный переход! Начали!

И все затопила тишина.

* * *

Первой не выдержала задвижка – расшатались маленькие шурупы, скоба отлетела, и мама с Валентином ворвались на кухню.

К тому времени соседи, разбуженные шумом, уже стучали в батареи и в стены. Какой-то умник вызвал милицию. Желтая машина с синей полоской остановилась у дома через час после начала инцидента.

Сашка сидела перед столом, на котором спал ребенок. Спокойно спал, посапывая, почти касаясь лица сжатыми кулачками. Сашка была вся покрыта потом, белая, всклокоченная, с зажатой в руке телефонной трубкой.

В трубке пищали короткие гудки – отбой.

Остаток ночи прошел в разбирательствах. Мама пила валерьянку, корвалол, валидол. Валентин сгоряча отвесил Сашке пощечину – а потом ему сделалось неприятно об этом вспоминать. Ребенка унесли в кроватку, и там он проспал до семи утра; у Сашки дрогнуло сердце, когда она услышала его неуверенное хныканье. Мама покормила Валечку, он поел, в хорошем настроении улыбнулся и снова зажмурил голубые глазки; мама немного успокоилась. Чуть-чуть.

– Ты. Можешь. Нам. Объяснить. Зачем. Ты это. Сделала?

– Я ничего не делала, – соврала Сашка и отвела глаза. – Я подумала… последняя ночь… неизвестно, когда в следующий раз его увижу…

– Как это – неизвестно?!

– Я просто взяла его на руки, – упрямо повторила Сашка. – Просто хотела… Рядом с ним посидеть… Зачем вы ломились, я что, убийца?!

Мама переглянулась с Валентином.

– Ты вела себя странно, – отрывисто сказал мужчина. – Зачем ты заперла дверь? С кем ты говорила по телефону? В полчетвертого утра?!

– Ошиблись номером. – Сашка устала. Ей было уже все равно, хотелось только вырваться, уйти от расспросов, лечь на полку в поезде и проспать до самой Торпы.

Простились очень холодно. Сашка взяла чемодан за ручку, сама выкатила его на улицу и зашагала – одна – к метро.

* * *

Наверное, это было похоже на роды; в ту ночь она впервые осознала себя как сумму информации. Она нашла в себе чужое, и она исторгла его из себя – с кровью, почти вывернувшись наизнанку.

Она до последнего не знала, восстановится ли ребенок как прежняя личность в прежнем теле. Мама ничего нового во внешности и поведении Валечки не заметила – во всяком случае, в первые минуты. А что будет потом, Сашка не знала.

Она прибыла на вокзал за три часа до отправления поезда. Состав еще не подавали. Сашка нашла свободное место в зале ожидания и села, поставив перед собой чемодан.

Ей было до слез жалко маму. Она содрогалась при мысли о том, что могло случиться с маленьким Валечкой. И она знала, что мама ей не простит.

По огромному залу медленно перемещались человеческие массы. Плыли, запертые под крышки чемоданов, носки и рубашки, тюбики с зубной пастой, комнатные тапочки, штаны, свитера, книги, конфеты, игрушки. Все это было материально до последней ниточки. И все это было всего лишь тенью чего-то большего, нависавшего над головой. Сашке казалось: подними она глаза к потолку – и увидит преграду между собой и светом, нечто огромное, отбрасывающее сложную систему теней.

Сегодня ночью, слушая тишину в телефонной трубке, она совершила внутреннее усилие, в сравнении с которым все учебные нагрузки казались ерундой. Она *снова* переступила черту. Еще один шаг в мир, о котором она ничего не знала. Куда ее вели и толкали насильно. И откуда, похоже, уже не было обратной дороги.

Наконец-то подали состав. Сашка подошла к проводнице самой первой.

– Погодите, девушка. – Проводница, пышнотелая блондинка лет тридцати, заступила ей дорогу. – Мне первый пассажир нужен мужчина! На удачу!

Сашка ничего не ответила. Стояла у вагона, глядя вверх, на темное небо.

Казенным белым светом горели фонари. Ни на путях, ни на перронах не осталось снега – убрали, затоптали. Подрагивала земля: по соседней колее шел маневровый тепловоз. Круглолицый парень выглянул в окно, улыбнулся и махнул Сашке рукой.

Подошел, не спеша, мужичок с чемоданом. Предъявил билет, поднялся по ажурным черным ступенькам в вагон.

– Теперь давайте, – сказала проводница Сашке.

В вагоне было душно. Сашка отыскала свое место, затолкала чемодан под полку и, повесив куртку на крючок, легла.

Зачем она подошла ночью к спящему ребенку?

Почему ей показалось, что она и ребенок – одно и то же? Зачем ей захотелось присвоить его, слить с собой? Почему это так легко у нее получилось?

И *почему* она не послушала Стерха, когда тот сказал: «Не советую»?!

Вагон понемногу наполнялся людьми; некоторые из них были плотными, как вырезанные из дерева фигурки. Другие казались зыбкими, выцветшими, не имеющими значения. Сашка закрыла глаза, чтобы на всякий случай никого не видеть.

Завтра четырнадцатое февраля. Начало второго семестра. Портнов соберет их в аудитории номер один, выдаст новые учебники и сборники упражнений. Стерх…

Сашка села на постели при мысли о том, что скажет ей Стерх. Сегодня ночью они не здоровались и не прощались: за мгновение до того, как на кухню ворвались мама и Валентин, Сашка успела прошептать, что младенец пришел в себя, и Стерх просто повесил трубку. Она прекрасно понимала: горбун отреагировал на ее преступление мгновенно и профессионально,

и если бы не он – и не Фарит Коженников, блистательно сработавший диспетчером, – все могло бы обернуться по-другому.

Как – Сашка старалась не думать.

Поезд тронулся.

Она вернется в Торпу. Примет наказание от Стерха… Если тот сочтет нужным ее наказывать… И опять зароется в книжки. В упражнения. Со временем окончательно перестанет быть человеком, и тогда ей, наверное, сделается все равно…

А *почему* она должна возвращаться в Торпу?!

У нее даже дух захватило. За последние годы она так привыкла к мысли, что из Торпы не вырваться, что ей придется учиться до диплома, придется сдавать переводной экзамен на третьем курсе и вся ее жизнь зависит от Портнова, от Стерха… зависит от Коженникова. Который вот уже два с половиной года делает с ней что хочет и при этом «не просит невозможного».

Но ведь Сашка-то изменилась!

Ее соседи по купе, супружеская пара средних лет, устраивались на ночлег. Сашка нащупала в кармане куртки пригоршню монет; ночью, на кухне, она успела их собрать… может быть, не все. Валентин еще спрашивал, что это, Сашка привычно врала про игровые жетоны… про медный сплав… Маме было не до того. Мама носилась по квартире с Валечкой на руках, а Сашка ползала под столом, собирая золотые монеты с цифрой «ноль», с округлым знаком, который кажется объемным, если присмотреться. Ничего хорошего в жизни ей не принесли эти монеты.

Поезд катил через заснеженный лес. Свет окон падал на просевший ноздреватый покров, кое-где уже разорванный проталинами. В вагоне пили и ели, курили в тамбурах, смеялись, спали. Предвкушали встречу. Переживали разлуку. Играли в карты.

Проводница принесла постель. Сашка кое-как развернула матрас и легла снова, на этот раз укрывшись простыней. Станция Торпа – в полпятого утра. Торопиться некуда.

* * *

В два часа в вагоне все спали.

Тлели угли под котлом с водой.

На столике в купе проводницы лежали ключи. Проводница неосмотрительно задремала, оставив дверь купе полуоткрытой.

Сашка прошла в тамбур. Прикрыла за собой дверь в вагон. За стеклом, полосатым от железных перекладин, наперегонки неслись столбы и сосны.

Она открыла дверь и захлебнулась от ветра. Здесь, далеко от города, не было оттепели – сыпало редким колючим снегом, в прорывах туч стояли звезды, неподвижные и белые, будто замороженные.

Вернувшись на цыпочках, положила ключи обратно на столик. В конце концов, проводница ведь ни в чем не виновата?

Постояла в двери вагона, чувствуя, как бьет по лицу ветер. Как горит кожа и слезятся глаза. Нормальные, очень человеческие ощущения.

Протянула вперед ладонь. Золотые монеты рассыпались и исчезли.

Сашка постояла еще, дыша изо всех сил, раздувая легкие. А потом разжала пальцы, вцепившиеся в поручень, и шагнула вперед. Или ей показалось, что шагнула…

И взорвалась изнутри.

Порывом ветра куртку снесло, забросило Сашке на голову. Вязаный свитер разлетелся на ниточки, под ним треснула майка. Справа и слева от позвоночника, на пару сантиметров выше застежки бюстгальтера, открылись две горячие дюзы.

Сашке казалось, что она видит поезд со стороны. Видит его длинную спину с маленькими трубами, из которых где гуще, где реже поднимался дым. Она все это видела, понимая, что вокруг темнота; она ощущала воздушные потоки. Стелилась, перетекала в пространстве, а может, скользила, как скользит по земле тень летящего самолета.

Тень не знает препятствий. По воде, по земле, по снегу; тень легко падает в провалы и так же легко выбирается на поверхность. Облака лежали двумя ажурными слоями – один над другим. А еще выше белым жемчужным слоем лежали звезды. А под ними темнел лес, полный жизни. Поезд, медленная змея, вырвался на открытое пространство, в поле, где темнели проталины. В глубоком рву стояла вода под нежной корочкой льда. Это была еще зимняя, еще глубоко спящая земля, уже беременная весной.

Сашке захотелось петь.

И еще – захотелось забрать это все себе. Это жемчужное небо. Эту холодную, беззащитную землю. Эти семена глубоко под подтаявшим снегом. Эти холмы…

Она раскинула руки. Каждое невидимое зернышко в мерзлой земле показалось ей тенью большого, невыносимо огромного слова «жизнь». Каждый корень в ожидании тепла. Каждая капелька влаги. Жизнь, вокруг которой вертится все на свете.

Которая одна имеет смысл.

– Мое! – крикнула Сашка.

Ее крутануло, как щепку в водовороте. Навалилась серая мгла, Сашка перестала видеть поезд, небо и лес. Она рванулась вверх, но марево сгущалось. Тогда, обхватив колени руками, она упала вниз, вырвалась на свет, увидела половину солнца, поднимающегося над гладким горизонтом, и не узнала этой местности.

Тогда она рассыпалась на буквы. На коротенькие простые мысли. Прошло сто лет, и еще сто лет, и Сашка сложилась снова – в себя.

Она лежала ничком на крыше несущегося поезда.

На ней был свитер, изодранный в лохмотья, и видавшие виды черные джинсы.

* * *

– Простите, какой это вагон?!

Маленький красноглазый человечек, куривший в тамбуре, отшатнулся и чуть не упал. Снаружи, из приоткрытого окна на него смотрела, свесившись вниз головой, девушка.

– Какой это…

– Сгинь! – закричал мужичок, и Сашка поняла, что он много пил вчера. А может быть, и позавчера тоже.

Двери вагонов были закрыты. Поручни заиндевели. Сашкины ладони распластывались, прилипая к железу, и держали надежно – но потом их было больно отрывать. Ее вагон был седьмой; дверь, подавшись, вдруг открылась внутрь, Сашка секунду болталась над входом, как портьера, а потом провалилась в тепло – прямо на влажный затоптанный пол.

В коридоре было душно. Светлый полосатый ковер вдоль вагона казался длинным, как взлетная полоса. Пассажиры спали.

Сашка прокралась в туалет, посмотрела на себя в зеркало – и заплакала.

* * *

– Девушка! Девушка, Торпа через пятнадцать минут…

Сашка только притворялась спящей.

Ночью она распотрошила свой чемодан и напялила на себя все, что было. Все свитера и кофты. Осеннюю куртку. Шапку. Перчатки. Обмотала лицо шарфом. Надела темные очки.

Было темно, когда проводница выпустила ее на перрон в Торпе – стоянка одна минута.

Поезд тронулся. Сашка села на чемодан; она не чувствовала холода. Все ее тело было покрыто жесткой коркой, красновато-коричневой, как полированное дерево. Хитиновые пластинки терлись друг о друга, похрустывали, поскрипывали при каждом движении.

На часах было без десяти пять утра, вдоль перрона мела февральская поземка, и до первого автобуса, отправляющегося со станции в город Торпу, оставалось два с лишним часа.

Сашка вытащила из сумки плеер. Надела наушники. Нажала на кнопку – и закрыла глаза.

* * *

– Самохина, занятие началось десять минут назад.

– Я знаю.

– Очень плохо, что вы знаете – и позволяете себе опаздывать. Я только что сообщил группе, что первое контрольное занятие – завтра в семнадцать тридцать, по отдельному расписанию. Садитесь, к завтрашнему дню вы подготовите номера с первого по восьмой на странице пять. Коженников, выдайте ей учебники.

Волоча ноги, Сашка прошла к своему месту.

Она почти решилась не ходить на специальность. Почти. В автобусе на нее смотрели, как на прокаженную, рядом никто не решался сесть. Всю дорогу она не снимала наушников, и к моменту, когда ключ повернулся в замке двадцать первой комнаты, к ней вернулось человеческое обличье.

Колготки пришлось выбросить – они были изрезаны хитиновыми пластинками. Джинсы скрипели в руках от противной пыли, похожей на коричневый крахмал. Полуголая, в одном полотенце, Сашка прошла в душ, шокируя по дороге первокурсников. В душевой под зеркалом нашла чье-то забытое мыло и измылила его о себя до тоненькой пластинки. Все так же, в полотенце, вернулась в комнату и натянула последнюю целую одежду – спортивный костюм.

Потом она легла в кровать, посмотрела на часы и поклялась себе не ходить сегодня на специальность. Пусть делают что хотят.

За минуту до начала пары не выдержала. Вспомнила маму. Вспомнила Валечку – в те минуты, когда он ей улыбался. Встала, кое-как расчесалась и, как была, в трикотажном спортивном костюме, побрела в институт.

– Итак, второй курс, группа «А», слушайте меня внимательно.

Прямые волосы Портнова за последние месяцы стали еще длиннее. Светлый «хвост» дотянулся до середины спины.

– То, что мы называем встроенным сознанием, довольно потрудилось на вас во время предыдущих семестров, теперь от вас потребуется не просто выполнение, но и глубокое понимание довольно сложных вещей… Коженников, мне долго вас ждать?

Костя стоял перед Сашкиным столом с тонкой стопкой книжек в руках. Казалось, он никак не мог решить, какие из учебников отдать Сашке, а какие – оставить себе.

– Все, что вы хотите сказать Самохиной, вы скажете после занятия! Передайте ей текстовой модуль, сборник упражнений и понятийный активатор, вот этот, в желтой обложке…

Сашка, чуть повернув голову, отметила, что Женя Топорко поправилась. Не особенно, но уже заметно. Ей не стоило надевать сегодня эту блузку – в обтяжку… А вот Лиза, наоборот, похудела, на ней был строгий черный свитер и широкие брюки, на груди поблескивал серебряный кулон – стильно; Сашка осознала вдруг, что она сидит на занятии в мятом спортивном костюме, с едва расчесанными волосами, без косметики. И что такой ее увидели все, когда она, опоздавшая, переступила порог.

– Смыслы множественны. Они могут отчуждаться от породившей их воли, запаковываться, распаковываться и преобразовываться. – Портнов прошелся по аудитории, высоко

задрав подбородок. Постоял у окна за спинами сидящих. Прошествовал обратно, оперся кулаками о преподавательский стол; свет зимнего дня на секунду выбелил стекла его очков. – Учитывая, что на нынешнем этапе вашего развития вы способны воспринимать только привычным образом оформленную информацию, мы начнем с самого простого. Перед каждым из вас лежит понятийный активатор. Откройте его на странице три.

По всей аудитории зашуршала бумага. Сашка бездумно развернула книжку, тоненькую, в мягкой обложке. Ни имени автора либо составителя, ни исходных данных; на белом пространстве с внутренней стороны обложки был искусно нарисован большой возбужденный фаллос.

– В чем дело?

Сашка не собиралась хихикать, как дурочка. Губы сами расползлись в ухмылке. Рисунок был вызовом – грубым и отчаянным, выходкой человека, «запаковавшего» свой «смысл» в единственно доступную оболочку.

Портнов взял книгу у нее из рук. Скептически хмыкнул:

– Ну да, ну да… Конечно… Останетесь после занятия, Самохина.

– Я-то здесь при чем?!

Не отвечая, Портнов отошел к столу, сунул Сашкин учебник в ящик стола, вытащил такую же книгу в желтой обложке, но поновее:

– Возьмите, Самохина… Итак, страница три. Перед вами схема, развернутая в четырех измерениях, что будет представлять для вас некоторую трудность. В целом активатор – это одна большая интерактивная система, дающая возможность обнаружить связи между фрагментами информации. К концу семестра, если вы, конечно, будете учиться, а не валять дурака, эта книга покажется вам живым существом, вечным двигателем, генератором и поглотителем великих смыслов… Тогда, возможно, вы не станете рисовать на полях дебильные картинки. Внимание: в горизонтальном ряду, строка пятнадцать, глубина один, вы видите условные обозначения. В диагональной колонке под номером один – понятия, для вашего удобства выраженные словами. Откройте тетради. За пятнадцать минут вы должны распознать закономерность и выписать как можно больше словесных определений для каждого значка… Время пошло.

* * *

Прозвенел звонок.

Сашка сидела, сгорбившись, над тетрадкой. В уголке на полях стояла дата – четырнадцатое февраля. Ниже, аккуратно вписываясь в клеточки, вился узор из цветов и листьев. И почему-то босых человеческих ступней. Ни значка, ни слова.

– На завтра параграфы один и два из текстового модуля. Понятийный активатор, схема на странице три. Все свободны, кроме Самохиной.

Закрылась дверь за последним студентом – Костей. Уходя, он оглянулся через плечо.

– Вижу, вы славно поработали, – ласково сказал Портнов, глядя через Сашкино плечо на ее художества.

Сашка даже головы не подняла. Портнов неторопливо взял стул, поставил напротив, уселся верхом, облокотившись на спинку.

– Вы, наверное, понимаете, что Николай Валерьевич не был обязан вызволять вас из той ямы, куда вы по глупости влетели?

– Я знала, что вы так скажете.

– Какая проницательность! Не совсем понимаю, откуда у вас именно сейчас взялся бунтарский дух, когда, по моему разумению, вы должны сидеть тише воды, ниже травы… На всякий случай знайте: за каждую просачкованную учебную минуту с вас спросится жестче, чем на первом курсе. Эти цветочки, – он ткнул пальцем по направлению к раскрытой Сашкиной

тетради, – уже внесены на ваш счет. Завтра жду вас на индивидуальных с отчетом об отработанных упражнениях – с первого по восьмое, если вы забыли.

– Я не забыла. – Сашка поднялась.

Портнов сощурился:

– Как-то вы слишком много стали говорить.

– А вы мне рот не затыкайте!

– С первого по десятое, – ровным голосом сообщил Портнов.

* * *

В вестибюле, перед стеклянной будкой вахтерши, ее ждал Костя. Заканчивался перерыв, по лестницам и холлу сновали первокурсники, толпой стояла группа «Б» перед входом в первую аудиторию. Третьекурсников не было, и, как всегда после зимней сессии, институт казался опустевшим.

– Привет, – сказал Костя.

– Привет, – отозвалась Сашка.

– Захар срезался.

– Что?!

– Перед началом пары Портнов сказал…

– Он чувствовал, – пробормотала Сашка. – Он приходил ко мне… попрощаться.

Костя дернул кадыком:

– Почему это… почему именно он, ты не знаешь?

Сашка стояла, опустив руки. Надо было идти наверх, на третий этаж, переодеваться на физкультуру, через пять минут звонок…

– Костя… Скажи Димычу, что я не приду.

– Портнов будет штрафовать за пропуски физры, он так сказал.

– Мне плевать.

– Саш…

– Извини, я пойду.

* * *

– Алло.

– Привет, – сказала Сашка и кашлянула, чтобы очистить голос. – Привет, мама.

– Привет, – отозвалась мама после крохотной паузы. В трубке было слышно, как плачет младенец.

– Как вы там? – торопливо спросила Сашка. – Как… малой?

– Нормально, – сказала мама сухо. – Беспокойный. Говорят, это газики.

– Ну, – сказала Сашка и запнулась. – У меня тоже все хорошо.

– Извини, – сказала мама. – Он плачет, не могу говорить.

И повесила трубку.

* * *

Она вошла в четырнадцатую аудиторию в пятнадцать двадцать, согласно расписанию. Стерх сидел за преподавательским столом, перед ним стопками громоздились книги, толстые тетради, разрозненные листы формата А4. Он не поднял головы при Сашкином появлении и не ответил на ее приветствие.

Она прикрыла за собой дверь и так и осталась стоять на пороге.

Над окном бахромой нависали сосульки. Солнце просвечивало их насквозь, на остриях набрякали капли и срывались, сверкая, вниз, исчезали из виду. Прошла минута. Потом вторая. Сашка привалилась спиной к дверному косяку. У нее ослабели колени.

Острый подбородок Стерха почти касался широкого узла на серо-голубом, с металлическим блеском галстуке. Склонив голову, он делал пометки в журнале – как будто Сашки здесь вовсе не было. Может быть, он хотел, чтобы она попросила прощения. Или наказывал ее этим длинным молчанием. Или в самом деле так презирал, что даже не хотел замечать.

Сашка смотрела на свои руки. Ногти удлинялись с каждой секундой. Кожа на щеках стягивалась, с ней тоже что-то происходило. Сосуды пульсировали, и каждый толчок сердца отзывался сухим щелчком в ушах.

– Вам повезло, что брат ваш еще очень мал. Будь он старше хотя бы на неделю, полное восстановление оказалось бы невозможным. Ребенок остался бы инвалидом без надежды на коррекцию.

Стерх говорил, не глядя на нее, по-прежнему вглядываясь в страницу журнала.

– Возьмите следующий диск… Последовательно проработайте первый трек. Только первый.

Сашка сделала несколько шагов – к столу. Протянула руку; ее ногти, уродливые, черные, загибались крючками. Она зажала конвертик с диском между ладонями и так, стиснув ладони, отступила назад.

– Вы свободны.

Сашка вышла, не сказав ни слова.

* * *

Все-таки она очень любила учиться. Эта почти противоестественная страсть спасла ее ночью, когда десять упражнений Портнова обступили ее, как убийцы, и ни одно не желало сдаваться без боя.

Поначалу она уговаривала себя: еще шажок, и отдохну. Еще одно мысленное превращение. Еще. Вектор, вектор, преобразование, вот и протянулись ниточки, вот и сопряглись два мысленных потока, вот и почти готово упражнение номер один…

Когда-то она пыталась понять, что именно в организме работает, выполняя эти задания. Мозг? Да, конечно. Воображение? На полную катушку. Интуиция? Наверное, да… Но это были части большого механизма, причем не главные; когда механизм, разогревшись, начинал работать в полную силу, Сашке казалось, что вся она, Александра Самохина, – всего лишь фрагмент его. Заднее колесо.

Был тихий февральский вечер. Длинная витая сосулька, свесившись с жестяного козырька, заглядывала в форточку комнаты номер двадцать один. Где-то играл магнитофон – грохотали барабаны, и низкий чувственный голос ворковал по-английски; потом и магнитофон устал, погасли на улице фонари, погасли соседние окна, и заснеженный газон перед общежитием сделался темным. Сашка одолела упражнение номер пять и приступила к шестому.

Понимать связи. Складывать из обломков картину. Разбирать механизм на детали, собирать из деталей новый механизм, вдруг – случайно – обнаруживать новые возможности и, перепрыгнув на другую орбиту, видеть вокруг бесконечное поле деятельности. Сашка увлеклась; временами возвращаясь, повторяя по памяти упражнения из первого семестра, попадая в тупик, обходя все на свете кружным путем и неожиданно натыкаясь на простое решение, – она сидела над книгой до шести часов утра.

Упражнение десять. Все.

Сашка замерла, чувствуя себя – свое тело – старой башней на берегу океана, тяжелым каменным строением, над которым пронеслись века. Внутри гулял ветер и струился песок. Напуганная подлинностью этого ощущения, Сашка пошевелилась – и пришла в себя. Руки затекли до бесчувствия. Очень хотелось пить и хотелось в туалет.

Она выпила полбутылки минеральной воды. Прошлась по коридору в санузел и обратно. Улеглась в кровать и нащупала на тумбочке плеер с наушниками.

Проявились цифры на крохотном дисплее. Первый трек…

«Ребенок остался бы инвалидом без надежды на коррекцию».

Еще раз первый трек. И еще. А потом второй. И третий.

«Ребенок остался бы инвалидом без надежды на коррекцию».

Пятый, восьмой. Сашка таяла в тишине, будто кусочек сахара. Распадалась. Растягивалась длинными тягучими ниточками от себя к маме. Что-то шептала ей на ухо, и мама ворочалась в тяжелом сне; спал младенец, положив кулачки на подушку. А Сашка тянулась и тянулась, как телеграфные провода, и чувствовала, что сейчас не выдержит, порвется. Слишком далеко…

И слишком поздно.

Сделав над собой усилие, она сорвала наушники. Плеер беззвучно повалился на пол. Ни стука, ни шороха. Отлетела, раскрываясь, круглая крышка, вертящийся диск поймал отражение уличного фонаря и остановился. Ни ветра, ни скрипа, ни привычной возни спящего общежития; чужое молчание продолжалось.

Она закричала – и не услышала себя.

Путаясь в одеяле, она рухнула с кровати, но даже боль в ушибленных коленках не смогла прервать Молчания. Она вскочила на ноги, понимая, что вот-вот захлебнется в тишине, но в этот момент грянул будильник.

Простое электронное устройство играло «Чижика-пыжика». И как только этот звук прорвался в Сашкино сознание – тишина пропала. Слышны стали и ветер, и далекое радио, и шлепанье тапочек в коридоре, и чей-то недовольный голос:

– Миха, ты не знаешь, кто это так орал?

* * *

На первой паре была физкультура.

Кажется, этой ночью не спал никто; группа «А» второго курса сидела и лежала на подоконниках, на матах и просто на полу, никто не желал смотреть другому в воспаленные измученные глаза. Только Денис Мясковский был неестественно весел, бегал по залу, то и дело подпрыгивал и повисал на баскетбольном кольце.

Лиза хмуро сидела на скамейке, глядя то на свою ногу в кроссовке, то на обрывок шнурка у себя в руке. Дим Димыч насилу заставил всех построиться и долго втолковывал, что физкультура на втором семестре второго курса нужна студентам как воздух, потому что учебные перегрузки плохо скажутся на здоровье, если его не укреплять.

– Дмитрий Дмитриевич, я не могу прыгать, – сказала Сашка. – У меня нога болит.

– У вас все время что-то болит, Саша. А курс, между прочим, недосдал нормы!

– Я сдам.

– Вы все мне обещаете. Короткая дистанция, прыжок в длину, тройной прыжок…

Он замолчал, обеспокоенно глядя Сашке в лицо.

– Ну, Саш… Что с вами?

– А что? – Она потрогала щеки. – Чешуя?

Кажется, Дима обиделся.

* * *

Она закрыла за собой дверь аудитории. Еле слышно поздоровалась – не надеясь на ответ. Замерла, глядя в коричневый щелястый пол.

– Вы работали с первым треком?

Стерх сидел за преподавательским столом, занавеска напротив была отдернута, и в потоке света с улицы Сашка могла разглядеть только темный силуэт.

– Подойдите ближе.

Сашка подошла. Стерх встал, обошел стол, остановился перед ней – высоченный, горбатый, едва ощутимо пахнущий хорошим одеколоном. Вспышка – резанул по глазам солнечный зайчик, отразившись на металлической пластине браслета. В ту же секунду Стерх издал короткий звук – не то шипение, не то астматический вздох.

– Я сказал – какой трек?

– Я включала первый. Я не виновата, что…

– Я велел работать с каким треком?!

– Оно само так получилось! Я тут ни при чем!

Пощечина прозвучала, как выстрел стартового пистолета. Сашка отлетела и ударилась спиной о стол.

– Когда вы без разрешения открыли сотый фрагмент – «оно само»? Когда вы решили поэкспериментировать с младенцем – тоже «оно само»? Вы решили учиться по собственной программе? Тоже «оно само»?!

– Я не просила меня учить! – Сашка тоже кричала. – Я не напрашивалась к вам в институт! Это вы всему меня научили! Вы виноваты! Вы…

Высвобождение энергии. Переход из одного состояния в другое. Прозрение было как вспышка – Сашка ощутила в себе силу втянуть, сделать частью себя и Стерха, и самого Коженникова, и весь институт. Более того – она ощутила настоятельную необходимость сделать это прямо сейчас.

И она взорвала себя, как гранату, растеклась жидкостью, вытянулась струйкой и тонким туманом расплылась по всей аудитории. Доля секунды – и туман, сгустившись, ринулся на Стерха, врываясь ему в ноздри, заливая гортань, перехватывая чужое дыхание.

Мелькнул аромат одеколона. Сделалось темно.

Еще мгновение. Сашку скрутило, как мокрую тряпку. Тяжелыми каплями она пролилась на дощатый пол, растеклась в широких щелях, собралась в лужу. Новая секунда; Сашка лежала, обмякнув, в мокрой насквозь одежде, студенистая, будто медуза, – без единой мышцы, без единой мысли. Февральское солнце, яркое, как весной, било в окна светлой четырнадцатой аудитории.

– Добивайте.

Стерх прошелся взад-вперед. Не удержавшись, все-таки пнул деревянный стул, и тот грохнул, ударившись о стену. Стерх что-то проворчал, прошелся еще раз, остановился.

– Самой-то не стыдно такое говорить?

Она подтянула колени к животу и заплакала, как избитая дворняга.

– Саша?

В голосе не было льда. Только беспокойство.

– Давайте вставать. Такое правило: упал – поднимайся… Тихо. Все.

Цепляясь за его белую холодную руку, она кое-как поднялась и тут же присела на корточки, обхватив голову ладонями.

Стерх опустился рядом и обнял ее. Осторожно погладил по макушке:

– Ты растешь. С опасной скоростью. Растешь как понятие. Твоя потенциальная сила разрывает тебя на куски… А поскольку ты сама человек невзрослый, твои собственные, еще человеческие конфликты добавляют проблеме остроты… Это пройдет. Надо потерпеть, Саша, взять себя в руки и не делать глупостей.

– Почему я это… зачем?! – проревела Сашка.

– Ты собой не владеешь. Тебе хочется кинуться в драку – ты кидаешься. Будто тебе три года.

– Нет! Зачем я это… с ребенком?! Я ведь жить не могу… Я не могу!

– Вот оно что…

Стерх мягко обхватил ее за мокрые плечи. Привлек к себе. Сашка не сопротивлялась.

– Вставай… Не надо сидеть на полу. Вы на том этапе, Сашенька, когда вам хочется много, много внешней информации, причем не грубой, потоковой, а организованной, тонко структурированной. Вам хочется всего, что видят глаза, по счастью, видят они пока не так много… Младенец, да еще родственный, носитель схожих информационных цепочек, – лакомая добыча. Мне нельзя было вас отпускать, Саша, но я не предполагал, что вы уже *так* сильны. Никогда, ни разу я не видел ничего подобного… Вы феноменальная студентка. И феноменальная дурочка. Не надо на меня обижаться.

– Мама мне не простит.

– Простит. Вы тоже ее ребенок. Не надо преувеличивать. Малыш будет весел и здоров…

– А если он вырастет идиотом?!

– Нет. Не вырастет. Скажите спасибо знаете кому? Фариту, он среагировал мгновенно, и так удачно выстроились вероятности… Ребенок восстановлен как автономная информационная система. Как личность. И хватит себя мучить, Саша. Вчера, например, ты могла нарваться на куда худшие неприятности… Встань, я хочу еще раз посмотреть.

В глаза ударил солнечный зайчик – блик, отраженный металлическим браслетом. Сашка зажмурилась.

– Саш, глаза открываем, смотрим на меня… Да. Я прошу прощения, что вас ударил. Но вас надо бить больше. Я бы вас выпорол, если бы мог. Вчера вы практически завершили переход из базового биологического состояния – в переходное, нестабильное. У вас колоссальная внутренняя подвижность. Сейчас вы опережаете программу на семестр, не меньше. Стабилизация у нас – по плану – на четвертом курсе, перед летней сессией. Если мне придется еще два с половиной года терпеть ваши кунштюки, Александра, я ведь не выдержу. Я уйду на пенсию.

Он улыбнулся, будто желая, чтобы Сашка оценила шутку.

– Вам уже исполнилось девятнадцать?

– Нет. В мае.

– В мае… Ребенок. Ваше профессиональное развитие страшными темпами опережает физиологические возможности. И замедлять процесс искусственно нельзя… Да, Сашенька, вы беда и подарок в одном, как говорится, флаконе.

– Я сдам экзамен?

– Не смешите меня. Вы сдадите блестяще. Если не забросите учебу, конечно.

– А Захар Иванов, – Сашкин голос дрогнул, – не сдал.

– Не сдал. – Стерх перестал улыбаться. – Вот еще что вас мучит… Не сдал. Мне очень жаль, Сашенька, Захара. Это несчастье… Вы думаете, зачем мы с Олегом Борисовичем твердим вам как проклятые: учитесь! Учитесь, готовьтесь к экзамену! Вы думаете, мы шутим? Э-э-э…

Он погладил ее по голове, как маленькую девочку.

– Учитесь, Саша. Настойчивость у вас есть, не хватает сдержанности и дисциплины. Все будет хорошо… А Фариту вы скажите все-таки спасибо, вы его все ненавидите, а без него вы, между прочим, и первого семестра не осилили бы… Ну что, мир?

Сашка подняла глаза. Стерх смотрел на нее сверху вниз, чуть улыбаясь.

– С-спасибо, – проговорила она, заикаясь. – Вы помогли… с ребенком… я бы там и умерла.

– Не надо умирать… Признайтесь, Саша, – вам ведь интересно учиться?

– Да. – Она перевела дыхание. – Очень.

* * *

У нее совсем не осталось приличной одежды. В мокром спортивном костюме она выбежала на мороз – и удивилась, не чувствуя холода.

Бегом вернулась в общежитие. Приняла душ. Села перед раскрытым чемоданом, не зная, что делать. До индивидуальных с Портновым оставалось сорок минут.

Обернувшись полотенцем, как римский патриций, Сашка вышла на кухню; у окна сидели две первокурсницы – бывшая соседка Лена и еще одна, рыженькая, веснушчатая, очень бледная.

– Привет, – сказала Сашка и окинула обеих оценивающим взглядом.

Лена была значительно толще ее и шире в плечах. Зато рыжая девочка…

– Как тебя зовут?

– Ира.

– Встань, пожалуйста.

Девчонка испуганно встала. Сашка окинула ее взглядом – и рост, и размер ее совершенно устраивали.

– Пожалуйста, дай мне твои джинсы и свитер. Прямо сейчас.

Девчонка сглотнула:

– Эти? Которые на мне?

– Можно эти. Можно другие. Только быстро.

– Ага, – пролепетала Ира и быстро вышла из кухни. Лена осталась сидеть, оцепенев, над чашкой чая.

– Это на время, – небрежно сказала Сашка. – Дружеский заем. И не надо так смотреть.

* * *

Она явилась к Портнову минута в минуту в черных шерстяных брюках и ярко-желтом узорчатом свитере ручной вязки. Перепуганная девочка Ира не пожалела для грозной Самохиной лучшего, что нашлось у нее в шкафу.

– Красиво, – сказал Портнов вместо приветствия. – Где-то я уже видел эти цветочки… Готова к занятию?

– Готова.

– Начинай. С первого по десятое, но не подряд, а в той последовательности, как я скажу. Сначала третье.

Сашка на секунду растерялась. Она привыкла делать упражнения по принципу «снежный ком» – второе нарастало на первом, третье на втором и так далее.

Портнов сидел, развалившись, за своим столом. Смотрел сквозь стеклышки очков, глаза были совершенно безжалостные, рыбьи.

– Мне долго ждать? Или вам надо распеться?

Он издевался.

Упершись руками в спинку скрипучего стула, Сашка набрала полную грудь воздуха и представила себе длинный ряд взаимосвязанных понятий, никогда не существовавших на свете, но воссозданных сейчас ее воображением… Или чем-то другим.

Понятия… нематериальные сущности, которые виделись Сашке похожими на капли сероватого желе, измерялись числами и выражались знаками. Но эти числа нельзя было записать, а знаки – вообразить; Сашкино сознание оперировало ими, заставляя складываться в цепочки, цепочки переплетаться таким образом, чтобы отдельные фрагменты, сливаясь, образовывали новые и новые сущности. А потом она расплетала цепочки, «отпечатавшиеся» одна в другой, мысленно, не шевеля губами, чувствуя, как подергивается от напряжения правое веко.

– Седьмое! Сейчас, с этой точки… Стоп! Полтакта назад! С этой точки – седьмое упражнение, вперед!

Сашку затошнило от усилия. Мир, воссозданный за несколько минут, накренился. Как будто перевернули улей с пчелами, начался недовольный гул; Сашка ткала из ничего новые цепочки связей и смыслов, закольцовывала и разрывала кольца, и веко подергивалось все сильнее.

– Десятое.

Новый скачок. Сашка никогда еще не делала упражнения вразнобой, но внутренний механизм, частью которого была ее личность, уже разогрелся и заработал в полную силу, питаемый упрямством и ненавистью к Портнову. Он хочет над ней издеваться? Еще кто над кем!

– Второе!

Сашка покачнулась. Выровнялась. Провела по лицу кончиками пальцев, ощутила фактуру грубой ткани, как будто на голову надели мешок. Второе упражнение… Все почти сначала, где же исходная точка… С какой развилки начать?!

– Будешь еще хамить?

Голос доносился издалека. Сашка видела лицо Портнова будто сквозь множество переплетенных волокон, блестящих, как шелк.

– Стоп, Самохина… Стоп. Я тебя спрашиваю: будешь хамить? Будешь на пары опаздывать?

– Не буду, – сказала Сашка сквозь зубы.

– В последний раз тебе верю, – Портнов усмехнулся. – На завтра готовь задание по активатору – схема на странице три. Будет лучше, если ты постараешься.

* * *

Она вышла из института, но не во двор, а на улицу Сакко и Ванцетти. Мостовая блестела, будто натертая маслом. Сашка остановилась под большим фонарем, стилизованным под старину… а может, и в самом деле старинным. За матовыми стеклами медленно колебался огонь и желтой точкой отражался в каждом булыжнике.

Открылась дверь кафе на противоположной стороне улицы. Вышла женщина, одетая не по сезону – в коротком светлом пальто, в легкомысленной кепке с клетчатым козырьком. Когда она ступила на мостовую, Сашка удивилась: как можно ходить по булыжнику на таких высоченных игольчатых каблуках?

Следом из кафе выбрался Денис Мясковский. Прихрамывая, побрел рядом с женщиной, вернее, за ней – как собачка. Сашка наблюдала, заинтригованная: между этими двумя, совершенно непохожими, неподходящими, стремительно разворачивались напряженные, даже взрывоопасные отношения.

Она отступила. В нескольких шагах от фонаря уже начинался полумрак. Сашка остановилась там, где темным проемом выделялся вход в переулок.

– Могло быть и хуже, сам понимаешь, – сказала женщина хрипловатым, почти мальчишеским голосом.

– Не могло, – сказал Денис.

Он стоял в расстегнутом пальто, белый шарф свешивался до земли, как витая веревка.

– Это же начало семестра, – голос Дениса дрожал. – До зачета еще далеко… Это же самое начало семестра!

– Дальше будет труднее, – сказала женщина.

Денис шагнул вперед. Сашка обмерла: он схватил женщину за воротник и вздернул над землей, так что метнулись в воздухе тонкие каблуки; он был выше ее на голову и тяжелее раза в два, женщина в его руках казалась совсем беззащитной – но она и не пыталась сопротивляться.

Прошла секунда. Сашка не успела даже вскрикнуть. Денис, издав странный звук, поставил женщину на мостовую. Обретая равновесие, она все-таки угодила каблуком в щель между булыжниками.

– Простите, – глухо сказал Денис. – Я…

И он вдруг осел перед ней, упал на колени, и Сашке сделалось в десять раз страшнее, чем за миг перед этим.

– Тебя много щадили, Денис, – сказала женщина, пытаясь выдернуть каблук из глубокой щели.

– Не надо!

– Ты можешь им помочь. Ты знаешь как.

– Я не могу! Я не…

– Можешь, можешь. Твои однокурсники могут. И ты. Посмотри, как работает Павленко. Посмотри, как рвет жилы Самохина.

Сашка вздрогнула.

– Ты помнишь зачет на первом курсе? – женщина говорила легко и даже весело. – Помнишь, что мне тогда обещал?

– Я не могу *это* выучить!

– Детский сад, – с легким сожалением сказала женщина. – Денис, все в твоих руках. Иди работать.

И, легкомысленно цокая каблуками, она прошла мимо замершего на мостовой Дениса, мимо институтского крыльца, мимо входа в подворотню. Проходя мимо Сашки, повернула голову; у нее было маленькое белое лицо, перегороженное, будто щитом, темными очками.

Сашка никогда не видела ее прежде. Но в этот момент она ее узнала.

* * *

Она заварила чай, запарила кипятком бульонный кубик. Отнесла все это в комнату номер двадцать один и, усевшись за пыльный стол, задумчиво раскрыла желтую брошюрку – понятийный активатор. Страница три, схема номер один. Просидев над ней пять минут, Сашка уже не в состоянии была оторвать глаз.

Желтая книжонка, напечатанная на плохой бумаге, была ключом, соединяющим воедино обломки многих головоломок. Она сшивала – грубо, на живую нитку – нелегкий опыт, полученный Сашкой во время учебы, и ее собственные представления о мире – изрядно пошатнувшиеся за последние годы.

Есть вещи, которые невозможно представить, но можно назвать. Получив имя, они изменятся, перельются в другую сущность и перестанут соответствовать имени, и тогда их можно будет назвать снова, уже по-другому, и этот процесс – завораживающий процесс творения – не имеет конца; вот слово, которое называет, и слово, которое означает. Понятие как организм и текст как вселенная.

Четвертое измерение, «зашитое» в схему, напрочь отбивало чувство времени. Слово было результатом и оно же – первопричиной любого процесса; перед глазами у Сашки поплыли «ракетки» – медленные яркие искры, какие обычно являются, если резко наклониться или

встать на голову. Сашкин чай остыл, бульон покрылся жирной пленочкой, но это не имело значения.

Схема на странице три лежала перед ней, как хрустальная модель термитника. Повинуясь каждый своей задаче, передвигались смыслы, обменивались импульсами, выстраивали иерархию и разрушали ее, чтобы выстроить новую. Сашка взяла себя за волосы; слово «гармония» разложилось на оттенки, как солнечный луч, и сложилось снова – в совершенстве.

– Ну ни фига себе!

Она провела большим пальцем по срезу страниц. Активатор не казался очень толстым, он был как журнал «Юность», который когда-то давно приносила Сашке мама. На каждой странице была новая схема – новая, связанная с предыдущими и последующими, еще одна ячейка в бесконечных сотах Сашкиного *понимания*. Тому колоссальному полю, что на секунду открылось ее глазам, не было предела и не было конца.

– Какая красота, – прошептала Сашка.

Слова резанули своей неточностью, затертостью, пошлостью. Она мигнула – с ресниц полетели случайные слезы – и попробовала *сказать* то же самое, не прибегая к привычным словам.

Ветром захлопнуло форточку. Разлетелись исписанные листы бумаги. Сашка тряхнула головой, будто вываливаясь из нирваны. Хотела закрыть книгу, но рука дрогнула. Схема номер три, совершенная до слез, притягивала взгляд, приковывала внимание; «оно само». Оно приходит, накатывает, и остановиться невозможно…

Колоссальным усилием воли она заставила себя захлопнуть активатор. Полетела библиотечная пыль; расслабляться было рано. Предстояло еще задание по текстовому модулю.

Она допила остывший чай. Подтянула к себе учебник, раскрыла первый параграф. Мельком глянула на страницу, заполненную бессмысленными знаками. Зажмурилась – от страха и предвкушения.

Щекотное чувство преддверия. Сейчас начнется. Сейчас.

И Сашка вгрызлась в текст.

Привычка концентрировать внимание, привычка к ежедневному напряженному труду делала свое дело. Сашка плыла, рассекая абракадабру, ясно чувствуя, что озарение на подходе. Еще чуть-чуть…

«Они молча миновали трехэтажный особняк, сложенный из розоватого кирпича, и поднялись на крыльцо между двумя каменными львами – морды их стерлись от частых прикосновений, но правый казался грустным, а левый насмешливым, даже веселым. Львы неподвижно глядели на Орион».

– Привет, – сказал Костя.

Сашка подняла глаза. Костя Коженников стоял на пороге, в руке у него был кусок пиццы.

– Извини, – сказала Сашка. – Мне надо доучить параграф.

Костя кивнул. Когда Сашка в следующий раз оторвала глаза от книги, он сидел за столом напротив, пицца его была съедена. Костя пальцем передвигал на столешнице засохшие крошки – выкладывал узоры.

– Извини, – сказала Сашка. – Заработалась.

– Ага… Наши все работают. Сидят, как мыши, носы в книжки спрятали… Портнов Мясковского сегодня дрючил за упражнения… Что с тобой случилось, а?

– Я расту как понятие.

– Как что?

– Я понятие. Не человек. Ты тоже, наверное, понятие. Мы все – структурированные фрагменты информации. И мне это нравится все больше, оказывается. Мне интересно быть понятием. Я расту.

Костя смахнул крошки на пол.

– О тебе Егор спрашивал.

– Кто это?

– Это парень с первого курса, с которым ты спала.

– И что же он спрашивал обо мне – у тебя?

– Не у меня. У Лизы.

– В другой раз будет спрашивать – пусть Лиза передаст ему, что я уже не человек. А потому ни с кем не могу спать. Кто видал, чтобы математическая статистика трахалась с первым законом Ньютона?

– Сашка, – сказал Костя. – Послушай… Ты держись. Тебе больше всех достается. Наверное.

– Вовсе нет, – Сашка улыбнулась и сразу же посуровела. – Вот Мясковскому… ему надо как-то помочь.

– У него все-таки Попова куратор. Это немного легче.

– Это не легче, Костя.

Он удивленно уставился на нее через стол:

– Ты так уверенно говоришь…

– Потому что знаю. Извини, мне в самом деле надо учиться. Мне очень-очень много задали.

Костя поднялся:

– Зачем я приходил-то. В деканате сказали: тебе дают повышенную стипендию. Как лучшей студентке.

– Павленко будет в восторге.

– Да, – Костя улыбнулся. – Сашка.

– Что?

Он смотрел на нее почти минуту. Хотел что-то сказать, но так и не смог. Покачал головой, будто прося прощения:

– Нет, ничего… Я пошел, пока.

Он распахнул дверь – и столкнулся, буквально нос к носу столкнулся с Фаритом Коженниковым.

Костя отступил – вернее, отлетел, будто его толкнули в грудь.

– Привет, – сказал Коженников-старший, внимательно разглядывая Костю на пороге – и Сашку в глубине комнаты. – Вы поругались, что ли?

Костя, не говоря ни слова, не глядя на отца, проскользнул мимо него в коридор. Фарит проводил его взглядом. Закрыл за собой дверь.

– Прости, если помешал.

Темные очки, на этот раз опалово-дымчатые, делали Сашкиного куратора похожим на лыжника-экстремала. Он подошел, проверил на прочность колченогий стул и уселся, подобрав полы темного плаща.

– У меня нет этих денег, – сказала Сашка. – Я их выбросила. В лес.

Этажом выше бухал магнитофон. За стенкой бормотал телевизор. Кто-то с топотом пробежал по коридору.

– Я спрыгнула с поезда, – сказала Сашка. – Хотела удрать. Но у меня ничего не вышло, и… Короче говоря, денег у меня нет.

– Я не за деньгами, – сказал Коженников. – Я на них не богатею, как ты можешь догадаться. Это всего лишь слова, которые никто не сказал и уже больше никогда не скажет.

В его очках отражался огонек настольной лампы.

Сашка вытерла слезы тыльной стороной ладони. Слезы злости и облегчения.

– Извините, – процедила сквозь зубы.

– Это ты меня извини. Я пришел и лишил тебя душевного равновесия.

– У меня нет душевного равновесия уже давным-давно… Сегодня я видела Лилию Попову, так вот: нет никакой Лилии Поповой. Это тоже вы.

Коженников покачнулся на стуле – взад-вперед. Скрипнуло рассохшееся дерево.

– Я права?

– Права, конечно, – Коженников улыбался. – Права. Только, пожалуйста, ни с кем больше своими наблюдениями не делись. Кто я такой… что я такое, давай поговорим потом. Когда ты станешь взрослее.

– Если вы хотите знать, – сказала Сашка очень тихо, – я о вас вообще ни с кем не хочу говорить. Я не хочу даже знать, кто вы… что вы такое.

– Хорошо, – Коженников кивнул, прикрыв глаза. – Согласен… Теперь собирайся, пойдем.

– Куда?!

– Институт предоставляет тебе квартиру. На время учебы, съемную. Тут же, на Сакко и Ванцетти, напротив учебного корпуса. Мансарда. Красивое место.

– Я не хочу, – сказала Сашка неуверенно.

– Да ну. Тебе еще не надоел этот сиротский уют?

Он обвел комнату рукой: три кровати, из них две пустые, под желтыми полосатыми матрасами, и одна, Сашкина, вкось укрытая линялым покрывалом. Облупившийся стул и еще один, трехногий. Раскрытый чемодан. Захламленные столы. Скомканные бумажки в пыльных углах. Сашке сделалось стыдно.

– Ну…

– Не будем тратить время. Хозяйка ждет нас в половине восьмого, сейчас семь. Есть у тебя время завтра после занятий таскаться с чемоданами? Нету? Вот и я так думаю. Поторопись.

* * *

– Вы были не правы насчет Кости.

Над городом Торпой высилось звездное небо. Поверх крыш восходил Орион. Тротуар и мостовая взялись ледком, даже ветки голых лип поблескивали под фонарями. Сашка шла бок о бок с Фаритом Коженниковым, несла в двух руках два полиэтиленовых пакета. Коженников катил чемодан, маленькие колеса то и дело увязали в щелях между булыжниками. Тогда он поднял чемодан за ручку и понес.

– Костя единственный сумел мне помочь. И вы напрасно… думаете, что он слабак. Он очень хороший, сильный, честный человек.

– Спасибо, что ты так говоришь, – Коженников быстро на нее взглянул.

– Я сама виновата в том, что случилось, – сказала Сашка. – Виновато *слово*. Одно-единственное.

– Так бывает. Уж кто-кто, а мы с тобой знаем цену словам.

Сашка поскользнулась. Коженников подхватил ее под руку:

– Не падай. Здесь недалеко. Только улицу перейти.

Сашке показалось, что дома на улице Сакко и Ванцетти сдвинулись, склонились к ней, почти соприкасаясь черепицей, оставив только узенькую дорожку под ногами и полоску неба над головой.

– А можно я отработаю за Дениса?

– Что?

– Если Денис не может… я отработаю за него. А вы… не трогайте его, пожалуйста.

Они миновали здание института. Почти все окна давно погасли – поздно. Светился фонарь перед входом в темный переулок, две бутылки из-под пива вмерзли в глубокую лужу.

– Саш, ты думаешь, я садист?

– Я о вас вообще не думаю.

– Думаешь, я знаю. Не переживай за Дениса. Он честно выкладывается – до черты. Но рано или поздно ему придется понять: если не прыгнешь сейчас «выше головы» – все пропало. Чем раньше он это поймет, тем лучше.

– Я…

– А ты не можешь ему помочь. Ты помогла Косте, потому что любила его. И сейчас любишь.

– Ничего подобного!

– Да. Только вы, два глупых щенка, навсегда упустили свое счастье. И напрасно ты говоришь, будто в чем-то виновата. Его вина – первая и главная.

– Я его не люблю. Я… с ним дружу.

– Ты за него боишься. Любят не того, кто возбуждает, а того, за кого страшно… А этого парня, Егора, ты никогда не сможешь простить.

Сашка остановилась. Пройдя несколько шагов, Коженников оглянулся:

– Почти пришли. Нам туда, где львы… Ты чего?

Сашка молчала. Коженников вернулся.

– Ну, что случилось?

– Он поймет. Когда будет на втором курсе – он все поймет, – сказала Сашка прерывающимся голосом.

– Конечно, поймет. Ну, пошли?

Они молча миновали трехэтажный особняк, сложенный из розоватого кирпича, и поднялись на крыльцо между двумя каменными львами – морды их стерлись от частых прикосновений, но правый казался грустным, а левый насмешливым, даже веселым. Львы неподвижно глядели на Орион.

Коженников позвонил. Открыла женщина лет шестидесяти, поджарая, быстрая. Взяла у Сашки один пакет.

– Мария Федоровна. А это Александра Самохина, Саша. Вот ключи. Возьми.

Два огромных ключа – с тяжелыми головками, со сложными бороздками – легли Сашке в руку. Как я буду их носить, удивленно подумала она. Разве что на шее, как украшение?

– Светлым ключом открывается входная дверь. Темный – от твоей комнаты. Идем.

Изнутри пахнуло сырой штукатуркой и почти выветрившимися духами. Автоматически включилась маленькая желтая лампочка. Хозяйка куда-то пропала; Сашка со своими кульками поднималась по винтовой лестнице вслед за Коженниковым, тащившим чемодан. Лестница была такая узкая, что чемодан то и дело застревал.

Сашка вертела головой в полумраке. Толстые перила изгибались, как дека старинного музыкального инструмента. Звук шагов отдавался эхом. Они миновали круглое окошечко второго этажа, и здесь Сашка остановилась, будто у нее ноги приросли к ступенькам.

Коженников обернулся на площадке третьего этажа:

– Саша?

– У меня проблема.

– Кулек порвался?

– Нет. Я…

– Поднимайся, вот уже дверь!

Сашка, спотыкаясь, поднялась на третий этаж. В коридоре было темно, Сашка споткнулась о свой чемодан.

– Где-то здесь выключатель, – пробормотал Коженников. – А, вот.

Загорелась лампочка. Сашка хлопнула глазами. Перед ней была узкая дверь, обшитая потемневшим деревом.

– Отпирай.

Ключ нашел свое место легко и без капризов. Тихий щелчок. Дверь открылась. Сашка сама, первая, шагнула вперед и нащупала выключатель.

Она стояла на пороге крохотной, почти игрушечной квартиры. Потолок, у двери очень высокий, кренился, делаясь все ниже, и у окна достигал Сашкиного роста. За окном был крохотный балкончик, увитый голыми виноградными лозами, а еще дальше лежала улица Сакко и Ванцетти, таинственно подсвеченная фонарями.

Направо вела простая белая дверь, за ней виднелась ванная, отделанная чистой розовой плиткой.

– Смотри. Здесь посуда, электрочайник… Смелее, все можно трогать, осваивайся.

Антикварный письменный стол, вернее, бюро – множество полок и ящиков. Ореховая столешница, когда-то закапанная чернилами, а потом очищенная почти полностью. Книжный шкаф. Гладильная доска с маленьким утюгом. Гардероб со множеством вешалок. Часы с боем; вот они скрипнули механизмом и негромко, деликатно пробили восемь.

Сашка, не раздеваясь, опустилась на край новенькой, в меру жесткой кровати с ортопедическим матрасом. Коженников втащил в комнату чемодан.

– Так что у тебя за проблема?

– Мне показалось.

– Не хочешь – не говори.

– Мне показалось, – повторила Сашка, – что я прочитала кусок из… – она запнулась. – Портн… Олег Борисович говорил, что в текстовом модуле можно «считать» фрагмент вероятного будущего…

– Дежавю, – Коженников улыбнулся. – И что ты прочитала?

– Про львов. У входа. Совершенно точно.

– Ну и что?

– Да ничего особенного. – Сашка облизнула губы. – Наверное… – и заговорила неожиданно для себя, быстро, взахлеб: – Вы можете управлять временем. Вы замыкаете его в кольца. Для вас ничего не может быть странного в том, что человек читает… и это с ним случается через час.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.